

УРАЛЬСКИЙ

ледоплыт

11

1963

УРАЛЬСКИЙ

Следопыт

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ СВЕРД-
ЛОВСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ СОЮЗА
ПИСАТЕЛЕЙ И СВЕРДЛОВСКИХ
ПРОМЫШЛЕННОГО И СЕЛЬСКОГО
ОБКОМОВ ВЛКСМ

ПРИКЛЮЧЕНИЯ
"ФАНТАСТИКА"

О ГЕРОЯХ -
ЗЕМЛЯКАХ

РАССКАЗЫ
БЫВАЛЫХ ЛЮДЕЙ

МЕЧТЫ
СОВРЕМЕННИКОВ

УРАЛ

ВЧЕРА
СЕГОДНЯ
ЗАВТРА

ЗАНИМАТЕЛЬНОЕ
КРАЕВЕДЕНИЕ

КОРОТКИЕ
РАССКАЗЫ

Следопытские
дела

Юрий ТРИФОНОВ

ЮНОСТЬ НАШИХ УЛИЦ

Поэма

Рисунки В. Васильева

Ленин — в новых планах и набросках!
Ленин — в гулком пульсе трудовом!
Он пришел

и встал у нас, в Свердловске,
на проспекте солнечном,
своем!

И его, приветствуя,
волнуясь,
словно только что с крутых фронтов,
замерли в простых названиях улиц
ленинцы немеркнущих годов!

Улица Егорова!

Я в детстве
с жаром десяти неполных лет
корешей, живущих по соседству,
убеждал, что лучшей в мире нет.
Где еще найдешь такую,

чтобы
уходила в голубую даль?
В мягких травах здесь тонули тропы,
звал к себе кинотеатр «Сталь».

Там, билеты в кулаках сжимая —
подешевле, на передний ряд, —
мы дрались за нашего Чапая
два сеанса утренних подряд.
Бились на развалинах Мадрида,
повторяли вслух: «Но пассаран!»
И вздыхали горько от обиды,
что не доверяют пацанам...
Мы росли, мужали

и с годами
разлетелись от родных пенат,
чтоб назад вернуться мастерами,
оглянуться с полпути
назад.

Я не знаю, что со мною случилось,
только от угла и до угла
улочка родная показалась
не такой, какой тогда была!
Красные, покрашенные крыши,
палисады, колея колес,
почему вы стали уже, ниже?
— Это ты, — они в ответ, — подрос!
Но для сына твоего покамест
высоки, как прежде для тебя...
Сын стоит и скучными глазами
озирает заросли репья.
Он у нас начитанный парнишка
(как еще от чтения не зачах!).
Даже в дни каникул

ходит с книжкой
и в пруду купается в очках.
Знает все про Марс и про Венеру,
мысленно

земной облазил шар.

В новеньком задачнике

примеры
все до одного перерешал.
Если бы не эта сверхученость,
был бы он мальчишка ничего,
и юнцы «ученым кипяченым»
во дворе не звали бы его!
Впрочем, мы — друзья!
И, чтобы парень
показал, что он не лыком шит,
я спросил: — А ну-ка, марсианин,
где начало улицы лежит?
И, конечно, круглый наш отличник,
пунктуально точный гражданин,
указал на синюю табличку
под незряшной цифрою: 1...
Слушай, мой ученый несмышлениш!
Я тебе сегодня расскажу,
как

коням, в бою разгоряченным,
потравляют жесткую вожжу.
Дам тебе потрогать синий ветер,
молнию поймать, увидеть гром,
и пространство в сотни километров

ощутить,

как сердце под ребром.
Расскажу тебе о дивной силе,
данной людям, чтобы жить-гореть,
сокрушать неизбежность бастилий,
улыбаться, презирая смерть.
С этой силой тяжесть притяженья
нашим космонавтам не страшна.
Только не дается от рождения —
жизнью добывается она!
С ней — как будто крылья за плечами,
и дорога ближе и прямей...
Слушай, мальчик, песню о начале
улиц,

магистралей,

площадей!

СТЫЧКА

Вижу я отчетливо и резко
сквозь годов разветренную тьму —
в двадцати верстах от Верх-Исетска
рубленую Верхнюю Пышму.
Взбудоражен маленький поселок,
рудокопы встали — не пройти!
Силикозным кашлем гул каелок
задохнулся

у горы в груди.

Недомеры. Штрафы и поборы.
Хватит! Баста! К черту этот груз!
Закусил приземистый Егоров
по-татарски книзу гнутый ус.
Перед ним — атласная рубаха! —
выжидал подрядчик у ворот.
— Что молчать?! Гони, Евсей, прибавку! —
и Егоров выступил вперед.
А Евсей с ухмылкой хитроватой
бороду погладил снизу вверх:
— Что ж, прибавлю по рублю на брата,

ждите... после дождичка в четверг!..
 Ногу утвердил на подворотне,
 он поговорить всегда готов!
 Колыхнул на сапоге добротном
 зеркала наваксенных боров¹.
 Круглый, изворотливый, лукавый,
 в позе — выжидательная тишь.
 — Подойди сюда вот ты, чернявый,
 при какой ты шахте состоишь?
 — Я? При Александровской... На конном...
 — Потому взымаю по рублю..
 Александра Невского икону
 для тебя, охальника, куплю!
 Да спасет господь нас от напасти,
 бог всеилен, каждый — божий раб!..
 А «рабы», могучи и зубасты,
 жгли глазами из-под грубых шляп.
 — Врешь, подрядчик! — выдохнул Егоров,
 взгляд его пронзительно остер.
 — Сказками голодных не накормишь!
 Зубы заговаривать? Хитер!
 Наших денег накопил изрядно,
 хватает их, чтоб власть и есть, и пить.
 Даже Богородицу купить,
 чтоб не скучно было Александру!..
 Тишина от смеха раскололась,
 всколыхнулась, как речная синь.
 А толстяк — перехватило голос! —
 захрипел, взмахнув руками: — Сгинь!
 — Еретик! — подрядчик вздрогнул зябко.
 Но ему не дали говорить:
 горняки сгребли его в охапку,
 осторожно, чтоб не раздавить!
 На три счета хороша раскачка!
 Раз, два, три — и взмыл победный крик!
 Затрещала горняцкой крепкой тачки
 стеганный железом

«пуховик».

Тачку,
 взяв без лишних разговоров,
 оставляя вмятины в песке,
 затащили парни на пригорок,
 и —
 катись, по струганой доске!

ОБЫСК

На отшибе горбилась землянка,
 был в ночи глазок печурки
 рыж.
 От жары корбились портянки,
 да скреблась в пустом сусеке мышь.
 Спал Егоров на широких нарах,
 рядом разметались малыши.
 Вдруг в окно посыпались удары,

¹ Бор — сборка, складка.

звон стекла в расколотой тиши.
 Дверь слетела. И ввалился пристав
 с фонарем (тень от спины — горой!).
 — Это здесь башибузучья пристань?! —
 он повел чувствительной ноздрей.
 — Обыскать! — Егорова связали.
 Тихий плач испуганных детей.
 Круглолицый, с крысьими глазами
 тут как тут шнырял уже Евсей.
 — Да ищите, нету ль прокламаций! —
 пристав лампу выше поднимал.
 И Евсей проклятый, рад стараться,
 сундучок единственный взломал.
 Узелок достал со дна,

в котором
 неразменный рублик был зашит.
 С нар сорвался связанный Егоров
 налетел, ударил грудью, сшиб.
 Он, что столько лиха видел в тридцать,
 не однажды подтянув ремень,
 знал,

что стоит этот рубль в тряпице —
 не на праздник,

а на черный день!..
 Били и топтали сапогами,
 били власть, пока он не затих,
 били, били

перед сыновьями,
 чтобы заодно сломить троих.
 Не стирая темно-красных пятен
 на руках, на земляном полу,
 не ушли,

а, торопливо пятясь,
 выскользнули в утреннюю мглу.

ВСТРЕЧА

Вдалеке над синими лесами
 вспыхнули соборов купола.
 Шла за мужем женщина босая
 и мальчишек за руки вела.
 Ни упреков, ни бессвязных жалоб,
 ни расспросов: с чем? куда идем?
 Подняла мальцов и подбежала
 и прижалась худеньким плечом...

— Эй, приятель! — Брызнув глянцем галек, взвизгнули колеса. — Подвезу!

— Проезжай... Я выпью сам свой шкалик.

— Штоф?

— Хоть штоф — и ни в одном глазу.

А попутчик, весь седой от пыли,

не скрывая радости, сказал:

— Слышал, как вы черта прокатали!

— Толку что?.. В работе отказал...

Захлебнется ирод нашей кровью,

управитель должен гнать таких...

Сам-то кто?

— Зовут Андрей Петрович

Елизаров... Я из заводских!

А тебя? Да ты садись, братишка!

Молодежь — в середку, сам — на край! —

Елизаров сунул кнут под мышку.

— Звать-то как?

— Егоров Николай.

— Значит, по закону с мироеда

высудить задумал старый долг.

Только мне такой закон неведом,

чтоб вцепился в горло

волку

волк.

А в контре рот открыл — и точка:

похлебаешь постного борща.

Надо наступать не в одиночку,

надо биться

миром,

сообща!..

В лад словам откинулся возница,

изготовил для удара хлыст.

— Гей! — и, щуря светлые ресницы,

протянул: — А ты, браток, ершист!

Николай ему ответил глухо,

волосы с ухмылкой вороша:

— Говорят, что знает только щука,

как острые иголки у ерша!

ЕКАТЕРИНБУРГ

Начинался город. Сердце ныло:

сколько здесь ютится бедняков.

А уже с пригорков подступила

каменная цепь особняков.

Только что все было так знакомо:
избы почерневшие.

И вдруг
блеском харитоновского дома
бил богатый Екатеринбург.
Город с миллионами своими,
косностью прожженный до нутра.
По нему сомнительное имя
дошлой женки грозного Петра.
Зная, что сыграет скоро в ящик,
торопился предъявить права.
Как проворовавшийся приказчик,
он гулял,

мол, завтра — трын-трава!

Жаден к звону желтого металла,
был к гостям с тугой мощной хорош.
А людей простых, без капитала,
он не ставил и в потертый грош.
И, глумясь, селил народ работный
в переулках Волчьих и Косых,
на зловонных улицах Болотных,
в тусклые подвалы Опалих.
Развалясь в пролетках тонкоосых,
щурился, начальственно суров,
и пугал прохожих рыком грозным
вышколенных, ражих кучеров.

Хищно замирал, как в небе коршун,
повстречав мужицкие возы;
долго настороженно топорщил
пышные

жандармские усы.

Но сквозь этот хлам, жестокий, черный,
обреченный, сытый и хмельной,
пробивался твердо и упорно
Екатеринбург совсем иной.
Вот он встал на Каменных палатках,
выбросив пикеты и посты;
пронырнул в горячий цех украдкой,
пронося «крамольные» листы.
У костра невидимого греясь,
засучив по локоть рукава,
слушал речь товарища Андрея¹,
постигал высокие слова.

¹ Товарищ Андрей — Яков Михайлович Свердлов.

А потом со светлой головою
песню зачеканивал в металл.
Если бы не жил мечтой большою —
мастерством не славился б Урал!..

Затряслась телега по плотине,
у собора, где под сенью глав,
прямо на пути, посередине,
царь застыл, надменно-величав.
— Значит, к управителю за коштом¹, —
Елизаров укорил опять.
— Только говорить с ним —

все равно что

с этим истуканом толковать!
Впрочем, с августейшим даже лучше:
мертвый не посадит на замок...
Эх, упрямец! Вот на всякий случай
мой тебе домашний адресок!

ПРОЗРЕНИЕ

Каменный забор. Колонны. Стены.
Мрамором обшитое крыльцо.
Николай поднялся на ступеньку —
холодом повеяло в лицо.
И ему навстречу — управитель,
в форменной фуражке до бровей.
Рядышком, оглаживая китель,
по-холуйски семенил Евсей.
Николай отпрянул за колонну,
понял сразу, кто Евсеев друг.
Страшная догадка уколола:
злую сеть опять плетет паук.
Превратился в слух.
— Я это ловко, —
зашептал подрядчик на ходу.
— Прокрадусь на ихнюю маевку,
главарей большевиков найду.
Тут меня в лицо никто не знает,
заблудился — в случае чего...
— Действуй! — похвалил его хозяин,
не сдержав довольства своего...

¹ Кошт — содержание, пропитание.

Что же делать? Сердце, посоветуй!
Люди, может быть, не ждут беды.
За Евсеем? Ан, Евсея нету:
хитрый лис уже замел следы.
Адрес! Выход знает Елизаров!
Торопись! Скорее, что есть сил!
Разыщи, Егоров! Ведь недаром
в коннице ты службу проходил..
Он шагал по Опалихе прытко,
вот и дом — четвертый от угла.
Николай легко толкнул калитку,
и усталость тяжестью легла.

ПРАВДА

Елизаров снял с крючка двухстволку,
прислонил к простенку, у перил.
— Заходи, браток, коль ненадолго...
Э, да ты и вправду захандрил!
Николай напился из кадушки,
отдышался и повел рассказ.
Елизаров, словно стало душно,
воротник рванул в который раз.
— Собирайся! Двинем на охоту! —
и, не объясняя, как да что,
мигом взял товарища в работу —
нацепил картуз, надел пальто.
— Значит, будем с полем¹ к Первомаю,
сельский жирный гусь — не дичь, а все ж...
Понимаешь?
— Нет, не понимаю!
— Вот Евсея схватим — так поймешь!
Николай, как будто подменили, —
не привыкший кланяться беде,
заскрипел зубами от бессилья:
— Где же правда? Кто ответит — где?
И тогда, выкладывая думку
и чему-то радуясь в душе,
Елизаров хлопнул по подсумку:
— Здесь она лежит, в патронташе!..

Шли они, минуя Опалихи.
Скрип тележный плыл над мостовой.
Кабаки. Галдеж. Неразбериха.
Зыркающий вслед городской.
Первой травкой брызнули покосы,
тропка извивалась, словно выюн.
Синий пруд поднялся между сосен,
вот он — полуостров Гамаюн!
Своего товарища увидев,
люди потянулись с берегов —
Николай Михайлович Давыдов,
рядом с ним Захарыч — Ермаков.
— Молодец! Какая маскировка!
Не смотри, что мал партийный стаж...

¹ С полем — с добычей.

Елизаров положил «курковку»,
расстегнул с улыбкой патронташ,
вынул пых,

и вот листок заветный,
трубочкою свернутый, достал.
Сам Захарыч за уловку эту
руку Елизарову пожал.
Развернул — в глазах мужицких радость! —
встал вблизи тенистого куста.
Прямо в сердце Николаю — «П р а в д а» —
заголовок вызвенел с листа.
Ермаков сорвал картуз в волнении,
влез, чтоб лучше видеть, на валун.
— Слушайте, что нам товарищ Ленин
говорит... — И замер Гамаюн! —
Вот где правда! Вот она какая —
правда, что сильней любых неправд!
И гремел, словами обжигая,
за зарядом огненный заряд.
Было слово каждое — как выстрел,
тот, что кровь стремительно гоня,
заставляет сердце биться быстро:
становись на линию огня!
И Егоров распрямился браво,
ощущая нетерпенье дрожь;
плечи молодечески расправил:
он еще не выдохся, он — гож!
Огляделся: надо убедиться,
что на сходку не пробрался змей.
Рядом с ним какой-то круглолицый,
в армяке. Да это же Евсей!
— Стой, варнак! Держи его, ребята!..
Треск кустов. Погоня. И — удар.

Небо, красным заревом объято,
рухнуло в ольховый крутояр.
Покатилась в бок земля сырая,
лес качнулся вполуборот.
Николай, сознание теряя,
простонал: — Поймаю! Не уйдет!

ОКТАБРЬ

Эта весть размашисто и крупно
обошла все уголки земли.
В Питере гонцы ежеминутно
донесенья Ленину несли.

Телеграф отстукивал с рассвета
ленточки замысловатых букв.
На призывный клич: «Вся власть Советам!»
«Есть!» — ответил Екатеринбург...

К центру направлялись верхисетцы,
подмастерья фабрик городских,
мукомолы,

слесари-умельцы
железнодорожных мастерских.
И Егоров с флагом кумачовым,
наклонясь порывисто вперед,
повторил услышанное слово
про Его Величество — Народ!

ДОБРОВОЛЬЦЫ

Вся Россия в оспинах и ранах,
каркает над нею воронье.
У нее единственным приданым
было лишь грядущее

ее.

Миллионы сырых, необутых.
Голод. Леденящий кровь мороз.
А в станицах под Челябиной

Дутов

руку на Республику занес...
Верх-Исетский штаб с утра заполнен,
в коридорах топот, скрип ремней.
У крыльца обнюхивались кони
из конюшен местных куркулей.
Ермаков записывал в дружину,
в комнате накурено, галдеж.
— Да пойми,— он повторил с нажимом,—
набираем только молодежь!
Николай не отступил, не вышел,
серые глаза его ясны,
и усы, хотя совсем обвисли,
все-таки служивые усы!
Он с лукавинкой, едва заметной,
подступал, все доводы рубя.
— У тебя,— шумел Захарыч,— дети,
у тебя ж семья!

— А у тебя?..
 Не шути, Захарыч, не возьмете —
 опишу подробно Ильичу...
 И сказал Захарыч при народе:
 — Убедил!—
 и хлопнул по плечу.

ПРОВОДЫ

Мостовую шагом сотрясая,
 шли к вокзалу грозные ряды.
 Нес высоко бородач Синяев
 боевое знамя впереди.
 Бесь поселок провожал героев
 с песней залихватской на врага,
 двигался с боков за плотным строем,
 втаптывая рыхлые снега.
 Позади, где взвод разведки цокал,
 где с утра вертелась ребятня,
 посадил Егоров по-отцовски
 двух сынов с собою на коня.

И в платочке, сдвинутом на темя,
 разгудавившись на холоду,
 шла жена его,
 держась за стремя,
 у соседских женок на виду...

Было их прощание негромким —
 перед тем, как тронулся состав,
 Николай из жиденькой котомки
 вачеги¹ прожженные достал.
 Протянул, молчанья не нарушив.

¹ Вачеги — рабочие рукавицы.

Что слова? И так понятно ей
 больше, чем просительное: «Нужно!»,
 больше, чем короткое: «Зашей!»
 Пряча на груди их,
 услышала
 сердцем то, что знала наизусть,
 то, чего единственно желала:
 «Не тужи... С победою вернусь!»

БОЙ

Март кружил в обнимку с непогодой
 в глубине челябинских степей.
 До врага два конных перехода,
 вдруг навстречу звонкий скрип саней.
 В тот же миг испуганный возница
 перед верхисетцами стоял.
 — Вот те крест,— седой казак божится,—
 дутовцев, ей-богу, не видал!
 И опять копытный гул рассыпан
 по степной станичной стороне.
 Смурый от ветров и недосыпа,
 Николай качался на коне.
 Показался мост на Черной речке,
 а за ним — рукой подать! — привал.
 Но в лицо хлестнул с порошей встречной
 из засады залповый обвал.
 Взвод отпрянул в сторону с дороги,
 осмотрелся и пошел в обход.
 Лошадей подкованные ноги
 звучно били в синеватый лед.
 Следом в цепь разворачивались сотни,
 треск ружейный, дружное «ура!»,
 и, как молот в огненной работе,
 ухнуло орудие с бугра.
 Вымахал Егоров на пригорок,
 и столкнулся с дутовцем: — Евсей!
 Тот назад галопом,

вот-вот скоро
 скроется среди своих цепей.
 Сыпались копыта в перезвоне,
 оставляя рвущийся дымок.
 И Егоров бросился в погоню,
 заноса навтыжку

клинок.
 Пригибаясь к лошадиной шее,
 распалаясь и входя в азарт,
 он перескочил через траншею
 и не слышал оклика: «Назад!»
 Миг еще — и он его достанет,
 запах пота, ветра волчий вой.
 Страшен был преследующий всадник
 в телогрейке, в шапке меховой.
 Конский храп. Слетевшая папаха.
 Злобой перекошенный оскал
 Опустилась молния с размаха,
 и Евсей сугробы запахал.

Всадник мчался, словно одержимый,
степь кричала в сотню голосов.
С жадностью он слизывал снежинки
С кончиков прокуренных усов.
В строй казачий врезался с разбегу,
в чащу пик, в косматые чубы.

Облака завихренного снега,
словно кони, взмыли на дыбы.
А вдали, затворами проклавав,
встал отряд в решительный бросок.
По степи, петляя, словно зайцы,
дутовцы пустились наутек...

Косогор. Костры пылают жарко.
Частокол мерцающих штыков.
Почему темней своей кожанки
командир отряда Ермаков?
Не от раны рваной боль во зоре:
Ермаков — железный человек!
Но в саях — Калинин, Колмогоров
и разведчик Николай Егоров.
На щеках лежит, не тая, снег...

ЭПИЛОГ

Константин Калинин, Колмогоров,
Николай Егоров...

В блеске дня
обелиск высокий, на котором
рдеть сполохам вечного огня!
Так диктует время поколениям!
Вьется стрежень улицы-реки.
Двигается народ по направлению
Ильичевой бронзовой руки.
— Что ж, сойдем, мой мальчик,
с тротуара,
пусть подхватит нас с тобой поток!..
Вот она и площадь Коммунаров —
магистрали

ленинской исток!..
Пробил час!
Застыли и знамена!
Даже старой гвардии вожак —
повидавший виды Парамонов
бороду свою собрал в кулак.
Тут же, локтем чувствуя соседа,
голову седую обнажив,
принял факел Александр Медведев —
летописец визовских дружин.
И над камнем торкнулся в ладони,
и упал на зеркало кремня,
и поднялся — блики на газоне! —
яркий выпел вечного огня!

Будто все, что жгло солдатам душу,
что через бои с собой несли,—
выметнулось, вырвалось наружу
светом к свету, к нам, из-под земли.
Ошибались, спорили, дружили,
а пришла пора — в дыму атак
умирали так же, как и жили:
гордо, с песней верной на устах!
Воины несли их, как героев,
потому что каждый был велик,
кто за дело Ленина святое
шел под пулю дутовца, на штык;
в честь погибших улицы назвали,
справедливы, строги и прямы.
И живут герои вместе с нами,
составляя сплав единый — «Мы!»
Мы! — и споры стихнут, умолкая!
Мы! — и встанут верные сыны,
для которых дом — страна родная!
Крепок дом — и мы с тобой сильны!
Дом богат — и мы с тобой богаты!
Дом высок — и мы ему под стать!
Пусть со стен на нас глядят солдаты —
есть нам чем гордиться, что сказать!
Мы клянемся им, как самым близким,—
доведем их дело до конца.
На века огонь у обелиска
мы зажгли от пламени в сердцах!

ПЕРВАЯ ДЕТАЛЬ.

Фото И. Тюфякова

ТЕПЛО, КОТОРОЕ НЕ ЗАМЕЧАЕМ

Снова электрод прилип так, что не оторвешь. Покраснел, изогнулся и хрястнул. Теперь на трубе осталась закорючина. Она остывала и становилась сначала фиолетовой, потом синей. И маленький кружок, откуда торчал обломок электрода, тоже синел. Саня хотел сделать шов, а получился снова какой-то гриб.

Не поднимая щитка, Саня взял обломок трубы и начал сбивать синий гриб. Старался бить тихонько, чтобы не услышали, но неловко повернулся и зацепил ненавистный трезубец-электрододержатель. Посыпались искры, и все пропало.

— Ну вот,— сказали за спиной,— опять.

Саня согнулся, боясь пошевелиться.

Было такое чувство, что он не сидит на корточках, а висит в воздухе. Вот сейчас его поднимут и унесут далеко-далеко.

— Что, снова отличился?

Это значит, за спиной стоят уже двое. Сейчас опять все соберутся, а тот, длинный, начнет обзывать вятским. И ничего ему не ответишь: все это правда. И что электросварщика из Сани не выходит и что он с реки Вятки.

Но все еще ничего, если бы не Колька Мухомодеев. Колька пришел во второй цех вместе с Саней, а уже все умеет. И ходит между пузатых баков, высоко задрав голову.

Мухомодеев — сварщик, а Саню все еще зовут что-нибудь подержать и что-то унести. Ведь он элементарный шов заварить не умеет. Саню оставляют во вторую смену перетаскивать всякое железо, включать и выключать сварочный аппа-

рат. Он не отказывался ни разу. А иногда, после того как все уходили, начиналась еще одна его смена. Ночная. На него никто не смотрел, и он никого не видел.

Сначала Саня научился ловко сбивать грибы. Потом они исчезли: кончился их сезон.

Саня приходил раньше всех. Утром в цехе такая тишина, как в лесу. Даже слышно, как вода в трубах урчит.

Приятно слушать этот утренний разговор труб.

Но однажды Саня услышал, что вода не только урчит, но и булькает. Подошел к насосной системе и увидел фонтан. А вокруг по колено воды.

Он оглянулся и понял, что один, что не у кого спрашивать разрешения. И тогда Саня включил аппарат, начал подбираться к фонтану. Он не замечал, что зеленая спецовка потемнела, а потом стала блестящей, как скафандр. Искры рассыпались и шипели в потоках ледяной воды.

Дыра сначала была величиной с донышко стакана.

Потом с чернильницу.

Потом с полтинник.

Вокруг шипело, свистело, Саня не слышал и не видел, что делалось за его спиной.

Длинный парень дежурил у аппарата — Саню могло ударить током. Петр Волохов и Коля Мухомодеев стояли в стороне: вокруг было море воды. Саня заделывал оставшийся «пятак», через который остервенело вырывалась ледяная струя.

И вот, наконец, стало тихо-тихо. И светло. Саня повернулся, не подняв щит-

ка. Спецовка обледенела, и весь он сверкал. Стоял по колено в воде и будто раздумывал: выходить или не выходить? Поднял щиток и увидел, что все смотрят на него. Хрипло сказал: «Доброе утро». И сел на выступ пузатого бака.

Их делают для специальных выключателей для Братской ГЭС. Такие выключатели

могут работать при любой стуже. И никто не думает, что увозят они с «Уралэлектроаппарата» столько тепла, что хватит его на любой мороз.

Саня, то есть Александр Зыков, каждый день видит, как остывают сделанные им красные швы, вернее, не остывают, а прячут тепло.

СТЕЧЕНИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ

Неверие растет быстро. Оно моментально заражает всех.

Парень не вызывал особых симпатий. Не очень разговорчивый, ходил по цеху как-то угловато, а тут еще — на тебе! — явился на работу под хмельком. И друзья у него были подозрительные.

Где-то что-то пропало. Кто-то о чем-то сказал. И вот...

У проходной его ждали начальник цеха и мастер.

У выхода из цеха караулили комсомольцы. Они не желали ему плохого, а просто хотели, высказав все начистоту, потребовать ответа.

Конечно, они могли подойти к парню и поговорить по душам. Но сейчас это им казалось уже лишним.

Ну что ж, стойте. Ждите...

Как он сумел исчезнуть, никто не понял.

У проходной томилось начальство.

У входа в цех дежурили товарищи.

А его уже не было. Простыл так называемый след.

На следующий день состоялась беседа.

— Вот так, Халаимов. Тебе придется покинуть наш завод.

— И не подумаю... Вы ко мне с подковыркой не подходите! У меня такой характер: все напрямому. А про кражу вы напрасно на меня думаете. И эта шпана мне вовсе никто. По глупости выпили один раз вместе. Я сам такую шпану ненавижу. Жаль, что с ними больше не встретился, а то бы вывел их на белый свет.

Все оказалось правдой. А последние слова — программой к действию. После

работы комсомолец Халаимов стал приходиться к начальнику угрозыска майору Ососову, помог раскрыть не одну темную махинацию.

Темный переулок не спал. Он вяло играл тусклыми огнями, изредка хлопал дверьми и ждал. Где-то у кустов затаилась злоба. Черная, с запахом «горькой» (для смелости), с холодным и безжалостным клинком в кармане...

Свет фонаря на углу выхватил из темноты низкую, крепко сбитую фигуру. И уверенную, знакомую походку.

Парень уходил от фонаря, и росла тень. Она намного обгоняла его с каждым шагом, а потом пропала.

Из кустов шагнул высокий тип, неестественно медленно переставляя ноги и что-то бормоча. Наметанный глаз определил сразу, что роль пьяного неизвестный играет плохо.

— У... М... молодой... Молодой человек, посмотри, сколько у меня время.

И протянул левую руку. Правая быстро скользнула в карман. И в ту же секунду сверкнула сталь — нож! На пути занесенной руки оказалась знаменитая вилка — захват! И огромный детина рухнул на колени.

— Отпусти. Отпусти, не буду. Ну, возьми нож, возьми. Не ломай руку, ой!..

Трезвым голосом детина орал шесть кварталов.

Вячеслав тащил его по темному переулку, по полутемной улочке. На освещенном перекрестке у телефонной будки стояла пожилая женщина. Не отпуская

хулигана, Вячеслав давал ей короткие команды.

— Нажмите кнопку. Теперь набейте.

Женщина поворачивалась то к автомату, то смотрела на странную пару. Маленький, широко расставив ноги, был спокоен. Большой, корчась от боли, ругался и стонал. Через несколько минут приехала машина.

На следующий день трудно было уйти от вопросов.

— Слава, как это ты его?

Он молчал, а потом махнул рукой.

— Да что вы? Что тут особенного? Я ведь на границе служил. Обычное дело. Просто стечение обстоятельств. Это каждый должен уметь.

И ушел в дальний конец цеха, склонился над игривым синим пламенем автомата.

А вечером его все-таки окружили.

— Слава, ты извини нас за то, помнишь? Прости, мы не знали.

Он медленно оглядел каждого, потом улыбнулся, похлопал кого-то по плечу и зашагал из цеха.

Кстати, Вячеслав Халаимов из того же цеха, что и Александр Зыков. Морозостойчивые выключатели для Братской ГЭС везут в Сибирь тепло и его горелки.

А. ПОТАШИН

ТАКАЯ УЖ ПРОФЕССИЯ

Имя — Борис...
Фамилия — Бузаков...

Профессия — токарь-искатель...

«При чем здесь искатель? — подумал секретарь комитета комсомола. — Токари бывают четвертого, пятого... шестого разряда. Лишние слова ни к чему».

И вычеркнул из анкеты, написанной пареньком, это слово.

Впрочем, расскажи ему Борис случай, который произошел пять лет назад, то секретарь многое понял бы.

Сначала друзья — лобастый, с рыжими опадинками веснушек Борька и худой,

длиннорукий непоседа Генка — обошли Шарташ. Шли в потемках, по каменистым и сырым от росы берегам, через болотца. И все время слева — то зеленоватая в заводах, то чугунно-литая в безветрине, то слепящая разноцветными бликами под солнцем — плескалась и шуршала о песок и травянистый берег вода озера.

— Исетский пруд.

— Есть пруд! — хлопнул Генка по ладони Бориса своей ладонью.

И снова слева, то исчезая за замшелыми островками, с высохшими и отшлифованными дождями голыми стволами

сосен, чернела и серебрилась вода. Потом узкая, с осокой, полоска пруда забрала вправо, помаячила немного и исчезла. Запахло сыростью, мхом, заплесневелыми листьями. Болото было везде — впереди, слева, справа. Промокла обувь, набрякла одежда; зачавкала, проваливаясь, ряска. Скоро друзья оказались по пояс в мутной жиже.

На крики подоспел незнакомый охотник и вывел их из болота.

— Подрастите, — сказал он. — Силенок подкопите...

— Обойду я пруд все равно, — сказал тогда Борис. — И Землю всю...

Сейчас Борис знает, что пруд не круглый, как озеро, и обойти его нельзя, но и понял, что цель не придумывают, появляется она неожиданно и должна быть нужна всем. И понял, что за целью надо идти до конца, пока не появится новый горизонт.

...Между небом и станками Генки и Бориса только выстекленная полоска перекрытий токарного цеха. Днем кажется, что крыша ускользает по столбикам-лучам и возносится к солнцу. Если уцепиться за переплет, то, верно, можно подняться высоко-высоко...

— Обожжешься, — говорит Генка, — солнцем — штука горячая.

— Я с собой землю захвачу, — Борис раскидывает руки, показывая, как он понесет ее. — Поверну Северным полюсом, и охладится светило...

— Ну-ка, охладись, светило! — говорит мастер. — Задание на сегодня сложное. Слушайте внимательно...

Оказывается, нужно выточить конусные шапочки. Сто пятьдесят штук за три смены.

— Может, штампануть? — предлагает Борис. — Сэкономим две смены, болванки. Штука-то пустяковая.

— Понимаю, понимаю, — соглашается мастер, — можно придумать приспособление. На это уйдет смена. А если не получится? Вместо трех — четыре смены... Так что лучше точить. Заказ мелкий, риск ни к чему. К тому же вы не слесари.

Он ушел, а Бориса задела последняя фраза мастера. Не то, чтобы он оскорбился, но почувствовал в этих словах недоверие к своему предложению.

— Слышал, Генка, мы — не слесари! Будто у слесаря руки особые и голова на плечах другая. Есть одни руки — рабочие. И мы докажем, на что они способны! Вот

Рисунки А. Гуссис

так: я долблю форму, ты точишь молоток, что-то навряд пресса. Конус — штамп, а шов заварной. Уяснил?

— Рваться сталь будет. — Генка не верит в скоропалительное решение Бориса. — Прошляпим с этими шляпками.

— Не кукситься... Будет рваться, не позволим.

Борис притащил столик, смахнул стружки, сдул пыль, принес доску, сталь.

К обеду была готова форма, молоток.

Первая заготовка, прогнувшись под ударом, порвалась, как бумажная.

Вторая удар выдержала, но не приняла нужной формы. Борис теребил чуб. Время шло быстро-быстро.

— Генка, точи новый молоток, — решил Борис, — этот немного больше, чем нужно.

К трем часам снова были готовы молоток, форма, листы стали.

Первая шапочка не получилась.

Еще удар — и Борис вытаскивает готовую деталь.

Затем вторая, третья, пятая...

До конца смены сто шапочек рядками поблескивали на столе.

Пришел мастер, осмотрел, повертел их, постукал молотком.

— А на зуб? — Борис подмигнул Генке.

— Вижу, что зубастые. А сделано плохо.

— До конца смены доделаем, а, Генка? Вашу руку.

— И не доделаем, а сделаем, — и Генка шлепнул по ладони Бориса своей ладонью.

Солнце упало где-то за заводской оградой, крыша, отяжелев, опустилась на место, по стеклам переплетов, багровея, разливались огненные лужи.

Последнюю шапку кованул Борис. Все.

— Знаешь, Генка, после такой удачи меня на лирику потянуло. — Борис скидывает шапочки в ящик. — Помнишь, там, на болоте, мы обещали насчет Земли... Обошли с тобой Кавказ, были на Алтае, купались в Чусовой. Нынче вот в Сибирь махнем.

— «Торопитесь видеть Землю» — сказал один поэт. Вот мы и торопимся.

— Так ведь Землю можно и в кино, и по журналам, и по карте узнавать... Понял, к чему я?

— Что-то не совсем.

— Да к тому, что на месте поэта я бы сказал: «Торопитесь видеть все». Вот так... собственными глазами!

И смеется, похлопывая друга по плечу.

Ю. БОРИСИХИН

ЦВЕТЫ

Челябинский аэропорт. Оживленные лица, выглаженные костюмы, небольшие чемоданы.

Я пошел зарегистрировать билет. И тут я увидел рыжего-рыжего здорового мужчину с крупным грубоватым лицом и чуть припухшими глазами. А в огромных руках нежность: в бумажном стаканчике белая лилия и две красные розы. Он стоял, прислонившись к колонне, и с какой-то детской улыбкой колдовал над цветами. Казалось, объяви сейчас посадку, и он не услышит.

Перрон ремонтировали, к самолету нас должен был доставить автобус.

Пассажиров на Свердловск много. Бортпроводница недосчиталась пяти человек. Объявили по радио. Трое пришли. Ждали остальных.

Тут я опять увидел большого огневолосого человека. Рядом со старушкой он казался сыном-переростком, которого та решила определить в люди.

Неловко повторяет он ее наказы:

— ...Компот «Слива», яблочек, помидорчиков... Да что ты, я всего наберу, у меня же есть деньги! — Неловко чмокнув старушку, он чуть не выронил цветы и уже на ходу, как бы оправдываясь, проговорил:

— Меня ждут.

Заскочил в автобус, налетел на чемодан, кого-то обрызгал водой из стаканчика. Извинился и объявил, косясь в окно:

— Знаете, у меня... маленький... Родился сын! — захлопал ресницами, притянул к груди цветы и осторожными большими пальцами начал перебирать стебли.

Крашенная женщина, которую он обрызгал, удивленно посмотрела на него. Мужчина в шляпе убрал чемодан и предложил большому новорожденному папе место:

— Пожалуйста, садитесь. Поздравляю вас.

Но большой папа в мыслях уже был, наверное, рядом с сыном. Своим. Родным. Таким дорогим и близким...

Мы доехали до нахохлившегося кузнечика «ЛИ-2», готового прыгнуть в поднебесье.

По трапу я поднимался за «большим папой» — иного имени я ему уже не мог дать, глядя на неуклюжую широкую спину. В низких дверцах он остановился, лихо стукнул себя по бедрам и, с мольбой глядя на бортпроводницу, проговорил:

— Оставил чемодан.

Засуетился, не зная, куда девать цветы, хотел было спуститься обратно, но по

трапу поднимались пассажиры. Растерянно уставился на проводницу. Та протянула руку, но он не оставил букет, а прижимая его к груди, суетливо бросился по ступенькам к шоферу.

Все затаенно улыбались, а грузноватый мужчина пробубнил:

— Такой и голову оставить может... Растяпа!

Все в порядке: цветы в руках, чемодан на месте. Когда большой папа усаживался, кто-то посоветовал ему цветы отдать проводнице, а то, мол, вода расплещется или чего доброго помнутся. Большой папа не согласился.

Я не знаю, кто он: инженер, рабочий, студент... Не знаю. Для всех нас он был просто хороший нескладный человек.

Внизу проплыли квадраты посевов, деревенские стада, блеснули на солнце зайчики озер, и незаметно подкрался в стальной дымке Свердловск.

Когда все поднялись, чтобы выйти, крашеная женщина сердобольно посочувствовала:

— Уснул папаша. Надо разбудить.

Большой папа вскочил и...

— Где цветы?!. О, ужас! — застонал он.

Оказывается, когда он уснул, цветы вывалились из руки. Розы покрылись черными пятнами, а лилия была похожа на кусок бумажной салфетки.

Большой папа смотрел на всех и не понимал: почему смеются? Что тут смешного?! Плакать надо, а они... Выразительные, очень впечатлительные у него глаза. Он ничего не сказал и, отвешивая в стороны свои «простите», начал пробираться к выходу.

— Гражданин, чемодан?

Ну, конечно, чемодан мирно покоился у ног проводницы.

Большой папа схватил чемодан и, сгорбившись, начал пробиваться к узкой щели:

— Где я могу купить цветы?

Никто не отвечал. Больше никто не смеялся. Всем было стыдно: человек с работы, не спал. Родился сын...

Я выходил последним. Огляделся. Рядом большого папы не было. Он бежал чуть поодаль, подметая утреннюю бетонную площадку широкими брюками, и размахивал ярким букетом цветов. У самолета стояла крашеная женщина, обнимая девочку-подростка. Девочка провожала взглядом высокого нескладного дядю, а женщина говорила:

— Не надо жалеть, Светик. У него родился сын. Видишь, какой он счастливый и смешной.

[Handwritten signature]

ВМЕСТЕ СО ЗВЕЗДАМИ

Бригадир каменщиков Галиев подзвал Бориса и сказал, чтобы тот взял с собой фэзэушника Петьку Дарка, двух подсобников и шел на трансформаторную будку.

— Та, что около прорабской. Раствор будете делать сами; там подъезда нет, машине не пройти.

И еще сказал, что надеется на Бориса: ведь он умеет читать рабочие чертежи и не пропустит ни одного проема, ни одной отдушины.

Петька Дарк завидовал Борису: вот уж кто никогда не завалит угол. Это про Бориса говорили: «Глаз, как ватерпас». А у Петьки еще не получалось скоро и точно. И на углы его не ставили, еще не доверяли. Он работал на «капиталках», где совсем почти не было проемов. Когда Борис сказал, что Петька будет работать с ним на трансформаторной, он обрадовался. Вот там-то Петька попробует завести угол. Борис добрый, разрешит. И вообще Петька будет стараться.

Фундамент у будки уже готов. Под навесом был цемент, а рядом, в узком коридорчике, песок. Воду подавали через шланг из прорабской.

Борис разрешил Петру заводить один

угол, а три взял себе. Иногда Борис подходил с отвесом и прицеливался.

— Нормально, Петро, хорошо. Чаше «стреляй», и все будет в порядке, а то вот кирпич вылез...

Петька старался. Он таким же, Борисовым, движением разравнивал мастерком раствор, а потом шлепал кирпич, ударял по нему сверху.

Кирпич — и удар. Петьке нравилось, как необычно ловко ложатся они сегодня — ровно, точно по шнуру, гладко, хоть

танцуй. Он не слышал, как подсобники ссыпали новые кирпичи у ног, как чавкал раствор, отваливаясь от днища носилок. В уши била залихватски-бодрая музыка позванивающих мастерков... Борисова и его, Петькинова. Стукнет по кирпичу и зальется, как будто радуется еще одному побежденному, уложенному на лопатки кирпичу, и визжит, вибрирует: «Ха-ха! Хо-ро-шо!».

Петька увлекся перезвоном двух мастерков и совсем забыл оставить на пятом ряду дыру. И Борис почему-то не напомнил. Наверное, из-за спешки: ему надо было забрать из детсадика «крошку Лиду».

Перед уходом Борис попросил Петьку замерить кладку. Петька увидел на стороне Бориса отдушину и вспомнил про свою. «Забыл, черт подери! Совсем забыл».

Прикинул. Если разбирать, то надо рядов десять... И придется тревожить угол: «проектируют же, черти, рядом с углом», — Петька от страха даже присел.

Но что-то надо было делать. Долбить, ломом? — Сдвинешь угол. Разбирать? — До темной ночи провозишься...

Из прорабской еще не ушли. Там норовищица Марта. Лучше подождать, когда она уйдет.

Петька понуро побрел в столовую.

К трансформаторной он вернулся часов в восемь. В прорабской уже никого не было. Достал из-под ящика чертеж (их всегда прятали на объекте, чтобы не бегать за мастером — зря время не терять), кусочком извести отметил нижние границы проема и со вздохом махнул ломиком...

Раствор еще не схватился, кирпичи отваливались легко. Разбирать надо было много и с толком: все-таки угол...

Петька уже вспотел. Попробуй-ка помахать ломом, да потом очистить кирпич, да отбросить раствор. Хоть и говорят, что ломать — не строить, а попотеть придется...

Уже выступили ночные звездочки и лукаво перемигивались, заглядывали на Петьку: «А, как ты там, Петька Дарк?»

Когда Петька положил первый кирпич, усталость пропала.

Правда, было темновато. Когда наступишь отвес на угол, то ниточки почти не видать. Но на помощь пришла луна. Она повисла фонарем как раз над Петькой, между двумя пятиэтажными домами.

Осталось совсем немного. Пять рядов. Если бы не раствор, который приходится и самому замешивать и тащить волоком в носилках до угла... А руки — ерунда! Как же это, каменщик и чтоб не имел мозолей? Наоборот, даже приятно, когда чуть гудит спина, саднят мочки пальцев и горят ладони.

А пот легко смахнуть рукавом рубахи...

Петьке вовсе не тяжело. Ему даже весело: завтра Борис ничего не заметит, и они будут играть мастерками. Будут создавать свою дружную мелодию работы.

Петьке оставалось два ряда, когда свету поубавилось. Люди уже ложились спать, и окна больше не подсвечивали.

Осталось полряда. Луна скрылась за крышу дома... С темнотой навалилась и усталость. Она растекалась по телу.

Подчистить, убрать раствор от разобранной кладки Петька уже не мог...

Утром Борис, с усмешкой глядя на Петьку, спросил:

— Ночью, что ли, исправлял? Ишь, круги под глазами... А ну марш спать! После обеда придешь. — И уже тише закончил: — Иди, иди, Петро. Надо отдохнуть.

А. ЗОЛИН

СОЛНЕЧНЫЙ КАМЕНЬ

Иногда бывает так, что полезные ископаемые не замечают даже в том случае, когда ценность их можно определить просто при осмотре образцов. В районе города Миасса, Челябинской области, проходит трасса трубопровода. При его прокладке рыли траншею, укладывали трубы, но никто — ни рабочие, ни прорабы — не заинтересовался необычно яркими розовато-оранжевыми камнями на дне и в отвалах траншеи.

Нынче летом полосу трассы осмотрел геолог Н. Е. Власко-Власенко. Оранжевые камни оказа-

лись редко встречающейся в природе разновидностью декоративного мрамора. Полированные штуфы его поражают чистотой ярких оранжевых и розовых тонов и узорчатым рисунком. Он получил высокую оценку специалистов. В Советском Союзе до сих пор не обнаруживали такого камня.

Декоративный мрамор пойдет на отделку зданий дворцов культуры, клубов, театров.

Специализированная партия приступила к изучению месторождения.

А. ТАЛАНЦЕВ

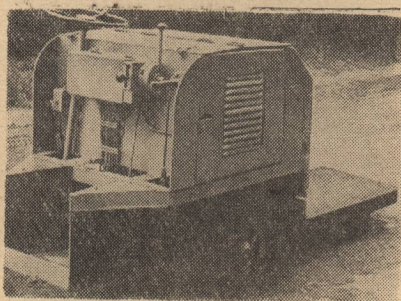
По следам героя

В Куртамыше, на площади Революции, стоит обелиск. Известно, что здесь похоронен комсомолец Коля Дмитриев.

Следопыты Куртамышского Дома пионеров решили узнать о подвиге героя.

В селе Звериноголовском они разыскали товарищей Коли Дмитриева — Марину Лаврентьевну Калетину, Ивана Григорьевича Новикова, Александру Ивановну Ключкову и Татьяну Ивановну Баландину. До вечера записывали ребята рассказы участников событий тех лет. Коля запомнился друзьям как веселый, боевой черноглазый паренек. Родился он в селе Отряд Алабуга, но после революции вместе с родителями переехал в Озерную. Здесь вступил в комсомол. Его отец, священник, проклял сына, отказался от него. Коля активно выступал на собраниях, разоблачал кулаков, скрывавших хлеб от Советской власти. Мечтал о будущей счастливой

Уральская марка

«Малыш» зашагал

Из ворот Уральского автомобильного завода выходит вереница грузовиков.

Идут испытанные хозяева наших дорог — мощные машины «Урал-355М», их сменяют большие вездеходы марки «Урал-375».

Дух захватывает, когда видишь, как мчится по шоссе мощный тягач-вездеход, буксируя трехтонный прицеп.

Но недавно в семье этих машин появился младший брат. О нем рассказывает руководитель конструкторского бюро цеха автоматизации Ю. В. Конде:

— По нашим цехам долгое время двигались электрокары, выпущенные еще лет тридцать назад иностранной фирмой «Беккер». «Старички», конечно, сослужили свою службу. Но недостатки

Еловая рука

Эту деревянную руку, или, вернее, засохший еловый корень, я нашел вблизи селения Пановка, Караидельского района Башкирии, где работаю лесничим.

Теперь корень стал экспонатом в Аскинском краеведческом музее, созданном Обществом охраны природы.

М. САДАКОВ

жизни, когда разгромят всех бандитов и в стране установится мир.

— Ради этого, — говорил он, — стоит бороться и, если потребуется, отдать свою жизнь.

Колю схватили бандиты и потребовали, чтобы он перешел на их сторону, стал предателем. Комсомолец отказался. Тогда его раздели донага и босого в трескучий мороз вели девять километров до Красного столба и там убили.

Следопыты решили увековечить память героя. Солнечным тихим утром на место гибели Коли Дмитриева пришли пионеры местной школы, рабочие совхоза. Установили скромный обелиск. Коля Малков и Валя Балашова прикрепили к обелиску мемориальную доску с надписью: «Здесь в ночь на 14 января 1921 года белобандитами убит комсомолец Коля Дмитриев».

Красный столб стоит на границе Курганской области и Казахской ССР.

Недавно на собрании экспедиционного отряда Коля Дмитриев навечно зачислен в ряды разведчиков-следопытов.

П. КОЧЕГИН

их конструкции прямо-таки кололи глаза.

Сначала мы хотели переработать только конструкцию каров, но оказалось, что все придется создавать заново: «Беккер» — вчерашний день техники.

За дело взялись Александр Ходоровский, Аркадий Литвак, Виктор Цветков, Галина Русина и создали новый электрокар. Мы называли его «Урал» — так, как зовутся «старшие» в семье миасских грузовиков.

Посмотрите на «малыша». Водитель действует одним контроллером — и платформа идет вверх. Пускает контроллер — и машина плавно катит по дорожке. Рост маленько-

го уральца небольшой — один метр тридцать сантиметров, примерно с колесо нашего вездехода. Но весит малютка солидно: полторы тонны. А увезти может еще больше — три.

Есть у «Урала» и кровное родство со старшими братьями — в нем использованы некоторые узлы грузовика «Урал-355М».

После того как экспериментальные кары поработали в литейных цехах, конструкторы заглянули внутрь каждого и взяли на заметку слабые места, чтобы новые машины были значительно лучше первенцев.

С. ЭПШТЕЙН

ЗДЕСЬ РОДИЛСЯ ТОЛМАЧЕВ

В центре Свердловска есть небольшая улица Толмачева. Место, где пересекается она с проспектом Ленина,—одно из самых оживленных в городе. Здесь, на стене большого дома, укреплен мемориальный памятник. В верхней его части — барельеф молодого человека в пенсне. Правая рука его подпирает лобастую голову. Ниже отлиты слова:

«Н. Г. Толмачев. Кристально-чистой души товарища, молодого вождя уральских рабочих, окропившего своей кровью подступы к красному Петрограду, — светлой незабываемой памяти посвящают уральские коммунарцы».

Николай Гурьевич Толмачев, известный революционер и один из первых комиссаров Красной Армии,—уроженец Екатеринбурга (Свердловска). Собирая материалы о его жизни и деятельности, я познакомился с сестрами Толмачева, живущими сейчас в Москве. Как-то они пытались вспомнить, в каком доме и на какой улице родился их брат, но, видимо, за давностью лет ничего определенного сказать не могли. Возвратившись в Свердловск, я решил заняться поисками. В книге «Город Екатеринбург», изданной в 1889 году, в списке служащих конторы Государственного банка значится:

«Толмачев Гурий Николаевич, коллежский секретарь — Златоустовская, 10».

Не здесь ли в 1895 году появился на свет Николай Гурьевич? Но мне было известно, что семья Толмачевых не имела собственного дома и довольно часто из-за материальных трудностей меняла квартиры.

Дать точный адрес мне помогли работники архива Свердловского ЗАГСа. С дальней

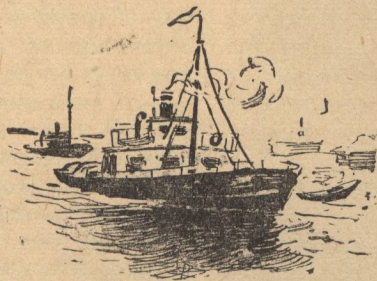
полки они достали метрическую книгу за 1895 год давно уже не существующего Екатеринбургского собора. В книге имелась запись рождения Николая Толмачева. Надо было установить, относилась ли Златоустовская улица к приходу Екатеринбургского собора. На этот вопрос утвердительно ответила еще одна старая книга — «Приходы и церкви Екатеринбургской епархии».

Теперь у меня не осталось сомнений, что в доме № 10, на Златоустовской улице (ныне улица Розы Люксембург) в 1895 году и родился Николай Гурьевич Толмачев.

В. ПАВЛОВ

Уральская марка

Сибирские корабли

Первым кораблем, доставившим груз из Лондона в Сибирь, был винтовой буксирный пароход «Луиза». Сведения об этом рейсе, состоявшемся в 1877 году, обнаружены в архиве Государственного музея в Тобольске.

В начале июля «Луиза» под командованием капитана Раудсона вышла из устья Темзы и, пройдя через пролив Югорский шар и Карское море, появилась в Обской губе, а 8 сентября бросила якорь у Тобольска на Иртыше, доставив сюда металлические изделия для судостроения.

Обратный рейс был неудачным: судно наскочило на мель. Но по проложению пароходом прямого пути в 1878—1879 годах прошли построенные в Сибири парусные шхуны «Сибирь», «Обь», «Тюмень» и «Надежда».

Сибирские корабли! Сегодня немало плавают их по рекам Сибири, и строят эти суда в Тюмени.

Суда, которые сходят со стапелей завода, разнообразны по своему назначению.

Это, например, самоходный дизельэлектрический паром. Он предназначен для Бухтарминского моря, рассчитан на перевозку 20 груженых машин и 200 пассажиров. Мощность двигателей достаточна для того, чтобы развить скорость до 20 километров в час. При

необходимости паром может проходить в нетолстых льдах.

Это оригинальные теплоходы для перевозки зерна, построенные по заказам целинников. Грузоподъемность их 600 тонн.

Это саморазгружающиеся лесовозные баржи. Каждая перевозит целый железнодорожный эшелон леса и разгружается за несколько минут.

«Эскадра» тюменских судов будет неполной, если не сказать о нефтеналивных танкерах-теплоходах, в которые заливается 600 тонн горючего пяти различных сортов. Ну, и, конечно, о красивых-трехэтажных пассажирских теплоходах, рассчитанных на длительное путешествие.

Ю. РЯБОВ

НА ПРИЕМЕ У ЛЕНИНА

В полдень я вышел из свердловского автобуса в Сысерти и обратился к первой попавшейся женщине:

— Скажите, пожалуйста, вы не знаете, где здесь живет Тавочкин?

— Георгий Яковлевич?

— Да.

— Как не знать! — оживилась женщина и тут же назвала адрес.

Оказалось, что Тавочкина, встречавшегося с Владимиром Ильичем Лениным, ныне пенсионера, в городе Сысерти знает чуть ли не каждый.

Темная туча медленно надвигалась на солнце. Первые тяжелые капли дождя упали на дорогу. Я прибавил шаг и скоро оказался у небольшого деревянного домика.

В комнате пахнет черникой: хозяйка варит варенье. Стол заставлен чашками, корзинками с крупными, будто литыми, ягодами. Тут же хозяин. Полное, доброе лицо. Внимательный, ясный взгляд серых глаз, уверенность в движениях. Даже не верится, что за плечами у этого человека уже почти три четверти века. Он сыплет чернику из пригоршни на расстеленный платок, на пол падают блестящие ломкие листья.

И вот неторопливый рассказ о встрече с Владимиром Ильичем.

— ...В двадцать втором я служил на польской границе. Весна в тот год стояла ненастная. От непрерывных дождей поля превратились в вязкие болота, дороги раскисли. Мы с трудом пробирались верхом от заставы к заставе. А время было беспокойное: разная нечисть пыталась проникнуть на нашу сторону то в одном, то в другом месте. Тяжело приходилось. Пограничников небогато, ну, и не спишь, бывало, целыми сутками.

И вот в такой обстановке поступил на погранзаставу необычный приказ. Дело в том, что по лесистым увалам, у мелких речушек вдоль границы были разбросаны карликовые стеклодувные заводы. Вла-

дельцы их сбежали, и рабочие стали работать без хозяев. Продукции получали мало, еле сводили концы с концами. Политотдел и решил объединить заводы, используя наиболее ценное оборудование. Выполнить решение приказали мне. Приказ есть приказ, тут возражать не будешь.

Моросило. Я закутался в плащ, покрепче устроился на сыром скользком седле, опустил поводья, чтобы лошадь сама выбирала удобную дорогу, и отправился к стеклодувам. В первом же поселке меня встретила толпа рабочих — мужчины, женщины, дети. Лица настороженные. Чувствую, люди возбуждены. Соскакиваю с коня, спрашиваю: — В чем дело, граждане?

Вперед вышел высокий, в холщовых портах, рубахе с рукавами, закатанными по локоть, в опорках старик. Видно, поляк.

— Лучше вы, пан, скажите нам, в чем дело, — заговорил он, оглядываясь на толпу. — Прослышали мы, будто хотят наш завод увезти. Так вот, пан, завод мы не отдадим. Здесь деды наши жили, и мы никуда не хотим уходить.

— Вам никто не собирается делать зла, отец, — пытаюсь объяснить старику. — Стране нужна ваша продукция, очень нужна. А сколько может дать такое кустарное производство? Вот и решено ликвидировать мелкие заводы и создать один — большой.

Старик молчал, в толпе зашептались.

— Что же, вы не признаете этого решения? — спрашиваю.

— Не так, пан, не так. Решение мы признаем. — Старик оглянулся на толпу, откуда ему одобрительно закивали. — Но пусть выслушают нас. Завод мы отстроим сами. На кооперативных началах. А отсюда мы никуда не пойдем...

Тот же отказ переезжать встретил я и в других селениях.

Вернулся на заставу, рассказал обо всем начальнику. Он посоветовал создать комиссию из рабочих и отправиться в Харьков. Так и сделали. В Харькове нас принял товарищ Чубарь.

— Дело серьезное, — сказал он, выслушав нас. — Очень сочувствую. Но решение политотдела отменять неправо.

Та же комиссия — я, старик Грабовский и несколько мастеров — поехала в Москву.

В столицу прибыли утром. После тесного, прокуренного вагона город, хотя во многих домах вместо стекол виднелась фанера, показался радостным, светлым. Звенели трамваи, все двигалось, шумело, говорило... И вдруг я засомневался: да стоит ли беспокоить товарищей из Кремля, когда у них и без нас дел по горло?

Грабовский и слушать меня не захотел.

— Нет, пан Тавочкин, надо идти. Прямо к самому товарищу Ленину. С пустыми руками никак нельзя возвращаться.

Нас провели к заместителю Дзержинского Мансу. Накормили, устроили на ночлег. А утром мы отправились в приемную Ленина. Здесь уже было много народу — рабочие с заводов, крестьяне из деревень.

— Хулюганют как хотят эти продвольцы! — возмущенно рассказывал крестьянин в зипуне и в лаптях. — Приезжают к тебе — и без спросу прямо в сусек. Зерно, мол, берем по приказу. А сами, шельмецы, на базар. А я его пуще глазу берег. Думал, посею и сдам урожай государству. Пусть сам Ленин приструнит их для порядка.

Я видел, как выходили потом крестьяне от Ленина.

— Ишь, с нами посоветовался... Прямо так и спросил: «А вы как думаете?..» Вот, выходит, какая настоящая-то власть!..

Подошла наша очередь. Мы несмело шагнули в широко распахнувшуюся дверь и очутились в скромно обставленной комнате. Стол с витыми ножками, кресла с белыми чехлами. Светло, уютно и очень просто все. Навстречу поднялся улыбающийся Ленин.

— Здравствуйте, товарищи. — И пожал каждому руку.

Владимир Ильич усадил нас вокруг стола, сел сам и, окинув веселым взглядом, спросил:

— С чем пожаловали?

Говорил Грабовский. Говорил сбивчиво, мешая от волнения русские слова с польскими.

— А вы по-польски, — улыбнувшись, сказал Владимир Ильич, — я пойму.

— Волнуюсь я, пан Ленин... — Грабовский смутился окончательно, полез

в карман то ли за табаком, то ли за платком, но, ничего не достав, отер потный лоб ладонью.

— Волноваться не нужно. Ведь дело, как я вижу, весьма важное.

Глаза Ленина посерьезнели. Они и сейчас продолжали улыбаться, только веселые зайчики ушли куда-то глубже.

Я видел Ильича совсем близко. Его лицо ни с каким другим нельзя было сравнить. Упругие морщинки большого лба, карие глаза, быстрое, постоянно меняющееся выражение. Казалось, он все время видит тебя, понимает, что у тебя на душе...

Пока Грабовский рассказывал, Ленин несколько раз прошелся по кабинету, кивая головой в знак согласия, записывал что-то в блокнот. Я смотрел на него, и мне казалось, что я знал этого человека давно, как самого близкого и бесконечно дорогого.

Ленин выслушал Грабовского, откинулся в кресле и, полускрыв глаза, на минуту задумался.

— Да, дело очень, очень важное. Вы поднимаете совершенно новый вопрос.

Георгий Яковлевич Тавочкин.

Восстановить завод на кооперативных началах — это чрезвычайно важное дело.

Владимир Ильич взял трубку, позвонил.

Я снова обратил внимание на то, как быстро менялось выражение глаз Ленина. Они то задумывались, то смеялись, то спрашивали.

Из разговора мы поняли, что он звонит Дзержинскому. Затем позвонил еще кому-то.

Положив трубку, снова заговорил, как бы спрашивая:

— Так, так. Значит, вы крепко продумали этот вопрос. Ведь потребуются средства и немалые.

— Добре продумали, Владимир Ильич, — ответил Грабовский. — Люди помогут. Сдадим ценности, золотишко, у кого есть. Завод мы обязательно восстановим. И первую посудину пошлем вам. В подарок.

Ленин рассмеялся.

— Ну, насчет подарка мне, я полагаю, лишнее. — И тут же серьезно добавил: — А вот подарить первую посудину особо отличившемуся рабочему было бы совершенно правильно. — Он поднялся и стал прощаться.

Затем Ильич быстро вырвал листок из блокнота и написал записку секретарю. Мы вышли.

В приемной Грабовский хватал себя за голову, хлопал стариков по плечу, жал мне руку.

— Вот же человек! Какой человек наш Ленин, пан Тавочкин! — говорил он, перемешивая польские и русские слова.

Когда мы вернулись домой с личным распоряжением Ленина, нам устроили торжественную встречу. Грабовского несли на руках по улицам, хозяйки выходили из домов с молоком и просили обязательно отведать. К вечеру затопили печи и стали накрывать столы, как на праздник. И впрямь, все походило на большой праздник.

А завод, конечно, построили. И давал он по тем временам завидное количество продукции...

Георгий Яковлевич встал, и мы подошли к окну. Дождь уже прошел. Крыши домов и трава, и деревья — все искрилось под солнцем и выглядело помолодевшим, обновленным.

Ю. ЮСОВ

ЗНАЕШЬ ЛИ ТЫ УРАЛ?

В водоемах Урала живет 43 вида рыб, принадлежащих к десяти семействам. Из них — 37 местные жители, а шесть — новоселы: рипус, чудской сиг, пелядь, карп, сазан, лещ.

Большинство местных уральских рыб невыгодно в хозяйстве. Они поедают много корма, но плохо растут. Окунь, ерш, карась и голянь, например, прибавляют в весе в десятки раз медленнее сиговых и почти в сто раз — карпа.

Первая попытка изменить ихтиофауну наших водоемов была сделана еще в тридцатые годы прошлого столетия. Предприимчивый купец Г. М. Основин пересадил леща из Камы в пруды на Исети — с западного склона Урала на восточный. Лещ быстро распространился по рекам Обь-Иртышского бассейна — Тавде, Туре, Тоболу, Иртышу и их притокам. Прижился он и во многих зауральских озерах.

Сиговые рыбы впервые завезены к нам в 1912 году ученым-рыбоводом И. В. Кучиным. И ладожский рипус, и чудской нашли на Урале свою вторую родину. Особенно преуспевал рипус. Он стал в 3—4 раза быстрее расти и на год раньше созревать, чем в материнских водоемах. Сейчас его по праву называют «уральским рипусом» и переселяют в другие водоемы Советского Союза.

Карп на Урале разводится с 1930 года. Этот природный «южанин» хорошо освоился в суровых для него условиях нашего климата. Любит он пруд, но на Урале дает потомство и в озерах.

Карп очень плодит. Одна самка весом 3—4 килограмма выметывает больше миллиона икринок.

Карп — одна из самых быстрорастущих рыб. В некоторых озерах Урала он вырастает за год в среднем до одного килограмма. В озере Кундровинское, Челябинской области, например, пойман был карп весом в 22 килограмма, в возрасте 22 года. А в Шарташе около Свердловска попадаются его «тезки» весом в 11—12 килограммов, в возрасте 12—13 лет.

Рыба эта прожорлива и всеядна. Естественная ее пища — бентос (личинки насекомых, моллюски, черви). Но в прудах карп быстро выедает этот корм. Тогда со специальных стоиков его подкармливают жмыхами, зерноотходами, рыбной и мясной мукой, отходами с боен, мельниц, измельченной травой. Недаром за карпом укрепились кличка «водяная свинья».

Н. НЕСТЕРЕНКО

НА СТАНКЕ — ТЕЛЕВИЗИОННЫЙ ГЛАЗ

На громадном, высотой с трехэтажный дом, расточном станке в механическом цехе крупных узлов Уралмаша — цехе коммунистического труда, появилась телевизионная установка. Осваивает ее ударник коммунистического труда Яков Дмитриевич Липин.

ПОИСКИ,

Для чего телевизор на станке?

Еще совсем недавно, когда требовалось пере-
гнать колонку станка по громадным двенадцати-
метровым направляющим станинам, Яков Дмитри-
евич не обходился без подручного. Он поднимался
на площадку трехэтажной колонны, а подручный
сигнализировал снизу, куда — вперед или назад —
надо подать колонну. Если подручный по какой-
либо причине отсутствовал, Липин один не мог
выполнить операции. Приходилось искать помощ-
ников. Задержки при установке деталей и их об-
работке были неминуемы.

И тогда вспомнили о телевизоре. На «капитан-
ском мостике» — у пульта управления расточным
станком — появился голубой экран. Яков Дмит-

риевич спокойно включает его — и возникает
изображение линейки с цифрами. Глядя на
шкалу, Липин уверенно смещает рычаги — и ги-
гантская колонна сдвинулась, поползла по двена-
дцатиметровой трассе направляющих. Ее движе-
ние фиксируется телевизором. На экране быстро
меняются цифры: 170, 160, 150... И так до задан-
ной.

Не надо теперь по несколько раз спускаться с
высоты третьего этажа, чтобы убедиться в точно-
сти настройки: линейка, находящаяся в семи мет-
рах от рабочего места, хорошо видна и с пульта
управления. Всевидящий голубой глаз помогает
расточнику беречь время, увеличивать выработку.

ГДЕ РУДНИЧОК?

В 25 километрах от города Сатка, Челябин-
ской области, среди горнотаежных лесов Юж-
ного Урала расположен небольшой кордон Си-
бирка. В дореволюционные времена жители его
были охотниками. Они никогда не покупали дробь
и пули в магазинах — припасы стоили дорого. Но
где же добывали их?

Оказывается, один из ста-
риков-охотников, бродя по
лесам, нашел свинцовую ру-
ду — галенит. Он был чело-
веком предприимчивым и
решил заняться изготовлением охотничьих припа-
сов. Это было выгодное и прибыльное дело.
Сбыт для продукции старик находил всегда — ведь
он продавал припасы дешевле, чем в магазине.

Место находки охотник тщательно скрывал.

Добыв необходимое количество руды, он пере-
плавлял ее на свинец и катал дробь и пули. О ме-
сторождении галенита знали лишь его ближайшие
родственники. Сейчас нет никого, кто мог бы ука-
зать рудник.

Между тем, по данным, которыми в настоящее

НАХОДКИ,

время располагают геологи, видно, что в районе
Сибирки возможно открытие промышленных зале-
жей свинцовых руд. Поэтому-то очень важно
знать, где находится этот старый рудничок охот-
ника.

ЦЕННАЯ СЛЮДКА

Вблизи Верхнего Тагила наметили строитель-
ство гидроэлектростанции. Площадку деталь-
но изучили, начали земляные работы. Когда
бульдозером сняли верхний покров, рабочий
В. И. Хомутов обратил внимание на множество
появившихся на поверхности крупных чешуек ко-
ричневой слюды. Он взял несколько образцов и
послал их в Уральское геологическое управление,
попросив объяснить, что это такое.

Лабораторные исследования показали, что най-
денная В. И. Хомутовым слюдка — ценный мине-
рал вермикулит. В народном хозяйстве из него из-

готовляют стойкую бронзовую краску. Этот мине-
рал — незаменимый термо- и звукоизоляционный
материал.

Геологи срочно выехали на место находки, что-
бы выяснить размеры запасов нового месторож-
дения.

ОТКРЫТИЯ

К Л Ю Н И Ч К А

На базу нашей экспедиции, что помещалась в бывшем пункте заготовленной города Кызыла, геологи привезли как-то желтенького с детский кулачок птенца.

— Вот подобрали в горах малыша-кобчика, а куда деть — не знаем...

— Отдайте мне, — попросил наш чертежник Юра. Он смастерил гнездо под навесом веранды и каждый день кормил своего питомца крошками сырого мяса.

Как известно, экспедиционная работа — это бесконечные поездки и походы. Наш отряд изучал леса Тоджинской котловины, куда мы вскоре и направились самолетом. Спустя месяц, вернулись на базу. Юрий не без гордости показал мне уже оперившегося серого, важно восседавшего в своем гнезде и совершенно не обращавшего внимания на фотоаппарат кобчика. Он весь был поглощен вниманием к воспитателю.

— Ключичка, Ключичка! — позвал Юра. Кобчик подлетел к нему и стал прямо из рук клевать пищу.

В конце лета Ключичка был уже «на крыле». Он летал над двором, над палат-

ками и автомашинами, в поле, но к вечеру обязательно возвращался домой.

Приближалась осень. Полевые экспедиционные работы закончились, на базу съезжались крытые брезентом экспедиционные машины. На дворе разбивались палатки, молодежь часто играла в волейбол. Кобчик летал обычно не далеко и, безошибочно узнав в толпе Юру, по первому зову садился к нему на плечо.

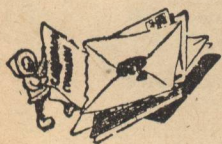
Вскоре отряды уехали в Москву и Новосибирск на камеральную работу. Не знаю, как расстался Юра с Ключичкой.

А на будущий год, когда на дворе базы вновь выстроились в ряд крытые брезентом машины и появились палатки, вдруг прилетел кобчик. Он направился прямо к окну комнаты, где раньше была чертежная мастерская.

— Сроду такого не видел... Какой-то сумасшедший ястреб вчера залетал к нам, — рассказывал всем новый завхоз экспедиции. — В окно ударился; потом на веранду и в самый верхний угол под крышу...

Видимо, кобчик вспомнил своего воспитателя. Но Юра не выехал в поле, и, встреча не состоялась.

Н. СОФРОНОВ.

На сухой протоке

В долине реки Кии, протекающей по Кемеровской области, множество пойменных озер. Однажды я собирал здесь образцы трав, и мне понадобилось перейти на другую сторону озера. Я остановился на краю сухой протоки, с плотным, словно утрамбованным песчаным дном. На всем пространстве от озера до реки она представляла заросший кустарниками овражек. Пошел по этому коридору, не обращая внимания на слабо заметные следы. И вдруг впереди меня мелькнула тень, колыхнулись ветви: я узнал косулю. За ней шмыгнул косуленок. Так вот кто держится на сухом дне протоки! Вскоре объявился еще один обитатель «коридора» — барсук. Он задержался ненадолго, громко «охнул» и исчез.

Почему здесь вместе оказались косуля и барсук? На дне протоки я обнаружил небольшое углубление с прозрачной холодной и вкусной

водой. У сибиряков есть хорошее, звучное название таким водоемчикам — лыва. Вода и приманила разных зверьков. Место уютное, сверху невидимое, и хищников поблизости нет: рядом люди.

Около озера я нашел следы горностая: наверное, приходил к лыве в поисках водяных крыс.

А что за углубление в мокром песке? А-а, побывала выдра, подкараулила ондатру. А сколько в этом укромном месте птичьих гнезд!

Но вот что особенно интересно: совсем недалеко отсюда, через высокую песчаную грядку, отделявшую реку от староречья, поднимались трубы и здания кирпичного завода и еще какого-то промышленного предприятия.

Если хранить растительность поймы, не трогать ее диких обитателей, — замечательный парк-заказник будет рядом с поселком.

И. ЗЫКОВ

Следопытский гектар

Следопыты — племя пытливых, любознательных, энергичных ребят. Поэтому не случайно среди них возникла мысль о следопытском гектаре.

— Посмотрите вокруг, — говорят они, — сколько добрых дел могут сделать наши руки всего лишь на одном гектаре земли: посадить молодой сад, осушить болото, открыть в недрах этого «пятачка» земли полезные ископаемые или вырастить на нем небывалый урожай. А может даже и так: уничтожив на площади в один гектар заросли коварного врага полеводов — осота, спасти сотни гектаров пашен.

Пусть в нашем крае появятся сотни и тысячи следопытских гектаров!

Мы уже печатали в помощь следопытам ряд материалов на эту тему: «Летучий враг» профессора К. В. Кострина и «Лесных старожилов — в гости в город» садовода Н. Чуйко (оба в № 6 за 1963 г.) и другие. Приглашаем ученых и краеведов-любителей к участию в этом разделе журнала. Подсказывайте темы для «следопытского гектара»!

ПОДВОДНЫЕ ПАСТБИЩА

Ю. КУРОЧКИН

Рисунки Н. Мооса

Цыпленок тоже хочет есть...

то ни говори, а свежие помидоры или огурчики зимой — роскошь! Да и не только роскошь — необходимый для организма продукт. Имей-ка человек круглый год, а не только летом, свежие овощи — насколько благотворно это сказалось бы на его здоровье!

Но человеку зимой зелень все же иногда достается — кое-что можно сохранить до нового урожая, кое-что вырастить в теплицах или, как говорят агрономы, «закрытом грунте». А вот животным приходится хуже — для них овощных теплиц пока не строят, хотя зелень им нужна так же, как и человеку. Сено, силос — вещи хорошие, но ведь это то же самое, что сухофрукты или соленые огурцы: и вкусно, и питательно, но свежие зеленые продукты они полностью не заменят.

Ну как тут не посочувствуешь сивкам, буренкам и хрюшкам. Ведь свежая зелень — основная и любимая их пища. Недаром зоологи зовут их травоядными.

Да и птицы нуждаются в зелени. Утенок или цыпленок, например, тоже хотят клевать зелень — она им прямо-таки необходима.

А если не просто посочувствовать, а попытаться чем-то помочь?

Конечно, создавать зимние луга, круглогодичные пастбища пока еще невозможно. Земля покрыта слоем снега и глубоко промерзает. Но, может, есть какая-то другая возможность?

Есть. Это подводные пастбища.

— Правда, — говорят ученые, — они хотя и не заменят полностью летних лугов с их пахучими сочными травами (так же, как и нам зимние теплицы полностью не заменяют летних огородов), но могут заметно улучшить пищевой рацион животных.

Ну что ж, и это неплохо. Только где же их найти, эти подводные пастбища, что сеять на них, как выпустить на них, например, стадо коров? Скажем прямо, трудно представить себе буренку в водолазном скафандре.

Впрочем, можно и не толкать ее под воду. Можно подводный луг скосить и привезти зелень прямо на ферму. Пусть «хлеб за брюхом ходит», а не наоборот.

Что касается подводных лугов, то они, оказывается, не за тридевять земель, а рядом с нами, во многих районах Урала. Только мы их не замечаем. А где их нет, легко создать.

Сеять на них тоже ничего не надо — само растет, да так, что только успевай собирать.

Но что растет-то, какая трава?

А это и не трава совсем.

— А что же? — спросили мы у профессора Свердловского сельхозинститута Николая Карловича Дексбаха, посвятившего много лет изучению этих лугов.

И вот что я узнал от него.

Ее зовут элодея

Ботаники зовут ее нежным, ласкающим слух именем — элодея. Точнее — элодея канадензис, то есть канадская. Это полатыни, ибо еще со времен шведского натуралиста XVIII века Карла Линнея ботаники всех стран условились международную классификацию растений вести на латинском языке, древнем языке науки.

На Урале именуют ее по-всякому: лебяжник, капуста, светочник, деряба и даже режим. Но чаще всего ее зовут не очень благозвучно, хотя и многозначительно: водяная чума.

И понятно почему. Это водное растение, если оно попадет в какой-то водоем, то размножается в нем с поистине фантастической быстротой. Иногда, как говорят, с катастрофической скоростью. Ибо бывают случаи, что она за несколько лет полностью «завоевывает» водоем, выводит его из строя. Озеро зарастает и превращается в болото, река становится непроходимой для судов, в ней зимой гибнут от недостатка воздуха рыба и раки.

Так, в частности, произошло на реке Пышме, что течет недалеко от Свердловска. Рассказывают, что лет семьдесят назад, когда элодея только что появилась на Урале, она прямо-таки заполонила эту большую речку и все мельничные пруды на ней. Купаться стало негде. На лодке — не проедешь. В одну из зим здесь погибли почти вся рыба и раки. Пышминцы даже обратились с тревож-

ным письмом в земство, прося помощи от массового бедствия.

А не так давно, лет двадцать назад (многие свердловчане еще хорошо помнят это), элодея «напала» на Волчихинское водохранилище и за несколько лет «освоила» его. На лодке можно было проплыть лишь местами — по бывшему руслу реки Чусовой. Заросли тянулись почти на пять километров в длину и до полутора километров в ширину. Этакий зеленый остров, занявший третью часть всей площади водоема. А ведь началом «эпидемии» послужили всего лишь один-два маленьких листочка, занесенные в сачке рыболова или на лапке дикой утки.

Заокеанская гостья

е история — в ее латинском имени. Элодея канадская пришла к нам из Канады. На европейском континенте ее до 1836 года не знали.

Предполагают, что она приехала к нам «зайцем» — на винтах пароходов, совершающих рейсы между Канадой и Ирландией, а может (что вернее), и в бочках с пресной водой. Из Ирландии незваная гостья перешагнула на материк. С неожиданной для людей скоростью она перепрыгивала с озера в озеро, с реки в реку. Зеленые армии невинного с виду растения — с тоненьким стеблем и маленькими листиками — вскоре завоевали всю Европу.

Спустя полвека добрались и до Урала.

Впрочем, на Урал элодея попала не сама — ей в этом помогли. Любитель цветов и аквариумов железнодорожный служащий С. В. Логинов привез ее в 1889 году к себе в Екатеринбург и посадил в своих аквариумах. Года три она спокойно обитала в стеклянных банках с золотыми рыбками, а за-

Растения-разведчики

КАК
ЧИН
ПОЧЕМУ

Недавно в книге профессора А. А. Малахова я прочитала о растениях, которые связаны с различными месторождениями полезных ископаемых. Но в книге об этом написано очень мало, а мне бы хотелось узнать побольше и поподробней.

Расскажите, пожалуйста, о растениях-разведчиках на страницах «Уральского следопыта».

Наташа КОВАЛЕВА,
Минск.

Отвечает ассистент кафедры общей геологии Уральского горного института Б. И. Пильщиков.

Еще при царе Иване Грозном посламы, направляющимся в зарубежные страны, неоднократно наказывалось «промыслить трав, которые растут, где бывает серебра-

ная руда». С помощью растений открыты месторождения хромитов — в США, на острове Куба, в Греции; урана и серебра — в США; фосфоритов — в Испании. В России в начале XIX века рудознаты Новгородской области знали, что железная болотная руда, залегающая под березовым лесом, лучше по качеству, чем руда, залегающая под ельником.

В наши дни создана отрасль геологии — геоботаника, занимаю-

щаяся поисками руд посредством растений.

Так, галмейская фиалка указывает на скопления цинковых руд. В золе ее может содержаться до 13 процентов окиси цинка. В нашей стране встречается ярушка галмейская, она также служит индикатором на цинковые руды.

В степях Южного Урала растет грудница мохнатая. На почвах, богатых никелем, она имеет карликовые размеры, уродливую форму и содержит до 0,02 процента никеля.

На некоторых месторождениях никеля на Южном Урале широко распространены анемоны. Они отличаются широкими листиками около цветника, окрашенными в синий цвет. У этих растений на почве, содержащей много никеля, синяя окраска листочков около цветника переходит в белую. В золе изменившихся анемонов содержится до 0,037 процента никеля, против 0,0006 процента в золе нормальных растений.

тем вырвалась на волю. В этом ей опять-таки способствовал Логинов. Видя, что элодея помогает рыбкам «нагуливать жирок», он решил ради пробы бросить несколько кустиков в ближние пруды и ямы. И доложил об этом на заседании натуралистов в Уральском обществе любителей естествознания. Разгорелась дискуссия. Сообщение о плодovitости растения встретили враждебно. Многие пугали Логинова последствиями, предсказывая чуть ли не гибель всех водоемов Урала.

Внял ли Логинов доводам противников элодеи или нет, но, так или иначе, вскоре неизвестное водное растение стали замечать в городском пруду, в соседних озерах и речках. А там и пошло... К 1917 году она «окупила» уже почти весь Екатеринбургский уезд. Спустя лет пять ворвалась на территорию нынешней Челябинской области. В 1940 годы пробралась в Западную Сибирь — в бассейн Иртыша.

Кто знает, где кончится победное шествие элодеи — не у берегов ли Тихого океана, и не встретится ли она там со своими сородичами, занесенными из той же Канады, но уже через другой океан? Тогда замкнется маршрут ее кругосветного путешествия.

К 1951 году элодея заселяла на Среднем Урале и Зауралье около ста водоемов: 38 озер, 20 прудов, около 20 рек, 15 стариц, пять-шесть карьеров и одно водохранилище. К нынешнему году эти цифры удвоились.

Правда, надо сказать, что, поселившись в каком-то водоеме, элодея потом может и покинуть его. Не такая уж она неразборчивая — в некоторых озерах, например в Кунашакских, Еткульских, Чебаркульских (Челябинская область), она никак не хочет селиться: вода там оказалась для нее неподходящей, слишком насыщенной солями, высокоминерализованной, как говорят гидрологи. На озерах Северного Урала ее тоже почему-то нет. Не любит она и болотную воду со слабой кислой реакцией.

И вот, когда в какой-то водоем, облюбованный элодеей, начнут спускать промышленные отходы с неприятными для нее примесями, она отвечает на это протестом — покидает водоем. Так, в частности, случилось на многих участках реки Чусовой и поблизости от Свердловска — на Нижне-Исетском пруду.

На Каджаранском месторождении меди и молибдена в Армении замечена различная окраска цветков мака спутанного. Лилово-красные лепестки нормального цветка имеют черные пятна только у своего основания. А там, где в почве есть медь и молибден, черные пятна удлиняются и, доходя до края лепестков цветка, образуют черный крест.

Еще один пример. На одном месторождении обратили внимание на березы и осины неестественно зеленой окраски. Анализ золы древесины показал высокое содержание в ней стронция и бария, указывающих на близкое развитие рудоносных образований.

Есть растения, которые сообщают о подземных водах. А есть и такие, что указывают на оползни и другие геологические явления.

Наблюдать за такими разведчиками, за необычайным их поведением могут следопыты, участники геологических походов.

Чем питается хариус?

Недавно мы с дедом рыбачили на речке Баская. Там водится много хариусов. В этот раз они клевали плохо. Под вечер, когда хариусы стали плескаться на перекате, я попробовал удить на комара. Насажу на крючок пять-шесть штук и забрасываю. Хариусы стали жадно хватать приманку, и я из одной ямы выудил шесть рыбок. Когда готовили уху, вскрыл их желудки, чтобы узнать, чем же хариусы питаются. В желудке самого большого (весил он более пятисот граммов) обнаружил три крупных, совсем черных и гладких камешка. Показал их деду. Он удивился: всю жизнь рыбачил и ни разу камней в рыбе не видал. А у второго, такого же по размерам,

хариуса в желудке оказалась рыбка-гольян. И опять мы удивились: разве он хищник?

Ответьте, пожалуйста, зачем хариусу в желудке камни, может, он пищу ими перетирает? И еще ответьте, часто ли он питается рыбой?

Володя КАДОЧНИКОВ,
Нижне-Сергинский район,
Свердловская область

Володино письмо мы показали научным сотрудникам Института озерного и речного рыбного хозяйства. Вот что они ответили.

Рыбы, пойманные Володей, судя по их весу, были старше пяти лет. Хариус в этом возрасте, питаясь главным образом личинками насекомых, может быть и хищником. Гольян, которого обнаружил мальчик, — самая обычная жертва.

Что такое хорошо и что такое плохо?

то же, плохо это или хорошо, что элодея распространяется все дальше и больше?

Будет плохо, если не управлять ее распространением и развитием и позволить ей омертвить озера, перегрузить пруды и реки так, что в них будет гибнуть рыба и станет невозможным судоходство.

И хорошо, если человек станет руководить ее ростом и распространением, разумно использовать ее. В одних водоемах она нужна, в других нет.

Зато, если человек возьмет элодею под контроль, поставит на службу себе, сколько пользы она может принести!

Когда ученые присмотрелись к элодее, изучили ее (скажем прямо, пока еще недостаточно), то нашли...

Впрочем, еще до ученых перспективы использования элодеи подсказал лучший из ученых — сама жизнь.

Еще в трудную зиму 1934—1935 года колхозники близких к озеру Иткуль деревень, спасая скот от голодной смерти, собрали всю массу зелени, сохранившуюся подо льдом, и свезли ее на ферму и конюшни. Рассуждали так: «Конечно, пользы большой ждать нечего, да нам и не до жиру, а быть бы живу».

Каково же было удивление, когда весной увидели, что и «до живу», и «до жиру»: скот не только выжил, а и прибавил в весе, увеличилось удои молока.

Суровые годы войны заставили обратиться к элодее не одних иткульцев — многие колхозы, совхозы и подсобные хозяйства. В Егоршинском районе довольно быстро очистили от элодеи Егоршинский пруд и другие водоемы. Ничего, не прогадали. С начала 1944 года взялись за «водяную чуму» сысертцы, для этого у них нашлась хорошая база — озеро Шелкун, площадью около 600 гектаров, обильно заросшее зеленым кормом. Не отставали и свердловчане — из прудка на территории Зеленого строительства кормили свиней. А элодею из озера Шарташ использовали для удобрения огородов. Тоже оказалось неплохо.

Мне рассказывали, что в 1943 году колхоз «Закаленный боец», Коптеловского района, всю посевную кормил весь «лошадиный парк» (354 головы!) элодеей. До сих пор вспоминают.

И не только вспоминают, но и до сих пор применяют элодею. Я сам видел, как молодые свинки набрасываются на вороха зеленого корма, привезенного с озера Молтаево, — хрустят так, что за ушами пищит. А главный ветврач совхоза Герман Иванович Зелянин, глядя на них, только улыбается: ему-то хорошо известно, как это отражается на здоровье и привесе животных. Это не замена,

Между прочим, молодь рыб в желудках крупных хариусов встречали многие исследователи.

Что же касается камней, то, вероятней всего, хариус их проглотил, приняв за моллюсков. Во всяком случае, для перетирания пищи в желудках рыб камни не служат.

«Ведьмина метла»

Как-то с фотоаппаратом я шел по лесу и увидел на одной из раскидистых сосен ярко-зеленый густой побег на высоте не более полуметра от земли. Ветвь разветвлялась на несколько меньших веточек, а от них отходили многочисленные короткие, плотно прилегающие друг к другу отростки, покрытые густыми мелкими иглами.

Чем обусловлено это явление: болезнью дерева или какими-то биологическими законами?

В. НАЗАРОВ,
Серовский район.
Свердловская область.

Отвечает научный сотрудник института биологии УФАна В. М. Яценко.

«Ведьмина метла» — так называется болезнь, которая развивалась на ветке сосны. Явление это не редкое. «Ведьмины метлы» встречаются в наших лесах довольно часто. Правда, иногда их принимают за гнездо («гайно») белки или птицы.

Но на снимке — не обычный случай этой болезни. Она появилась на довольно молодой сосне и очень низко. Обычно же «ведьмины метлы» развиваются на взрослых деревьях на верхних сучьях. «Ведьмины

метлы» обычно не опасны для дерева, однако иногда они ослабляют его рост и плодоношение. Зимой ветви у таких деревьев ломаются под тяжестью снега.

Возбудители болезни — различные грибки, бактерии, вирусы, насекомые.

не суррогат, а то же самое, что нам с вами огурчик зимой: очень полезно!

Кормили элодеей и птицу. Очень охотно клюют ее куры, утки. И благодарность свою выражают кормильцам так, как и следует: чаще несутся. В том же «Закаленном бойце» в 1947 году куры начали нестись в ноябре — декабре, когда им подали на «десерт» «водяную чуму».

Кстати, настоящая чума, довольно распространенная среди кур болезнь, в тот год их не тронула. «Чуму чумой вышибли», — острили птицеводы.

Года два-три назад в Верхне-Пышминском совхозе в середине мая стали добывать элодею из озер Балтым и Вашты для птицефермы. За это время выбрали ее более трех тысяч тонн. Утиная армия в восемь тысяч голов отблагодарила хозяев за «десерт» таким количеством яиц, что бывалые птицеводы только удивлялись.

А удивляться, вообще-то говоря, было нечему. Когда ученые разложили элодею на составные части, устроили ей «химический допрос», то обнаружили, что по своим питательным качествам она превосходит многие «классические» корма. В сене белков в среднем менее 10 процентов, а в элодее около 20, жиров тоже в элодее больше, почти на целый процент — 2,5, а углеводов в ней 43 процента — на 16 процентов больше, чем в самом лучшем сене. Много в этом растении и витаминов. По сумме всех питательных веществ его можно сравнить с клевером в пору его бутонизации.

Но и это еще не все. Оказывается, любители не напрасно поселили элодею в своих аквариумах. Многие рыбы питаются ею. Значит, элодея будет полезна и в рыбохозяйственных водоемах. Она дает приют громадному количеству водных организмов — моллюскам, червям, насекомым, рачкам. А это — основная пища рыб. Причем — очень питательная.

И, кроме всего прочего, оказалось, что элодея, когда ее не чересчур много, способна улучшать

химический состав воды — извлекает из нее углекислый кальций, насыщает кислородом, борется с появлением сероводорода и свободной углекислоты... Словом, играет роль химического завода.

Вот тебе и «чума»!

Кто первый?

ействительно, чем не подводные пастбища — заросли плодовой элодеи!

За чем же дело? Элодейных водоемов у нас на Урале много. Если надо, их можно создать еще сколько угодно.

Дело только за тем, чтобы обратить на эту элодею внимание и, так сказать, официально утвердить в числе кормов для скота. Ведь зимой это единственный у нас зеленый натуральный корм.

Ученым, очевидно, придется разработать рекомендации по разведению и использованию элодеи.

Животноводам — смелее использовать близкие к ним подводные луга, может быть, даже создавать новые и строить около них фермы.

Ну, а краеведам-следопытам? Для них тоже есть задачи. Обследовать водоемы своего района и определить, в каких есть элодея и в каком количестве, то есть взять на учет подводные луга.

А может, какой-нибудь следопытский отряд возьмет на себя инициативу — начнет эксплуатацию какого-то водоема, пусть величиной лишь в один гектар, и будет всю зиму снабжать ферму своего колхоза или совхоза свежей зеленью?

Кто первым подаст заявку на следопытский гектар подводного пастбища?

Страницы прошлого

Трудно поверить тому, что один из предков современных тараканов существовал свыше трехсот миллионов лет назад. Но это так. Окаменелые остатки его нашли в береговых обрывах одной из рек в Коми АССР. От таракана уцелело только коричневого цвета крыло 11 миллиметров длиной и 5 миллиметров шириной.

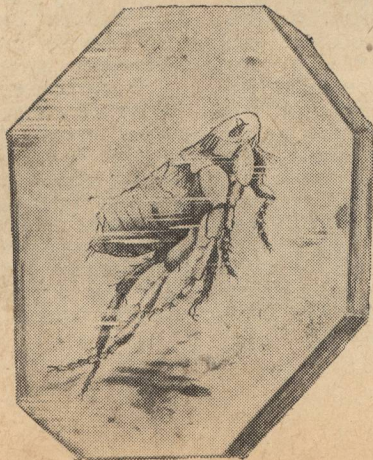
Там, где реки Белая и Ик впадают в Каму, располагается одно из изумительных мест Предуралья. В местности, носящей название Тихие горы, обнаружено кладбище ископаемых насекомых, живших около 200 миллионов лет назад. Нужны особые условия, чтобы сохранилась в веках их нежнейшая ткань. Большей частью это соблюдается в зонах прибрежной части илистых озер.

Самый древний клещ найден в Шотландии в девонских слоях, на-

копившихся около 300 миллионов лет назад.

Были ли клещи носителями энцефалита, или вирус этой болезни они приобрели позднее, мы не знаем. Наука в будущем проникнет глубже в тайны палеопаразитологии.

Одна из удивительных находок сделана в бурых углях Гейзентальского месторождения в ГДР. Там нашли окаменевшего жука Спируриде, а в его мускулату-

ре — личинку паразитической глисты — нематоды, жившей в начале третичного периода.

Еще интересней кладбище древних насекомых, открытое в Прибалтике в янтаре, — застывшей и окаменевшей смоле деревьев. В кусточке янтара внутри прозрачной желтоватой массы однажды нашли блоху. Блоха в янтаре! Блоха, напившаяся крови какого-то животного, жившего 40 миллионов лет назад!

Много есть подобных находок. Вот, например, окаменевший клоп из нижнеюрских отложений. И хотя ему более 130 миллионов лет, он так же, как и клещ, мало чем отличается от современных насекомых. Во Франции в карстовой пещере обнаружены остатки личинок мух четвертичного периода.

Все это воссоздает нам штрихи обитания животных далеких геологических эпох.

А. АЛЕКСЕЕВ

ПАМЯТНИКИ ПРИРОДЫ ОРЕНБУРГСКОЙ ОБЛАСТИ

Богата природа Оренбургской области. В северной ее части растут хвойные и лиственные леса, в них живут лоси, медведи, рыси, глухари, рябчики... На востоке поднимаются Уральские горы, а за ними так же, как и на юге области, раскинулись бескрайние степи. На обширных озерах плавают лебеди, гуси, утки разных пород, в прибрежных камышах водятся кабаны, волки, по нераспаханным целинным полям разгуливают дрофы, журавли, стрепеты.

Но не только лесами, полезными ископаемыми, дикими животными, птицами и рыбой богат этот край. В области есть взятые под общественную охрану геологические, палеонтологические и ботанические памятники. О них рассказывает ответственный секретарь Оренбургского отделения Общества охраны природы Владимир Иванович Верстуков.

В Соль-Илецком районе есть ОЗЕРО РАЗВАЛ. Это самое большое и глубокое из всех соленых озер илецкого соленого купола. Его площадь около 7 га. Наибольшая глубина — 20 метров. Озеро образовалось в 1906 году. Когда-то здесь был карьер по добыче соли. Потом его затопили подземные воды.

В первый же год существования озера вода в нем полностью насытилась солями и охладилась до нуля градусов. Сейчас в литре воды — 258 граммов солей. Поэтому в озере нет ни растительности, ни животной жизни. Оно не замерзает даже при температуре -40° , а плотность воды такова, что в ней нельзя утонуть. На дне вечная мерзлота. Это редкое и своеобразное явление.

Минеральные грязи Развала целебны. А запасы их исчисляются десятками тысяч тонн.

Редкие особенности озера представляют исключительный интерес для решения ряда научно-теоретических и хозяйственно-практических вопросов. В этом отношении Развал считается единственным водоемом не только в СССР, но и на всей нашей планете.

Комиссия по охране природы при Госплане СССР внесла водоем в список-проект постоянных заказников всесоюзного значения.

Восьмистах метрах от озера Развал поднимается гипсовая гора высотой 60—70 метров. Она как бы выросла среди ровных степей и раньше служила ориентиром торговым караванам, направляющимся в город Оренбург из Средней Азии.

ГИПСОВАЯ ГОРА — оригинальное явление природы. Внутри нее есть ледяные пещеры — естественные холодильники, где лед сохраняется почти круглый год.

Гора содержит в себе почти все разновидности гипса, существующего в природе: листового, кристаллического, волокнистого, белого, серого, розового и других цветов. Маленький древний маяк торговцев стал известен ученым всего мира.

Невдалеке от поселка Карабутак, в безбрежной степи Адамовского района высятся ГОРА ШОНГАЛ — вздыбленная гранитная гряда, протянувшаяся на три километра вдоль реки Карабутак. Высота ее небольшая — 50—60 метров.

Вся гора и отдельные сопки состоят из мелких и крупных лепешкообразных плит. Ветер, вода и солнце, словно мастера-каменеры, выточили, отшлифовали и красиво, даже искусно уложили каждую деталь этого ансамбля.

Очень оригинально украшают Шонгал березы. Они растут в гранитных расщелинах, лишены почвы и грунтовых вод. Такое сочетание неоглядной степи, гранитной горы и растущих на ней березок создает сказочную картину. Местные жители ценят эту красоту и бережно охраняют чудесный, овеянный легендой уголок природы.

Вот уже свыше сотни лет жители поселка Карабутак передают из уст в уста рассказ о том, что на горе Шонгал побывал великий украинский поэт Тарас Григорьевич Шевченко, когда находился в Орской крепости, и что березы здесь посадил он. Но об этом факте ни сам поэт, ни его биографы не упоминают.

В засушливой степи Адамовского района сохранился еще один уникальный памятник живой природы — ЛИСТВЕННИЦА. Растет она на стыке границ Кустанайской и Оренбургской областей, в 25 километрах к юго-востоку от станции Айдырля. Высота дерева не менее 15 метров. Диаметр ствола — почти метр. Крона его необычайно широка и напоминает крону дуба.

О происхождении лиственницы также существуют различные предания. По определению ученых, дереву 450—500 лет. Оно плодоносит. Когда-то в далекие времена местное население считало дерево священным. Возле него совершались культовые обряды, подобные тем, что описал в повести «Близнецы» Т. Г. Шевченко.

Единственный экземпляр лиственницы в оренбургских степях представляет большой интерес для науки. Это ценный ботанический памятник природы.

Вблизи совхоза «Восточный», Адамовского района, среди ровных ковыльных степей на двадцать метров возвышается кварцевая **ГОРА ВЕРБЛЮД**. Ветер, миллионы лет облизывая камень, придал ему причудливую форму.

Основание горы уходит глубоко под землю. По всей видимости, это большая кварцевая жила. Народная легенда рассказывает, будто верблюд-гигант пришел сюда, чтобы обжить тысячелетием пустовавшие степи, но суровая природа превратила его в камень.

Теперь каменный Верблюд стоит как памятник людям, сумевшим покорить целинные земли сурового края.

Вдесяти километрах от города Орска возвышается **ГОРА ПОЛКОВНИК**. Она славится разработками знаменитой яшмы. Ценные камни здесь имеют все цвета красок, кроме чистосинего. Плиты здешней замечательной яшмы украшают мавзолей В. И. Ленина и станции Московского и Ленинградского метро.

Интересны памятники природы — крупные степные озера Адамовского района: **ЖЕТЫКОЛЬ**, **ШАЛКАР-ЕГА-КАРА**. На 6—7 километров протянулись они по равнине и многие тысячелетия служат единственным большим пристанищем для перелетных птиц в районе Оренбургской области.

Берега озер густо поросли камышом. Здесь гнездятся лебеди, гуси, утки и кулики разных пород, водится карась и линь. В прибрежных камышах живут кабаны.

Всорока километрах от крупного промышленного города Орска расположено **ГАЙСКОЕ КУПОРОСНОЕ ОЗЕРО**. Сейчас в этом районе вырос новый город Гай, а в 1931 году был открыт курорт.

Сернокислые воды и лечебные грязи озера используются для лечения ревматизма, бруцеллеза, радикулита, полиомиелита и других заболеваний.

Гайское купоросное озеро небольшое: глубина два, длина 120, а ширина 20 метров. Со дна его бьют два минеральных источника с повышенным содержанием железа и меди. На берегах — березовая роща.

Недалеко от поселка Мертвые Соли, Соль-Илецкого района, на вершине горы Боевая находится крупное **ПРЕСНОВОДНОЕ ОЗЕРО**. Площадь его — три тысячи квадратных метров, глубина — пятьдесят. В озере водится разнообразная рыба. У подножия горы бьет соленый ключ.

БУЗУЛУКСКИЙ БОР занимает площадь 120 тысяч гектаров и стоит плотной стеной на пути жгучих южных ветров. Его называют в нашей стране жемчужиной лесов. И это справедливо. В Советском Союзе больше нет такого огромного отдельного массива соснового леса.

Бузулукский бор — единственное место в области, где обитают завезенные в 1939 году с Дальнего Востока пятнистые олени.

Вприбрежных лесах реки Урала, вблизи поселка Краснохолм, Илекского района, растет **МОГУЧИЙ ДУБ**. Шесть человек едва обхватывают его ствол. Старожилы утверждают: дубу 250 лет.

Передается ими и легенда, что во время похода на Оренбург Емельян Пугачев разбивал под этим дубом шатер и принимал в нем людей в свое войско. Так и по сей день местное население называет исполина Пугачевским дубом.

В июне 1879 года огромный пожар за два дня истребил большую часть столицы Восточной Сибири — Иркутска. Сгорело семьдесят пять кварталов — тысячи жилых домов, магазины, учреждения, аптеки; на церквях плавилась колокола. Развалины зданий, толпы погорельцев в зареве огня и облаках дыма...

Прошли годы. Выгоревшие кварталы застроили добротными домами. К началу XX века от страшного бедствия почти не осталось следа. А нынче Иркутск — красивый современный город. Но сибирские литературоведы и историки по сей день сокрушаются, когда вспоминают о пожаре. Ведь только в одном архиве таможни сгорело тогда 146 тысяч дел. Среди исчезнувших сокровищ — собрания древних рукописей, большие частные библиотеки и личные архивы многих местных деятелей культуры, в том числе книги и бумаги Николая Ивановича Кашина — выдающегося исследователя и литератора старой Сибири.

Н. И. Кашин родился около Рязани в 1825 году. После окончания медицинского факультета Московского университета приехал в 1851 году в Восточную Сибирь и работал здесь до конца своих дней. Был автором многих работ по вопросам сибирского краеведения. Хорошо зная особенности хозяйства и быта народа, он в публицистических статьях впервые рассказал о голоде и нищете забайкальцев, о нечеловеческих условиях труда горнозаводских рабочих и каторжников, о нещадной эксплуатации детей. *«Напрасно говорят, — писал Кашин в 1861 году, — что русский крестьянин и здоров и крепок, он только терпелив и безропотно переносит такие страдания, о которых мы не можем без ужаса вспомнить».* Некоторые из этих статей, несомненно, писались под влиянием М. В. Петрашевского, А. П. Щапова и других политических ссыльных, с которыми Кашин общался в 60-х годах.

Николай Иванович редактировал «Записки» Сибирского отдела Географического общества, участвовал в экспедиции по Лене для изучения зоба, читал публичные лекции, писал «наставления для народа», *«Обманывать людей можно и с малым умом, но просвещать их трудно и с большим»*, — часто повторял он.

Кашин впервые дал научную характеристику особого заболевания суставов, которое встреча-

лось в Забайкалье у жителей долины реки Уров. Теперь часто эту «уровскую» болезнь называют болезнью Кашина.

В наши дни литературное и научное наследие Кашина привлекло внимание историков и натуралистов. Но труды его еще полностью не выявлены и не учтены. До сих пор не удавалось найти ни автографов Николая Ивановича, ни портрета. Даже первая статья его об уровской болезни была известна лишь по краткому реферату постороннего лица. Почти сто лет считалось, что она погибла вместе с другими бумагами в пламени «сибирской Помпеи». Только недавно удалось установить, что рукопись еще до пожара попала в столицу и теперь, наконец, отыскалась в архиве Географического общества в Ленинграде.

Десять лет назад поиски материалов о культурном прошлом Урала и Сибири привели меня в столицу Бурятии — Улан-Удэ. Здесь на Лесной улице жил старейший врач Е. В. Танский — хранитель многих культурных реликвий. Еще в прошлом веке он окончил физико-математический и медицинский факультеты Казанского университета и с тех пор почти безвыездно работал в Бурятии.

М. В. Танский рассказал, что главные работы Кашина ему в свое время были знакомы, но что рукописей его он ни разу нигде не встречал, а вот портрет Кашина видел в квартире старого иркутского врача Рассушина.

Пришлось мне вернуться в Иркутск. После десятков запросов и множества визитов к старожилам-иркутянам выяснилось, что Рассушин и его потомки умерли. След портрета затерялся.

Прошло почти пять лет. И вот, когда казалось, что надежд на удачу почти нет, библиотекарь Иркутского музея З. Ф. Борисенко, изучая фонды библиотеки, обнаружила в папке случайных вырезов и снимков выцветшую, помятую и подмоченную старинную фотографию. На обороте ее была надпись: *Николай Иванович Кашин*. По-видимому, снимок предназначался для альбома активных деятелей Географического общества, но был настолько плох, что остался неиспользованным.

Но надпись на обороте могла быть и ошибочной. Помог М. В. Танский. Я показал ему серию репродукций с портретов сибирских деятелей прошлого века. Он сразу же узнал Кашина и подтвердил, что именно такой портрет, но писанный маслом видел у Рассушина.

В альбомах Танского нашлось немало работ старых сибирских фотографов. Тщательное сравнение внешних признаков (характер материала, манера исполнения, совпадение формата и особенностей обрезки снимков) позволило определить, что снимок Кашина был сделан в конце 60-х годов. Пришлось еще немало поработать, чтобы «поднять» фотографию, сделать ее более четкой и пригодной для воспроизведения в печати.

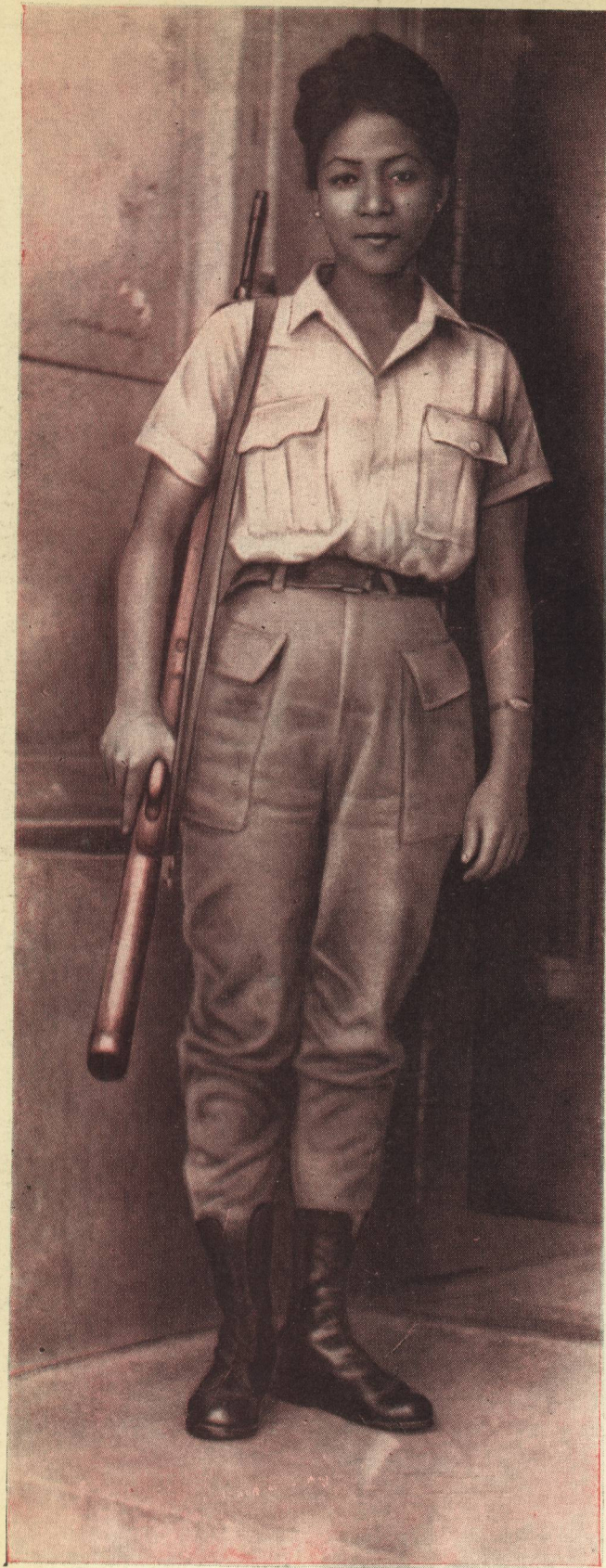
Поиски продолжают. Несомненно, какая-то часть затерянного литературного наследия и большой портрет Кашина будут найдены.

Е. ПЕТРЯЕВ

Бойцы семилетки →

Фото И. ЯРУША.

ДЕВУШКИ КУБЫ

Ах, девчата, в семнадцатом,
В сорок первом, девчата,
Приходилось сражаться вам,
Как заправским солдатам!

Вспоминаете жаркие
Схватки

и

контрудары?

Часто шли в санитарки вы,
А порой в комиссары!

Белокурые, русые,
Героини вы русские,
Ваша жизнь не кончается,
Юность вновь повторяется
От России за тридевять
И земель и морей!
Вот стоит она,

видите,
В форме скромной своей.

Ну и пусть форма грубая!
Юность очень стройна!
— Как зовут тебя?
— Кубою! —
Отвечает она.

Куба, Куба, красавица,
Пистолет на боку!
Нет, с тобою не справиться
Никакому врагу!

Ты сама — Революция!
И тебя не осилить:
Если кто-то ворвется к вам,
То столкнется с Россией, —

Ты далеко
и все же ты
С нами, русскими, рядом!
Слышишь нас, смуглокожая,

С нестигаемым взглядом?

Сила в сердце скрывается,
А совсем не в наганае!

...Наш Октябрь продолжается,
Он идет по Гаване!

Л. СОРОКИН

Фото П. Коверды

МАТРОС ПРЕВОДОЩИИ

Очерк С. ЗАХАРОВА

Рисунки В. Бубеничкова

В конце августа 1917 года унтер-офицер второй статьи Павел Хохряков был вызван в Военную комиссию при ЦК РСДРП (б).

— Я несколько раз слышал вас на митингах, — сказал ему Яков Михайлович Свердлов, — читал в газетах ваши статьи. Вы прирожденный агитатор. Солдаты и матросы понимают и любят вас...

— Что вы, Яков Михайлович! — смутился Павел. — Слабый я еще агитатор. Образования не хватает: из третьего класса церковно-приходской школы в батраки пришлось отчалить.

— Вы молоды, товарищ Хохряков, — с теплой улыбкой произнес Яков Михайлович, — доучиться успеете, такая возможность представится... Но это все в будущем, сейчас же нам приходится образовывать себя и других на ходу. Время горячее, напряженное...

— Это понятно.

— Политическое воспитание масс, — продолжал Свердлов, — пока еще не закончено. А вы в своих выступлениях на митингах и в газетных статьях рассуждаете правильно и в то же время очень просто — умеете находить нужный язык с людьми. Поэтому придется вам поехать на Урал, в Екатеринбург.

— На Урал? Мне? — Хохряков даже привстал со стула.

Увидя растерянное лицо матроса, Яков Михайлович улыбнулся опять.

— В этом нет ничего странного. Вы отлично показали себя на агитационной работе в Петрограде, в Кронштадте и на фронте. Надо помочь, товарищ Хохряков, уральской организации в подготовке к вооруженному восстанию. Если почему-либо здесь, в центре, борьба за власть будет затруднена, начнем с других мест. Ясно? Подробные инструкции получите у товарища Подвойского.

Павел Хохряков попал на флот в начале осени 1914 года, когда по городам и селам России с котомками за плечами тянулись мобилизованные. Вятское воинское присутствие «определило» крестьянина деревни Хохряки «для прохождения службы в Балтийском флоте» и направило в Петроград.

Первые месяцы Павел в казарме флотского экипажа прошел всю «науку», которую старшие чины преподносили новобранцам с руганью, с зуботычинами. Не лучше обстояло дело и на линейном корабле «Александр II», куда в январе 1915 года его зачислили кочегаром.

Командир «Александра II» капитан первого ранга Повалишин чуть ли не ежедневно отдавал приказы в таком духе:

«Матроса I статьи Ивана Белова за курение на улице арестовать на восемь суток усиленным арестом... Плотник Егор Пятаков за неотдание чести унтер-офицеру подвергается аресту на 3 суток»...¹

Среди команды линкора заметно выделялся артиллерийский унтер-офицер первой статьи Иван Сладков. Всегда в подогнанной форменке, с закрученными вверх черными усами, с блестя-

щей на груди медалью «За усердие» он был образцом исполнительности и дисциплины. Начальство ставило его в пример другим. Но мало кто знал, что Сладков возглавляет на корабле подпольную большевистскую организацию, самую крупную и самую активную во всем учебно-артиллерийском отряде, куда входил и «Александр II».

Сладков и его товарищи присматривались к Павлу. Им нравился любознательный сероглазый кочегар. Сначала намеками, а затем уже и прямо раскрывали они глаза молодому матросу на сущность империалистической бойни, рассказывали о продажности царских министров и бездарности военных руководителей, о прибылях, получаемых капиталистами и помещиками, о тяжелом положении трудового народа, о людях, которые борются за его счастье, и их вожде Владимире Ильиче Ленине.

20 декабря предатель матрос Баишев донес старшему офицеру Кольнеру, что унтер-офицер Сладков ведет с нижними чинами «недозволенные» беседы, читает им «крамольные» прокламации.

— Он, ваше высокоблагородие, — холуйски предупреждал Баишев, — шибко хитро себя держит, никогда группы не соберет, а старается либо с одним, либо с двумя человеками говорить...

За Сладковым установили слежку.

Первого января 1916 года Павла Хохрякова произвели в кочегары первой статьи. Утром команде был зачитан новогодний приказ, в нем говорилось и о Павле. Кое-кто из товарищей шутиливо поздравлял его с «повышением». Настроение же у Павла было подавленное: не стало Сладкова. Многие матросы, когда вблизи не оказывалось начальства, спрашивали:

— Что со Сладковым?

— Арестован.

Сладков был схвачен 28 декабря при попытке доставить антивоенные листовки на линейный корабль «Цесаревич». Вскоре по доносу того же Баишева жандармы арестовали еще нескольких человек из подпольной организации «Александра II». Прошли аресты и на других кораблях Балтийского флота. Однако выявить всех «смутьянов» жандармам не удалось.

Одним из руководителей подполья на «Александре II» после этих событий стал Хохряков. Для новобранцев он был теперь тем, кем в свое время был для него Сладков.

Так член РСДРП (б) Павел Хохряков выбрал себе дорогу активной борьбы за освобождение трудового народа...

Все это вспоминалось Павлу, когда он подъезжал к Екатеринбургу. За окнами вагона мелькали сосны, синели Уральские горы. Вот лязгнули буфера, поезд остановился у Екатеринбургского вокзала. Забрав небольшой флотский сундучок, Павел вышел на перрон. Вдали дымили трубы заводов.

Дом Екатеринбургского комитета РСДРП (б) он отыскал на улице Покровской. Поднявшись по лестнице на верхний этаж, открыл дверь в первую попавшуюся комнату. Никто из присутствующих не обратил на Павла внимания. Все слушали толстого седоватого подпрапорщика. Обращаясь к молодому человеку с небольшими черными усами, подпрапорщик вопил, призывая в свидетели чуть ли не весь мир:

¹ ЦГАВМФ — Центральный государственный архив Военно-Морского Флота. Приказы командира линейного корабля «Александр II».

— Неужели надо объяснять, что вы действуете по указке немецкого кайзера? Поймите, я не осуждаю невежественного бунта солдат, бунта темных и озлобленных людей, прошлая жизнь которых протекала в сумерках унижительного рабства и не воспитала в них ни гражданских чувств, ни уважения к себе и к своей несчастной родине. Виноваты в своем ужасном невежестве не они!

— А кто? — прищурив левый глаз, спросил черноусый молодой человек.

— Виноваты вы, большевики! — истерически взвизгнул подпрапорщик — Да! Да! Как социалист-революционер я настаиваю на этом!

Черноусый недовольно пожал плечами, давая понять, что разговор окончен. Павел не выдержал:

— Послушай, эсер, — сказал он, глядя в упор на подпрапорщика, — разве не с согласия твоей партии забирали революционных вождей народа в тюрьме в июльские дни, а товарищ Ленин и сейчас еще вынужден скрываться? Разве не твои друзья благословляли разгром рабочих и солдатских газет? А не ваш ли министр, эсер Керенский ввел смертную казнь для солдат, которым вы якобы требуете земли и воли? О каком невежестве вы говорите?!

— Это черт знает что такое! — Подпрапорщик задыхался от злости. — Иезуитские приемы... Но мы еще встретимся, матрос!

Он высочил, хлопнув дверью. Все расхохотались. Павел подошел к черноусому молодому человеку.

— Я только что прибыл из Петрограда. Вот мои документы.

— Павел Хохряков? — Черноусый крепко пожал матросу руку. — Давно ждем. Я Малышев... Иван Малышев. А здорово ты подпрапорщика отделал! Сразу видно, что практика есть.

Практика в таких делах у Павла действительно была. В дни Февральской революции команда «Александра II» вместе со всем Балтийским флотом радостно приветствовала свержение самодержавия. На корабле был выбран судовой комитет. На место ненавистного матросам командира, капитана первого ранга Позвалишина, стал любимец команды лейтенант Кондратьев. Долго гремело приветственное «ура», когда к борту подошел катер с освобожденными из тюрьмы товарищами во главе с Иваном Сладковым. Старое название линкора по требованию команды было заменено новым — «Заря свободы».

По поручению судового комитета Павлу часто приходилось бывать в Кронштадтском Совете рабочих, солдатских и матросских депутатов. Молодой кочегарный унтер-офицер в спорах с эсерами и меньшевиками активно защищал позицию большевиков, выступал на многочисленных митингах в Кронштадте, Петрограде и вскоре стал одним из популярных большевистских ораторов.

Весной, в начале апреля, из Кронштадта на фронт выехала группа членов флотской партийной организации. Руководил ею Павел, разъездной агитатор Кронштадтского комитета РСДРП(б). С 5 по 29 апреля моряки-пропагандисты находились на передовых позициях среди солдат 1-й, 7-й и 12-й армий.

«Целью нашей поездки, — писал Хохряков в кронштадтской газете «Голос правды» 7(20) мая 1917 года, — было взаимное осведомление о положении дел, агитация солдат на фронте и содействие их организации... Что же мы увидели, когда приехали на позицию? Товарищи солдаты знают, что нет царя, но есть Временное правительство, на которое нужно чуть ли не молиться, и есть Совет рабочих и солдатских депутатов, который необходимо удалить, так как он мешает работать Временному правительству. Так говорили командиры. Правда, были и такие офицеры, которые пошли навстречу солдатам и помогли им организовать, но много еще темных сил, которые, кроме вреда, ничего не приносят. Многие из офицеров не могут себе представить, что нельзя солдат бить по морде и сечь розгами. Они высказывают желание воевать до последнего человека и вполне поддерживают интересы тех хищников, которые чужую кровь превращают в чистое золото.

Но товарищи солдаты говорят иначе: их лозунг — долой войну! Они, усталые, измученные, босые и голодные, более двух лет гниющие в болотах, — все они, как один человек, хотят скорейшего мира»...

16/29 мая 1917 года Кронштадтский исполнительный комитет принял решение о переходе всей власти в городе в руки Совета рабочих, матросских и солдатских депутатов и о неподчинении Временному правительству. Буржуазные и соглашательские газеты не замедлили выступить с гнусной клеветой на революционный Кронштадт. Они писали, что Кронштадт якобы решил «отделиться от всей России и создать самостоятельную республику». Конечно, мало кто верил этим небывицам. Однако врагам революции удалось увлечь за собой отдельные части Ревельского гарнизона. Кронштадтский комитет РСДРП(б) направил туда лучших моряков-агитаторов во главе с

Хохряковым. Выступая на митингах в Ревельской базе, агитаторы разоблачали авторов клеветы — меньшевиков и эсеров, врагов революции, просто и убедительно разъясняли суть конфликта Кронштадта с Временным правительством. Вскоре на собрании военной организации при Ревельском комитете партии почти единогласно было принято постановление. В нем говорилось: «Приветствуем товарищей кронштадтцев как передовых борцов революционной России, в лице их представителя товарища Хохрякова»¹.

Ставка врагов на изоляцию Кронштадта от других частей Балтийского флота оказалась битой.

С мандатом агитатора Хохряков побывал и в родных краях. Однажды в судовой комитет «Зари свободы» была прислана выписка из протокола собрания крестьян Вятского землячества. «Союз вятских крестьян, — говорилось в ней, — на общем собрании 11 мая сего года избрал товарища Павла Хохрякова вашей команды в Вятский исполнительный комитет в качестве члена с решающим голосом, а поэтому просим судовой комитет линейного корабля «Заря свободы» уволить нами избранного на 30 дней... и просим просьбу нашу удовлетворить, так как выбор наш пал на достойного, и поэтому перевыборы для нас крайне нежелательны»².

В Вятке Павел зашел в губернский комитет Всероссийского крестьянского союза. Но «крестьяне», которых он там повстречал, выглядели странно: несколько офицеров, рыжебородый поп, господа в черных сюртуках.

— Сын мой, — заявил священнослужитель, ознакомившись с его документами, — Кронштадт — в настоящее время отделился от великого государства Российского, республику самостоятельную образовал, против бога пошел, поэтому бумаги твои для нас не закон.

— А много ли, господин матрос, в Кронштадте войска? — полюбопытствовал офицер, сидевший рядом с попом.

— Хватит! — отрезал Павел.

Прибытие в город агитатора-большевика из Кронштадта не на шутку встревожило местные власти. Вятский исполнительный комитет, в котором было засилье меньшевиков и эсеров, срочно созвал специальное заседание. Одни предлагали немедленно арестовать кронштадтца, другие — объявить военнопленным, как прибывшего из «отдельной республики». Павла вызывали в Совет, пытались запугать, грозились отобрать документы, но он не сдавался. В течение целого месяца вятские рабочие и крестьяне с жадностью слушали на митингах страстное слово балтийца-агитатора...

Малышев представил моряка присутствующим:

— Наш новый работник, Павел Данилович Хохряков, матрос Балтийского флота, послан по заданию Смольного.

С места вскочил высокий кудрявый парень и звонко закричал:

— Да здравствует Балтийский флот!

Рабочий в кожаном картузе строго посмотрел на парня, и тот молча сел на место.

— Ну, матрос, — обратился рабочий к Павлу, — рассказывай, как там дела в Питере, как Ленин?

— Да, да! — громко поддержали его. — Полный доклад сделай!

— Как флот себя чувствует?

— Когда Якова Михайловича в последний раз видел?

— Правда ли, говорят, Временное правительство собирается бежать из Питера и отдать революционную столицу на расправу Вильгельму?

— По порядку, товарищи, по порядку! — Павел поднял обе руки. — А то оглушили вопросы.

— Тебя не оглушишь! — засмеялся кудрявый парень. — Ты вон как эсера-то оглушил...

Беседа затянулась. Павел ознакомился с положением дел в Екатеринбурге.

— Главное внимание, — говорил Малышев, — надо обратить на казарму, на вчерашнюю деревню, где эсеры с их лозунгами о земле были в свое время популярны. Не секрет, что многие в Екатеринбургском гарнизоне заражены эсеро-ским душком. Правда, после разгрома корниловщины доверие к эсерам и меньшевикам ослабло. Всем ясно, что соотношение партийных фракций в Совете не соответствует их влиянию в массах. Поэтому Совет постановил провести перевыборы. Наша задача — развернуть упорную агитационную работу. Местный Совет рабочих и солдатских депутатов полностью должен стать большевистским!

Павел сразу же включился в кипучую работу. Его можно было встретить на Верх-Исетском заводе, в рабочих кварталах, в Оровайских казармах. Рабочие и солдаты видели в нем своего человека. В отличие от позирующих меньшевистских и эсеро-ских ораторов, стремившихся крикливыми фразами запутать слушателей, Павел говорил просто и ясно, энергичными жестами подчеркивал самое важное.

«Мы, рабочие Верх-Исетского завода, — писали в своем постановлении участники митинга, — приветствуем красу и гордость революции — кронштадтских матросов... и заявляем о своей готовности, когда будет нужно, поддержать революцию не на словах, а на деле».

А вот слова из резолюции солдат 108-го полка:

«Доклад товарища матроса Хохрякова слушали с большим вниманием».

Часто митинги проходили в самом центре города — на Кафедральной площади¹.

Здесь оратор взбирался на каменный постамент, оставшийся от низвергнутого в дни Февральской революции памятника Александру II, и начинался митинг.

Выступали представители различных партий. Большевикам важно было, чтобы народ убедился, кто защищает его интересы.

Большевики не спешили выступать первыми, а когда меньшевики и эсеры излагали свою «программу», у постаментов неизменно появлялся Павел. От «доводов» соглашателей не оставалось камня на камне.

— Крой их, матрос! — раздавались одобрительные голоса.

— Так их, товарищ Павел! — кричали солда-

¹ Балтийские моряки в подготовке и проведении Великой Октябрьской социалистической революции, М.-Л., 1957, стр. 77.

² ЦГАВМФ. Переписка судового комитета линейного корабля «Заря свободы».

¹ Теперь площадь имени 1905 года.

Павел Хохряков. Фото 1916 года.

ты, знавшие Хохрякова по выступлению в казарме.

В октябре прошли выборы в Совет. Большинство в нем получили большевики. Депутатом от солдат был Павел Хохряков. Сначала он работал в агитационно-пропагандистском отделе Совета, затем членом Исполнительного комитета, а позже — начальником Центрального штаба Екатеринбургской Красной гвардии.

На мятеж генерала Корнилова рабочий Урал ответил организацией отрядов Красной гвардии.

Большую роль в организации Красной гвардии Екатеринбурга сыграл Павел Хохряков. Когда в ночь на 26 октября телеграф принес из Петрограда сообщения: «Военно-революционный комитет, созданный исключительно Петроградским Советом рабочих и солдатских депутатов, в настоящее время фактически стоит у власти», «Зимний дворец занят. Министры арестованы». Павел со своими красногвардейцами уже готов был по первому сигналу выступить против врагов революции.

Для охраны порядка Екатеринбург был разбит на четыре района. Особенно часто поднимались по боевой тревоге красногвардейцы четвертого, Верх-Исетского, во главе с Петром Захаровичем Ермаковым, организатором рабочих дружин еще в 1905 году.

Банды «Гусара» Ключина, Виктора Карманного и Пашки Грохота нападали на поезда с продовольствием, грабили жителей Верх-Исетского поселка, расправлялись с активистами.

Центральный штаб вынес решение: ликвидировать бандитов. Однажды Ермаков, возвратившись с заседания, сказал красногвардейцам:

— От вашего имени я дал слово товарищам Малышеву и Хохрякову за одну ночь покончить с Гусаром, Витькой и Пашкой. Собираться по гудку.

— Молодец, Захарыч! — похвалил Хохряков Петра Ермакова, когда тот на другой день докладывал ему о результатах облавы. — Не подкачали верхисетцы...

В первые дни после революции в Екатеринбург стали приходить провокационные телеграммы. В них утверждалось, что в Петрограде восстановлена власть Керенского, что большевики разбиты, что на столицу Урала движется Оренбургское казачье войско. Других телеграмм саботировавшие телеграфисты не принимали.

— Неверны эти сообщения! — убежденно говорил Малышев. — А если и верны, то Урал способен дать отпор белоказакам. Завоевания революции красный Урал отстоит!

Чтобы выяснить действительное положение в центре страны, Павел с нарядом красногвардейцев отправился на телеграф, а затем на телефонную станцию, где «телефонные барышни» по примеру своих коллег срывали работу. Как раз в это время начальник увещевал саботажниц:

— Вы дочери честных, благородных родителей. Власть захватили большевики... злоупотребляя именем народа... Не подчиняйтесь им, покидайте свои места! Большевиков никто не поддержит, их восстание скоро будет подавлено. Я говорю с вами от имени конституционно-демократической партии...

— Мы пришли объявить вам приказ Екатеринбургского Совета, — прервал его Хохряков, появляясь в дверях с четырьмя красногвардейцами.

— Нас не касаются никакие Советы, — провозгласил сопротивляющийся контрреволюционер. — Мы признаем власть в лице...

— Вы, господин бывший начальник, — прервал его Павел, — живете старым числом. Никакой другой власти, кроме Советской, в России нет.

— Барышни! — завопил чиновник. — Неужели вы будете слушать политических недорослей? Рекомендую вам покинуть службу до особых моих распоряжений.

— Теперь будут наши распоряжения, — спокойно ответил Павел и, повернувшись к красногвардейцам, приказал: — Взять его и доставить в Центральный штаб! Остальным приступить к работе!

— Это же насилие! — возмущенно проговорила одна из телефонисток.

— Это революция, барышня. Кто не желает быть с революцией в одном строю, может оставить здание.

— Хорошо, мы уходим! — послышались голоса.

— А я буду работать! — вдруг заявила черненькая телефонистка небольшого роста и несмело направилась к своему месту.

— Ты с ума сошла! — закричали остальные, выталкивая ее из зала.

Павел с улыбкой наблюдал за этой сценой. Красногвардеец, курносый верхисетский парень, схватившись за голову, испуганно зашептал:

— Вот нарубили дров! Что же теперь делать?

Павел нахмурился:

— Чего нос опустил? А ну, повори его на два румба! Лети в комитет Союза социалистиче-

ской молодежи, пусть пришлют сюда ребят. Мы дело в момент поставим!

Красногвардеец кинулся выполнять приказание, а Павел, поправив бескозырку, огляделся кругом. На щитах абонентов бессильно висели язычки вызовов, ждавших ответа.

Неожиданно зажглась самая крайняя сигнальная лампочка. Хохряков схватил наушники.

— Что?.. Что? Какая барышня? Вам больница?.. Номер, номер назовите! Не знаете? Стоп, машина!.. Сейчас пошлю...

— Какой, какой номер просят? — раздалось за спиной.

Хохряков, не снимая наушников, оглянулся. Маленькая черненькая телефонистка стояла рядом.

— Больницу.

Девушка соединила. Сигнальная лампочка на щите погасла.

— Руку, барышня! — сказал обрадованно Павел. — Значит, с нами? С революцией?

Телефонистка не успела ответить: загорелась еще одна лампа.

— Как вас зовут? — спросил Хохряков.

— Лена... Перминова.

— Вот и придется вам, Лена Перминова, ребят наших телефонному делу обучить. Они скоро придут сюда.

— Нет... нет! Я не умею, у меня не хватит на это практики... — испуганно заговорила девушка.

Павел упрямо стукнул кулаком по подоконнику:

— Да не французскому же языку обучать станете!.. Неужели не сделаете для революции?

Через полчаса курносый красногвардеец рапортовал:

— Товарищ начальник Центрального штаба! Прибыли по вашему приказанию. Это Яша, это Катя, это Люся, это...

— Молодец! С заданием справился по-революционному! — И, обращаясь к вошедшим, Павел распорядился: — Ну, вот что! Занимайте места и действуйте. А это — новый начальник. Зовут Лена Перминова. Все ее требования выполнять безотказно. Телефонная связь в городе должна действовать как часы.

На другой день Павел Хохряков направился в Окружной суд. Екатеринбургский Комитет РСДРП(б) поручил ему и Филиппу Голощекину превратить это учреждение в новый революционный суд.

30 октября (12 ноября) эсеры, воспользовавшись колебанием отдельных партийных работников Екатеринбурга, выступили в Совете с предложением создать в городе «однородную социалистическую власть». Так появился «коалиционный ревком». Временное бюро «ревкома» объявило, что «вся власть переходит к бюро». Видные члены екатеринбургской организации — Малышев, Хохряков, Голощекин, Войков, Вайнер, председатель Совета Павел Быков и другие разоблачали враждебную народу «однородную социалистическую власть». И уже 22 ноября под давлением трудящихся «ревком» объявил о самороспуске.

Как-то ночью Павел с несколькими красногвардейцами проверял документы в меблированных комнатах «Пале-Рояль».

Дверь одного из номеров открыл тучный

человек. В глубине комнаты, на широкой кровати, храпел мужчина в одежде и в сапогах.

— Ваши документы!

Тучный порылся в карманах и протянул удостоверение. Павел внимательно посмотрел его и приказал:

— Садитесь!

Тучный презрительно пожал плечами и опустился в кресло. Около него встал один из красногвардейцев.

Разбудили спящего. Тот поднялся с постели и вызывающе спросил:

— В чем дело?

— Документы!

— А вы кто?

— Начальник Центрального штаба Красной гвардии.

— А! Хохряков... Очень приятно. Как это я спросонья не разглядел матросскую форму, — сказал разбуженный и сунул руки в карман.

Матрос-красногвардеец Фома Гуня, почуяв недоброе, бросился на неизвестного и повалил его на пол. При слабом электрическом свете в руке того блеснул браунинг. Раздался выстрел, пуля застряла в стене. Тучный вскочил с кресла, но его тут же схватили.

— Связать обоих!

Гуня рывком поднял стрелявшего на ноги и замахнулся кулаком, но Павел остановил его. Фома опешил.

— Павло! Он же враг, гадюка...

— Все это так, — согласился Павел, — но рукам воли не давай...

Утром в Центральном штабе Красной гвардии появились местные анархисты. Они требовали освобождения арестованных в «Пале-Рояль».

— Вы, что, их единомышленники? — спросил Павел.

— Они, как и мы, — нагло заявил один из пришедших, — члены партии анархистов. В чем вина наших коллег?

— Вина их установлена, осталось выявить соучастников. Но за этим дело не станет.

— Это насилие над партией анархистов и над свободными личностями! Мы будем сопротивляться, и город наше сопротивление скоро почувствует... Анархия — это сила! Под знамя анархии соберется весь рабочий класс. Мы, анархисты, поведем его в грядущие века...

— Если вы будете терроризировать население и не признаете Советскую власть, — прервал Павел разглагольствования анархиста, — мы раздадим вас! Так и передайте руководству. Товарищ Гуня, проводи их.

Целый день Павел допрашивал арестованных, взятых ночью во время облавы, а к вечеру направил на вокзал усиленный наряд красногвардейцев и приказал:

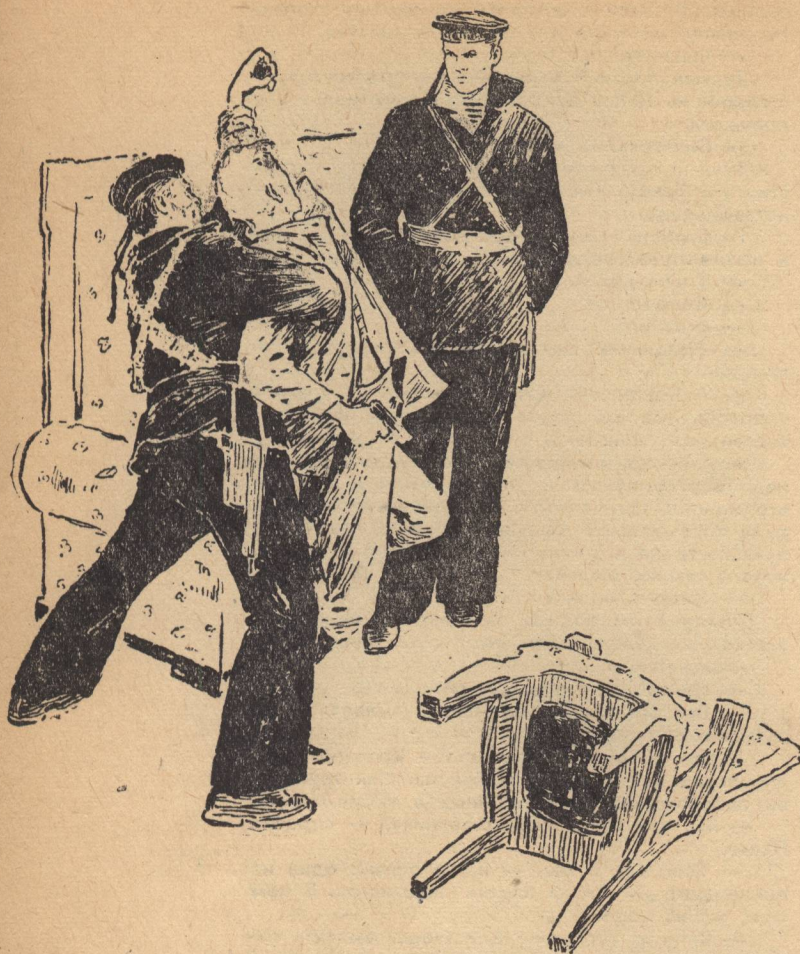
— Смотреть внимательно. И у кассы, и при посадке, и в вагонах... Подозрительных задерживать! — Оглядев товарищей, он добавил, раздумывая: — Кого бы завтра послать в комиссию по проверке детских домов, школ, больниц? Из Совета по телефону звонили.

— Гуню, Каторгина, Старостина, — предложил кто-то.

— Не подойдут: вид больно грозный, детей перепугают... мы их сегодня ночью на другое дело направим — анархистов потрясем.

Однако квартиры анархистов оказались пустыми.

След их отыскался днем. На Главном прос-

пекте к одному из патрулей подошел запыхавшийся старик без шапки. Он назвал себя доверенным лицом из Коммерческого собрания и со слезами в голосе заявил, что туда недавно ворвались вооруженные люди, разогнали публику, отобрали деньги, разгромили буфет. Патруль побежал к зданию Коммерческого собрания.

Парадные двери его были закрыты. На стук никто не ответил. Красногвардейцы прошли во двор, к черному ходу. Дверь и здесь оказалась закрытой. Наконец послышался пропитый бас:

— Что нужно?

— Именем Советской власти требуем открыть двери! — крикнул старший патруль Матренин.

— Мы вашей власти не признаем. Будете ломиться — получите пулю!

Матренин сообщил в штаб. Тотчас прибыл Павел. Узнав, в чем дело, он смело направился к зданию.

— Не подходи, товарищ начальник Центрального штаба! — предупредил Матренин. — Могут из окна укокошить.

Павел постучал в дверь прикладом карабина.

На этот раз пропитый бас ответил быстрее:

— Кто такие?

— Я Хохряков! Приказываю немедленно открыть!

— Тебя-то тут и не хватало! — с издевкой проговорил бас. Следом послышалось: — Да здравствует анархия!

— Мы их сейчас отрезвим! — Павел приказал красногвардейцам усилить наблюдение и отправился на почту звонить по телефону.

Над городом поплыли заводские и паровозные гудки, поднимаемая по тревоге рабочие отряды. Недалеко от кино «Колизей»¹ красногвардейцы поставили пулеметы.

— Наша задача, — объяснял прибывшим Павел, — не потерять ни одного человека. Я вызвал орудие. Стрелять из него, конечно, не будем, а из пулеметов, возможно, придется. Сдается мне, в анархистской банде уже начинается паника.

Привезли пушку. Ствол ее смотрел прямо в окна Коммерческого собрания.

Павел, посоветовавшись с Малышевым и Быковым, позвонил анархистам.

— Я начальник Центрального штаба Красной гвардии. От имени Совета рабочих и солдатских депутатов приказываю сложить оружие, оставить его в помещении и выйти на улицу через парадную дверь.

В телефонной трубке послышался беспорядочный шум.

— Нас никакие Советы рабочих и солдатских депутатов не касаются, — ответил чей-то голос. — Мы свободные анархисты и сами себе хозяева!

— Если не выполните приказание, откроем оружейный огонь. Даю на размышление десять минут.

Телефон молчал. В окнах Коммерческого собрания торчали пулеметы. Павел посмотрел на часы. Вдруг в одном из окон показалась палка с белой скатертью.

— Сдаются!..

Через десять минут анархистов под усиленным конвоем отправили в тюрьму.

Так бесславно закончился мятеж в Коммерческом собрании...

В конце 1917 года в Оренбургских степях атаман Дутов спешно сколачивал воинские части и добровольческие дружины из богатых казаков, царских офицеров, воспитанников юнкерских училищ и кадетских корпусов. Мятежники заняли Оренбург. Когда об этом стало известно в Екатеринбурге, Уралсовет и Центральный штаб Красной гвардии обратились к трудящимся с воззванием и начали формировать отряды для борьбы с Дутовым. Екатеринбург стал главной базой организации разгрома контрреволюции.

В январе дутовцы, разбитые под Оренбургом, в панике отступили к Верхне-Уральску. Атаман едва избежал плена.

С победой вернулся в родной город сводный отряд екатеринбургских рабочих под командованием Петра Захаровича Ермакова. Чеканя шаг по снежной мостовой, под звуки траурного марша шли красногвардейцы от вокзала к центру, неся на руках тела товарищей, погибших в южноуральских степях.

На Кафедральной площади колонна остановилась. Здесь уже собрались екатеринбуржцы.

¹ Теперь кинотеатр «Октябрь».

У собора, подняв воротники пальто, тихо шептались два человека.

— Штабс-капитан ловко придумал, — говорил тот, который выглядел помоложе. — Сейчас, когда будут хоронить убиенных товарищей, в самый раз ударить по совдеповцам.

— Тише! — предупредил его старший. — А, и сам красногвардейский адмирал здесь. Все идет хорошо...

Павел, сняв бескозырку, подошел к краю братской могилы¹ и глухим, но твердым голосом начал речь:

— Последний, прощальный привет принесли мы вам, товарищи! Вы отдали все, что имели: молодую жизнь свою. На деле доказали любовь к народу и показали пример, как надо защищать революцию. Спите спокойно, дорогие товарищи! Мы не оставим ваше дело и доведем его до конца, до победы...

А двое у собора все перешептывались, бросая настороженные взгляды.

— Где же штабс-капитан? Почему нет сигнала?

— Вынуть руки из карманов! Живо! — Заговорщики испуганно обернулись. Красногвардеец в темно-синей шинели пожарного, видимо, командир группы, добавил: — Спротивление бесполезно, ваши напарники уже взяты.

Вечером Павел допрашивал плотного рыжебородого мужчину, одетого в поношенный офицерский китель.

— Я могу отвечать только за самого себя, — мрачно твердил рыжебородый. — За остальных я не ответчик... Подставленных и запуганных вами типов знать не желаю. Вас же, начальник самозванного штаба, терпеть не могу и разговаривать не имею намерения.

— А мы вас, ваше благородие, — проговорил красногвардеец, стоявший у дверей, — тоже не терпим, но разговаривать все же придется.

— Впрочем, настаивать не будем, — спокойно ответил Павел. — Только учтите, господин штабс-капитан, нам все известно... Уведите его. Когда у господина штабс-капитана появится желание разговаривать, доложите мне.

В тот траурный январский день специальный отряд, организованный из монархистов, должен был напасть на площадь и открыть огонь по собравшимся. Но особый отдел по борьбе с контрреволюцией зорко следил за происками врага. Верхисетские красногвардейцы в одну из ночных облав нащупали нити заговора, и все мятежники были обезврежены.

В редкие часы отдыха Павел Хохряков любил бывать среди молодежи. С ней он мог пошутиться, пошутить, лихо отплясывал «яблочко» и показывал «гусиный шаг». «Гусиный шаг» выглядел очень смешно. Павел, танцую вприсядку, выбрасывал далеко вперед ноги. Из песен ему больше всего нравилась «Гибель «Варяга». Он признавался, что всегда сильно переживает, слушая эту песню.

Особенно близко подружился Павел с братом и сестрой Наумовыми. Таня Наумова стала впоследствии его верным помощником во многих опасных делах.

Часто Павлу приходилось выезжать с отрядами Красной гвардии в те районы Урала, где поднимала голову контрреволюция. В январе 1918 года Павел с небольшим красногвардейским отрядом выехал в Шадринск. Меншевики и эсеры, окопавшиеся в городе, пробовали организовать выступления среди отсталых слоев населения.

— Зачем нам этот самозванец?! Кто его звал? — кричали они на митингах.

С помощью шадринских большевиков Павел сформировал красногвардейские отряды из местных рабочих, создал штаб Красной гвардии. Шадринский Совет, в котором 25 января власть окончательно перешла к большевикам, стал органом подлинно революционной власти.

В январе Советским правительством был издан декрет о создании регулярной Красной Армии. Красная гвардия Екатеринбурга стала ее резервом. Возглавил этот резерв Павел Хохряков. А вскоре он получил новое важное задание.

В столицу Урала давно уже поступали тревожные сведения из Тобольска. Живительный ветер Октябрьской революции давно проник в самые отдаленные уголки страны, и только в Тобольске жизнь текла по-прежнему. Купцы, рыбопромышленники и духовенство (по соседству с городом имелось два монастыря) продолжали влиять на умы обывателей. В каменном двухэтажном восемнадцатикомнатном доме, где до Февральской революции жил губернатор, обитал со своей семьей последний «император и самодержец Всероссийский» Николай Романов, направленный сюда в ссылку еще при Керенском. Вместе с бывшим царем в город прибыл отряд отборных гвардейцев (33 человека) с семью офицерами. Командовал отрядом ярый монархист полковник Кобылинский. Перед отправкой Николая Романова в Тобольск Керенский наказывал Кобылинскому:

— На вас возложена весьма ответственная миссия. Не забывайте, полковник, что это бывший император. Его семья ни в чем не должна нуждаться.

Новая резиденция экс-императора мало чем отличалась от Зимнего дворца: та же обстановка, привезенная из Петрограда, многочисленная прислуга, начиная с личного камердинера Николая и кончая поваренком. Крупные денежные суммы, прихваченные царской семьей при отправке в ссылку, позволяли с успехом поддерживать полный комфорт.

В Тобольске для наблюдения за особой и семьей бывшего императора находился «комиссар» Керенского эсер Панкратов.

При первой же встрече с «комиссаром» Николай осведомился о здоровье главы Временного правительства.

— Благодарю вас, Александр Федорович здоров, — ответил «комиссар», пожимая «мило-стливо» протянутую ему царскую руку. И осторожно спросил: — Как вы устроились, Николай Александрович?

— Недурно, — сказал бывший царь, — хотя и есть некоторые неудобства, но все-таки недурно. Только почему нас не пускают в церковь? Боятся, что я убегу из Тобольска?

— Это недоразумение. Вам и вашей семье никто не может запретить посещать церковь.

— Прекрасно! А могу ли я переписываться с родными, друзьями?

— Конечно.

¹ Позже прах погибших был перенесен на Площадь уральских коммунаров.

— Мы привезли свою личную библиотеку. Но вот почему-то иностранных журналов я не получаю.

— Это, вероятно, по вине почты, — оправдывался перед бывшим царем «комиссар». — Я наведу справку. Заверяю вас, газеты и журналы не будут задерживаться...

По всем гостиницам города разместились царские придворные — граф Татищев, князь Долгорукий, графини Гендрикова, Шнейдер и другие. В особняке купца Корнилова устроились солдаты-охранники. Даже после Октябрьской революции они продолжали носить погоны. Пример в этом им подавали Николай Романов и полковник Кобылинский. В Тобольских церквях по распоряжению епископа Гермогена молились за здоровье бывшего царского дома.

Каждый раз вокруг церкви, которую посещала царская семья, собирались местные купцы, рыбопромышленники, их сыновья и требовали, чтобы всех «верноподданных» допустили в «храм божий».

Представители местного Совета, возглавляемого эсером Никольским, не вмешивались в «царские дела» и предпочитали не появляться вблизи губернаторского дома.

Правда, однажды «деятели» из Совета решили объяснить с полковником Кобылинским.

— Извините, господин полковник, но нам показалось, что ваш отряд не производит впечатления достаточно надежного. Не лучше ли затребовать охрану из Екатеринбурга или из Омска?..

Кобылинский безапелляционно заявил, что о замене отряда не может быть и речи. И даже пригрозил:

— Если об этом узнают мои солдаты, для вас могут быть очень неприятные последствия.

Между тем Тобольск и окрестности наводняли контрреволюционеры. Они лелеяли мечту сделать низложенного царя знаменем борьбы с Советской властью и готовились к организации его побега за границу через Обскую губу. Осуществление плана намечалось на весну, когда вскроются реки.

Особенную активность по подготовке побега царской семьи проявлял поручик Соловьев, зять Григория Распутина. Инструкции и деньги он получал из монархического союза, который возглавляла бывшая царская фрейлина Вырубова. Охранной грамотой служил ему мандат на право «организации лесной компании в Тобольской губернии».

Тревожная обстановка, создававшаяся в Тобольске, требовала самых решительных действий. Президиум Уральского областного Совета по указанию Якова Михайловича Свердлова решил перевести Романовых в надежное место — в Екатеринбург. Выполнение поручили Павлу Хохрякову.

— Надо срочно отшвартоваться, — сказал Павел Тане Наумовой.

— Где-нибудь кулацкий восстание?

— На сей раз нет... Слушай внимательно. Со мной поедут Авдеев, Логинов, Заславский, ты и еще несколько товарищей. Курс — на Тобольск.

— На Тобольск?

— Да. Кстати, там ведь недалеко живут твои родственники. Отправимся, будто мы жених и невеста, пусть принимают гостей.

Таня удивленно смотрела на Павла, а он серьезно продолжал:

ЯРКИМ ФАКЕЛОМ ОКТАБРЯ!

Я люблю по нашей плотине
В дни предпраздничные бродить,
Где провисла в осенней сини
Огоньков разноцветных нить,
Где в плакатах и флагах зданья
Отражает пятнистый пруд,
Где толпою

воспоминая

Мне опять навстречу идут.
Ну, напоси, напоси, город,
Нам далекого детства гам,—
Как мы, лодку сделав «Авророй»,
По исетским плыли волнам,
Как сарай превращался в Зимний,
Как во весь поднимался рост
В бескозырке, в матроске синей
Восьмилетний Митька-матрос!
Он кричал нам:

— Романовым готовят побег. Есть приказ доставить их сюда.

— Но почему мы должны говорить, что едем в гости к родственникам?

— Ну давай всем рассказывать, — улыбнулся Павел, — что едем в гости к его бывшему императорскому величеству... Понимаешь, если пошлем солидный вооруженный отряд, слухи нас обгонят, и, возможно, их величеств на месте не застанем. Надо, чтобы никто ничего не знал...

В начале марта 1918 года группа уральских рабочих во главе с Павлом выехала из Екатеринбурга в Тобольск. На северные дороги были направлены красногвардейские заставы.

Перед Тобольском группа разделилась. В город пробирались поодиночке: кто под видом скупщика, кто под видом местного крестьянина, кто — в поисках работы.

Позднее один из участников экспедиции — Александр Авдеев, вспоминал:

«Приехав в Тобольск, наш маленький отряд наметил вначале четыре основные задачи: удостовериться в наличии Николая Романова в бывшем губернаторском доме; войти в связь и выяснить настроение солдат из охраны царя; войти в связь с местной руководящей властью меньшевиков и эсеров; ознакомиться с настроением местных рабочих (консервная фабрика, лесопильный завод, зимовка пароходов) и взять их под свое влияние. Для выполнения этих задач отряд разбился на небольшие партии, чтобы легче было действовать... Настроение же той небольшой группы в 500—600 человек рабочих, которая имела в Тобольске, было настоящее большевистское. Рабочие готовы были немедленно же свергнуть меньшевиков и эсеров. Исключение

только составляла команда и рабочие шхуны «Святая Мария», стоявшей там на зимовке, — они были настроены не в нашу пользу. После выяснилось, что именно это судно и было намечено монархистами для увоза Николая за границу»¹.

— У всех, у кого руки в мозолях, — говорил Павел тобольским рабочим, — у кого в жилах кровь, а не седьмая вода на киселе, у кого сердце горит ненавистью к кровавому царю, к купцам, помещикам, капиталистам и всяким богатым, — всех тех мы зовем под свои знамена. Потому что нет для большевиков высшей доли, чем служение народу, делу рабочих и крестьян, чем свобода и счастье тех, кто живет своим трудом, своим горбом. Мы, большевики, сейчас каждый день находимся в объятиях смерти. Но мы будем драться до победного конца с теми, кто поднимает руку на революцию, на нашу революцию...

Губернаторский дом по приказанию Павла был взят под наблюдение.

Скоро хохряковцы установили, что бывшего царя ежедневно навещают какие-то шатские. Павел решил познакомиться с часовым.

— Ты кого тут, дядя, охраняешь? — заговорил он с солдатом.

Гвардеец Преображенского полка с высоты своего роста подозрительно посмотрел на блондинистого парня в сером полупальто.

— Проходи, проходи, а то аккуратно огрею прикладом.

— У, какой сердитый! А на сердитых-то воду возят.

— Часовому беседовать не положено! — гаркнул гвардеец.

¹ «Красная новь», 1928, № 5, стр. 188.

— За власть Советов!

Мы вставали дружно:

— Ура!

Так Октябрь и зимой и летом

Не пускали мы со двора.

Мы не знали,

что очень скоро

Не кому-то,

придется нам,

Покидая надолго город,

Пробивать пути Октяблям,

Двадцать пятому,

Двадцать шестому

Сквозь грома оружийных гроз...

Где, в какой стране незнакомой

Затерялся Митька-матрос?

Да, бывало:

хватая воздух,

Кто-то падал лицом в песок.

И потом октябрьские звезды

Вырастали возле дорог.

Через годы про годы эти

Мне напомнил крик пацанов,

Ведь повсюду играли дети

В боевые дела отцов.

Но они,

как и мы,

не знали,

Что к лучам неземной зари

Им придется в орбитной дали

Поднимать свои Октябри!

Нынче знаем, что будет завтра,

Ведь уже сегодня, сейчас

И в кубинцев, и в космонавтов

Сыновья играют у нас.

Опоздали они с рождением?

Нет, им подвиг вершить другой:

Верю:

каждое поколение

Штурмовать будет Зимний свой.

Только надо сделать немало,

Слов своих не бросая зря,

Чтобы каждое сердце стало

Ярким факелом Октября!

Я гляжу, как на волнах пляшет

Огоньков разноцветная нить.

Я люблю по улицам нашим

В дни предпраздничные бродить!

Л. МАШИН

— А почему с особой прекрасного пола ты только что беседовал?

Гвардеец, уличенный в нарушении устава, уже более примирительно сказал:

— То знакомая моя, как не побеседовать...

— Я вот недавно в Тобольске, — издалека начал Павел. — Дружков пока нет. Скука...

— Вином угостишь? — спросил солдат.

— Пожалуйста. Когда с караула-то сме-нишься?

— Латышев! — раздался строгий голос.

Гвардеец и Павел оглянулись. Солдат быстро взял винтовку «на караул». На крыльце в новой офицерской бекеше стоял полковник Кобылинский.

— С кем ты тут? — спросил он. — Что за человек?

— Да так, — объяснил Павел. — Приезжий я... Спрашивал, как пройти к базару...

— Нечего у часового спрашивать! — спуска-ся с крыльца, отрезал Кобылинский. — Проходи!

Павел, пожав плечами, удалился с независи-мым видом. Посмотрев ему вслед, Кобылинский сказал преображенцу:

— А ты, Латышев, устав караульной службы забыл? С посторонними разговариваешь! Тебе что, плохо здесь? Сыт, одет, обут... Сдашь пост Корозникову — и на сутки под арест...

— Ладно, ладно! — вдруг огрызнулся сол-дат. — Нынче не старый режим! Я ведь тоже кой-чего понимаю.

Вечером полковник жаловался Николаю:

— Ваше императорское величество! Какие-то люди в городе подбивают население переиз-брать местную власть. Вы знаете, что в составе охраны настоящие мужики, но и они начинают заражаться опасным дьявольским духом неповиновения. Сегодня мне нагрубил часовой.

— Надо терпеть, — смиренно сказал Нико-лай. — Да поможет воля божья... У меня к вам, дорогой Евгений Степанович, маленькая просьба: передайте срочно это письмо владыке Гермо-гену...

Одному из помощников Павла Хохрякова, рабочему из Екатеринбурга, со Злоказовского завода, Логинову удалось напоить двух солдат из охраны, и они доверительно сообщили:

— Скоро, слышь, мы и все наши — по домам.

— Почему это по домам? — осторожно до-пытывался Логинов.

— Вода пойдет... и охранять будет некого.

Павел сообщил об этом разговоре в Екате-ринбург и просил прислать надежный красно-гвардейский отряд — человек пятьдесят — шесть-десят — из уральских рабочих.

Чтобы сбить с толку заговорщиков, был пу-щен слух, что в окрестностях Тобольска появился тысячный большевистский отряд. Обыватели за-говорили о «несметных силах» большевиков.

Опираясь на рабочих города и на отряды, прибывшие из Екатеринбурга и Омска, Павел с товарищами провел перевыборы местного Сове-та, изгнал оттуда меньшевиков и эсеров. 6 апре-ля в Народном доме состоялось первое заседа-ние нового Совета, а 9 апреля был избран Испол-нительный комитет, председателем которого стал Павел Хохряков. В тот же день за подписью но-вого председателя вышло постановление, в кото-ром указывалось, что «вся хозяйственная, адми-нистративно-политическая и военная власть как в городе, так и в уезде перешла в ведение Со-вета».

В то же время в здании духовного училища, где разместились екатеринбургский и омский отряды, началась запись тоболяков в Красную гвардию. Одну из комнат училища занял времен-ный комитет РКП(б) во главе с Таней Наумовой. 21 апреля в Мариинской женской гимназии про-шло общегородское собрание тобольских боль-шевиков. На собрании было 70 человек. С до-кладом выступала Таня Наумова. Участники со-брания ознакомились и с первым номером мест-ной большевистской газеты «Известия».

Редактор газеты И. Я. Коганицкий позднее вспоминал о Хохрякове:

«В бытность его председателем Совета ему пришлось вести переговоры с буржуазией, обло-женной контрибуцией, и когда к нему привели особенно богатого и особенно упрямистого рыбнопромышленника Туркова, — он не хотел пла-тить причитающееся с него и оскорбительно от-носился к Совету, — товарищ Хохряков так по-смотрел на него, столько ненависти светилось в его стальном взгляде, что с храбрившегося бур-жуа сразу слетел весь его апломб, и он букваль-но съезжился под огнем его глаз»¹.

Городская дума и земство были распущены. Под наблюдением нового Совета неустанно нахо-дились губернаторский дом и охрана бывшего царя. Вдохновители монархического заговора, в том числе и епископ Гермоген, были арестованы. «Комиссар» Панкратов сбежал.

Павел лично убедился, что Романовы на ме-сте. Рассказывая Тане Наумовой о посещении гу-бернаторского дома, он удивлялся, что Николай вел себя слишком беспечно, был весел и задавал глупые вопросы. Видимо, он надеялся на скорое освобождение.

Тобольский продовольственный комитет вы-дал царской семье продовольственные карточки. Они были выписаны на имя Николая Романова, и в графе «должность» значилось: «экс-импера-тор». С этого дня бывшему царю запрещалось пользоваться денежными средствами из банков.

В середине апреля в город прибыл кавале-рийский отряд уфимских красногвардейцев (бое-виков) во главе с комиссаром Яковлевым. Яков-лев предъявил Хохрякову мандат на «изъятие» Николая Романова из Тобольска. Северная весна уже вступала в свои права, реки начали вскры-ваться, дороги портились. Надо было спешить, чтобы не застрять в распутицу.

Царской охране предложили покинуть губер-наторский дом, и на посты встали красногвар-дейцы.

«Получилась очень разительная картина, — вспоминал Александр Авдеев. — Происходило это на площадке бывшего губернаторского дома. С одной стороны выстроился взвод саженных красавцев-преображенцев, одетых как один в лучшее обмундирование, во главе с изящным, высокого роста офицером. С другой стороны, напротив этого взвода, выстроилась наша братва красногвардейцы, одетые как пришлось, во что попало: кто в засаленном полушубке, кто в штат-ском пальто, кто в старенькой шинельке. Боль-шинство было в больших серых подшитых вален-ках. Оружие у нас также не блистало однообра-зием, не приходилось говорить и о ранжире: ря-дом с саженным Костей Украинцевым, слесарем,

¹ Памятник борцам пролетарской революции, 3-е изд., ГИЗ, М.-Л., 1925, стр. 637.

обязательно стоял токарь с Злоказовского завода Ваня Крашенинников, ростом чуть ли не до пояса Украинцеву, и разъединить их было нельзя. Надо было видеть, какое изумление было у полковника Кобылинского при виде нашей охраны. Если бы тогда сфотографировать обе эти охраны, то была бы ценная показательная фотография. Несмотря на неприглядное, разношерстное наше обмундирование и вооружение, видно было, что статные преображенцы шествуют перед красновардейским отрядом»¹.

Однако поведение Яковлева вызывало подозрение. Слишком приветлив был он с Романовыми и упорно отмалчивался, если его спрашивали, куда и когда повезут бывшего царя.

Павел прямо заявил Яковлеву, что заговорщики предпримут не одну попытку освободить Романовых и что тобольские рабочие волнуются, требуют переправить в надежное место. Павла поддерживали все большевики, и Яковлев вынужден был согласиться на отъезд. Решили, что в первой партии отправятся бывший царь, царица и дочь Мария. Остальных повезет Хохряков. Однако Николай, узнав об отъезде, запротестовал. Пришлось сказать бывшему монарху, что, если он не поедет добровольно, его увезут силой и не позволят никого брать с собой.

По дороге из Тюмени Яковлев неожиданно попытался направить семью Романовых в глубь Сибири. Но посланцы Хохрякова, неустанно наблюдавшие за поездом, и уфимские красновардейцы известили о его намерениях Екатеринбург. На одной из станций Яковлеву вручили телеграмму. Уралсовет приказывал следовать в Екатеринбург и предупреждал Яковлева, что в случае невыполнения распоряжения он будет объявлен вне закона, а поезд задержан или взорван.

Попытка изменника осуществить коварный замысел не удалась. Вскоре окончательно выяснилось лицо Яковлева: он открыто перешел на сторону контрреволюции.

30 апреля на пленарном заседании Тобольского Совета Павел сделал доклад о ликвидации монархического заговора и об отправке части царской семьи в Екатеринбург.

Действия его были Советом одобрены.

В мае и остальные Романовы с челядью покинули Тобольск. Уралсовет отзывал Павла в штаб резерва Красной Армии: нужно было срочно переформировать красновардейские отряды в регулярные роты и батальоны.

Перед белочешским мятежом на Урале и в Сибири начали вспыхивать кулацкие восстания.

Под Екатеринбургом на Сибирском тракте и на других ближайших дорогах часто появлялись подозрительные лица, на крестьянских подводах обнаруживалось искусно спрятанное оружие.

Из Екатеринбурга на восток спешно уходили экспедиционные красновардейские отряды. Самый крупный из них начал формироваться в середине июня. Он должен был выступить в сторону Тюмени и Тобольска, где положение становилось особенно напряженным. Бойцы интересовались, кто возглавит отряд, и, узнав, что командиром назначен Павел Хохряков, говорили:

— Сам начальник штаба Красной гвардии! С таким не пропадешь.

Через день хохряковцы уже выгружались в Тюмени. Сразу же по решению Военно-революционного штаба Урало-Сибирского фронта была организована Тюменская военная флотилия. Командующим утвердили Павла, предоставив в его распоряжение несколько пароходов, «забронированных» мешками с песком. Штаб флотилии размещался на буксире «Ермак». В качестве разведывательных судов использовались буксир «Константин» и две моторные лодки. Вооружение флотилии состояло из двух трехдюймовых орудий и двадцати семи пулеметов.

Из Тюмени «эскадра Хохрякова» двинулась вниз по Туре к Тобольску, захваченному белыми. Первый крупный бой разгорелся у деревни Бачелино. Красная флотилия атаковала пароходы противника. Но так как Бачелино было занято с суши двумя офицерскими отрядами, ей пришлось отойти к деревне Иевлево, на Тобол. Белые, имея в авангарде флотилию, двигались на юг вдоль Тобола, рассчитывая прорваться к Тюмени.

Одному из бойцов, Григорию Шестакову, Павел поручил с группой в девять человек на пароходе «Ока» спуститься вниз и тщательно осмотреть оба берега.

«Мы захватили с собой пулемет,— вспоминал Шестаков,— и отправились. Подходя к месту впадения Туры в Тобол, заметили на левом берегу костер. Даю команду капитану остановиться. Пароход сделал разворот и приблизился к берегу. Мы вчетвером сели в лодку, высадились на берег. Видим, сидят у костра четверо, на земле лежат рыболовные снасти.

— Кто такие? — спрашиваем.

— Рыбу приехали ловить,— ответили нам.

На вопрос, не видели ли тут вооруженных людей, рыбаки ответили отрицательно. Откуда, мол, им тут быть? Место глухое, болот много.

Поверив сказанному, мы вернулись на пароход и тронулись дальше вниз по Тоболу.

Уже темнело. Вдруг слышим: «Стой! Стрелять будем!» Рулевой, не растерявшись, сделал крутой разворот, но река в этом месте узкая, и

¹ «Красная новь», 1928, № 5, стр. 191—192.

наш пароход носом врезался в берег. С неприятельского парохода открыли артиллерийский огонь. Нам удалось все-таки оторваться от берега, развернуться и дать полный вперед. По счастливой случайности ни один снаряд не попал в наш пароход, — «хороши» были стрелки у белых! Но вот на нас полетела белогвардейская шрапнель. Открыть ответный огонь из пулемета с открытой палубы было невозможно. К тому же, наш пулеметчик Иван Чердынцев был ранен в ногу.

Разобрав поленицу дров на корме парохода, мы соорудили что-то подобное амбразуре и установили пулемет. Чердынцев, перевозимая боль, залег у пулемета, а двое бойцов по очереди непрерывно поливали его раненую ногу водой. Когда подошли к месту, где были «рыбаки», с берега тоже открыли пулеметный огонь. Но нам все-таки удалось пробраться к своим. Я доложил Хохрякову о случившемся. Хохряков дал команду всему отряду приготовиться к бою. В это время за изгибом реки уже был виден дымок. Это два неприятельских парохода — «Товарищество» и «Мария» — шли на сближение с нашим отрядом¹.

В газете «Борьба с контрреволюцией» от 23 июля 1918 года Павел Хохряков сам рассказал об этом:

«У нас был бой морской, я командовал шестью своими кораблями, столько же приблизительно и у неприятеля, и мы схватились под Покровским, селом Распутина. У меня флагманский головной корабль с трехдюймовым орудием и тремя пулеметами. Кораблишко невидный, адмирал-то я тоже неособенный, а против меня вышла морская бригантина, которой командовал офицер флота.

Дело, братцы, было горячее: в продолжение двух с половиной часов жарили один в другого из орудий и пулеметов, сходясь на расстояние двухсот сажен. Враги на палубе своих кораблей подставили под наши выстрелы наших пленных товарищей.

В конце боя, когда мы, лавируя, отступали и наступали, мы противником были отнесены верст на десять. Но, сделав два удачных маневра, стали бить морскую бригантину и отчислили ее туда, откуда вышла, сломали гребной винт, разрушили рубку, и противник в паническом ужасе стал удирать».

Морской бригантиной Павел называл шхуну «Святая Мария», на которой монархисты в свое время хотели вывезти царскую семью из Тобольска. Первый удачный маневр заключался в том, что Павел сам встал у орудия и подбил первым же выстрелом «Святую Марию». Другой белогвардейский корабль хотел взять ее на буксир, но получил сильное повреждение. Это был второй удачный маневр. Затем Павел с частью бойцов сошел на берег и гнал противника по Тобольскому тракту.

Но на южном направлении обстановка складывалась не в пользу Хохрякова. Десятого июля противник занял Ялуторовск и вел бои на подступах к Тюмени.

Узнав, что Ялуторовск в руках белочехов, отряд Павла отступил к Тюмени, но штаб фронта уже покинул город.

Возвратившись на пристань, Павел созвал коммунистов на совещание. Вскоре последовала команда:

— Поднять якоря!

Флотилия направилась к Туринску, предусмотрительно захватив все, чем мог бы воспользоваться враг, в том числе и плоты, которые пустили потом вниз по Туре. Пока белогвардейцы расчищали реку от бревен, красная флотилия успела дойти до Туринска. Здесь с пароходов сняли вооружение, отряд погрузился в вагоны и тронулся по железной дороге в сторону Ирбита.

Угроза на Восточном фронте быстро нарастала. Белым удалось захватить Екатеринбург, под угрозой была Пермь.

Отряд Хохрякова получил приказ срочно двигаться к Режевскому заводу, где малочисленные отряды горняков сдерживали противника.

Заняв позиции и ознакомившись с обстановкой, Павел решил вести наступление на Екатеринбург, чтобы отвлечь на себя часть сил противника. На помощь ему подошел бронепоезд.

16 августа хохряковцы ворвались в Егоршино, но на другой день между станциями Монетка и Крутиха столкнулись с только что прибывшими белочехами. Разгорелся жаркий бой. Отряд Хохрякова, поддержанный бронепоездом и трехдюймовой батареей, успешно отразил несколько яростных атак. Белочехи отошли на исходные позиции. Но к четвертому бою разгорелся с новой силой. В неизменной кожаной куртке, с полевой сумкой на боку и пистолетом в руке Павел появлялся то в центре, то на флангах красногвардейских цепей.

— Вперед! Держитесь крепче! — то там, то тут слышался его властный голос.

Во главе взвода Павел перебежал железнодорожное полотно. Противник, отстреливаясь, начал отходить. Павел повернулся к бойцам, и в этот момент вражеская пуля сразила героя.

— Товарищи, не отступайте! Держитесь крепче! Я умираю за революцию, — успел он сказать подбежавшим друзьям.

Так погиб двадцатипятилетний матрос с линейного корабля «Заря свободы» Павел Данилович Хохряков. Отряд его сумел вырваться из вражеского кольца и вынести тело своего командира.

23 августа трудящиеся Перми проводили в последний путь начальника Центрального штаба Екатеринбургской Красной гвардии. «Павшему за коммунистическую революцию», «Лучшему солдату социалистической армии, павшему за освобождение человечества», «Смелому борцу за социализм» — такие надписи были на венках, возложенных на гроб, установленный на артиллерийском лафете.

«Вечный покой тебе, герой революции! — торжественно и печально говорилось в приказе № 123 по 3-й армии. — Войска 3-й армии, склоняя свои знамена над твоим гробом, помня твои слова: «Товарищи, не отступайте, держитесь крепче!», ответят:

«Мы отомстим за тебя, наш славный герой!»

¹ В боях и походах. Свердловское книжное издательство, 1959, стр. 99.

Ассистент ДОКТОРА КЛАРКА

Конкурс научной фантастики

В. БУГРОВ

Рисунки Ю. Ефимова

Не помню, когда он впервые появился у входа в «Клариссу»... Но с некоторых пор, покидая после вечернего сеанса Синий зал, я обязательно замечал на тротуаре высокую, чуть сутулую фигуру, странно одинокую в беспокойном людском море. Одним из первых выйдя из кинотеатра, он отходил немного в сторону, чтобы не быть смятым толпой, шумно вывалившей вслед за ним, и останавливался в раздумьи. Невидящим взглядом смотрел он поверх человеческих голов и, казалось, прислушивался к чему-то, не слышному другим из-за уличного шума.

«Верно, это такой же бедняк,— подумал я,— и у него, как и у меня, нет иных развлечений, кроме «Клариссы». Только он, может быть, больше моего повидал в жизни,— не оттого ли его худое, усталое лицо изборозжено сеткой глубоких морщин?»

Скоро я перестал замечать его и забыл бы совсем, не случись то непонятное происшествие в «Клариссе», о котором так много писали в газетах.

В тот вечер я сидел в одном из последних рядов Синего зала. На экране разворачивалась пестрая летопись успехов и неудач неустрашимого Красавчика Томми — здорового верзилы с неожиданно приятным лицом. Он без сожаления приканчивал мерзкого старикашку и выяснял потом, что убил родного дядю, кутил в респектабельном ресторане, совершал отчаянные грабежи, мастерски уходил от погонь. Зрительный зал настораживался, когда над Томми нависала опасность, и облегченно вздыхал, когда тот снова выходил победителем...

Вот Красавчик, вступив в единоборство с очередным своим противником, мощным ударом в челюсть сбросил его с балкона седьмого этажа. И тут произошло что-то невероятное. Я совершенно отчетливо ощутил, как железный кулак Томми врезался... в мой подбородок! Я еще успел отметить про себя, что это был великолепный «хук левой». Боль рванула челюсть, меня швырнуло на спинку стула, в глазах потемнело. К ощущению резкой боли в нижней челюсти прибавилось не менее острое ощущение быстрого падения. Падение не было долгим и завершилось тем, что меня со страшной силой вдавило в мягкое сиденье. Я почувствовал, что теряю рассудок. Очнувшись, когда постепенно утихла боль в пояснице. Ныли онемевшие десны...

Я огляделся и в полумраке увидел, как, судорожно вцепившись в подлокотники кресла, сжался в комок и негромко причитал сосед справа. С чувством сморкалась в платок сухонькая старушка в черном, сидевшая впереди меня. Беспокойно ворочался и возмущенно бубнил сосед слева, здоровенный — под стать самому Красавчику — парень с перекошенным носом. Со всех концов зала доносились до меня сдавленные стоны, приглушенное всхлипывание, выкрики... Сокрушительный удар в нижнюю челюсть, головокружительное падение с высоты

седьмого этажа — это не было только моим ощущением. Его испытал, видимо, весь зал. Значит, мне не померещилось, происшедшее не было случайностью!

Сеанс был сорван. Побледнел и погас экран, в глаза ударил ослепительно яркий свет. Служители торопливо распахивали двери, ведущие из зала. Растерянная, ошарашенная публика повалила к выходу...

Я вышел из кинотеатра. Справа от выхода уже стоял незнакомец, пропуская мимо себя взволнованно гудевшую толпу. Что-то в нем поразило меня. Внимательно присмотревшись, я понял, в чем дело. Он... улыбался. Этот хмурый, усталый человек улыбался, чуть раздвинув тонкие бледные губы. Мне вдруг показалось, что он больше других знает о случившемся.

— Что это было? — произвольно вырвалось у меня, когда я, несомый людским потоком, поравнялся с ним.

Он ничего не ответил. Он все улыбался. Сетка морщин исчезла с его лица, и оно показалось мне даже молодым...

Не буду приводить кричащих заголовков, украсивших на другой день полосы утренних газет. Вы, возможно, и сами еще помните их... «Умопомрачение в «Клариссе» вызвало в печати самые противоречивые объяснения. Комментатор солидных «Утренних новостей», ссылаясь на сообщения очевидцев, утверждал, что все случившееся явилось результатом полубоморочного состояния зрителей, наступившего из-за поломки вентиляционного устройства. Бульварный «Утренний листок» оповестил своих читателей, что во всем повинны «красные»: это они подбросили в кинозал ампулы с сильным наркотиком, расстроившим нервные системы граждан великой «Страны Истинной Демократии»... А «Глас Всевышнего», орган одной из религиозных общин, считал сверхъестественное явление в «Клариссе» знамением близкого второго пришествия Христа, готовящего людям очищение и Страшный суд...

Густые толпы стояли в тот день у билетных касс «Клариссы».

Тут же, возбужденно судача, толпились те, кому возраст или нервы не позволяли получить удар в зубы и упасть с седьмого этажа. Этим не оставалось ничего, кроме безграничной зависти — за-

висти перед закрытыми кассами. Запретный плод, как известно, сладок...

Впрочем, напрасными были и ожидания счастливых, ставших обладателями заветных полосок зеленой бумаги. Ни на одном из десяти сеансов не произошло ничего необычного.

— Видимо, неполадки в вентиляции уже исправили, — с сожалением говорили подписчики «Утренних новостей».

— «Красные» сделали свое дело и смылись, — рассуждали приверженцы «Утреннего листка», значительно поглядывая на полисменов, которых сегодня было здесь больше обычного.

Что касается тех, кто ждал второго пришествия, то они ощущали еще больший прилив веры: конечно же, Христос не будет дважды оповещать заблудших о своем появлении...

Незнакомец в этот день не появлялся у «Клариссы». Не пришел он ни завтра, ни послезавтра. Он словно забыл о существовании кинотеатра.

Время шло.

Однажды, удачно подработав на переноске вещей одной дамы, я возвращался в свою конуру.

Настроение у меня было превосходное, и я обрадовался, когда на перекрестке двух пустынных улиц обнаружил зеленый скверик.

«Чудный уголок для заслуженного отдыха», — подумал я и вдруг увидел его...

Волнение охватило меня при виде высокой, но узкой в плечах и чуть сутулой фигуры. Вот идет он, этот незнакомец, возможный виновник происшествия в «Клариссе». Его взгляд безразлично скользит по лицам встречаемых, не задерживаясь ни на одном из них... Неужели за этим тусклым взглядом невыспавшегося человека скрывается разгадка удивительной тайны? Столько времени я думаю об этом явлении и до сих пор ни на сантиметр не приблизился к его пониманию.

— И не приблизитесь, пока я сам этого не захочу!

Что это?..

Тонкие губы незнакомца были плотно сжаты. Он даже не взглянул на меня. Но ведь это его слова! Ведь это произнесено им?! Или мне показалось?

Незнакомец уже миновал меня. Затих глухой скрип его ботинок. Однако, пока-

залось ли? Я замедлил шаги, потом и вовсе остановился.

— Вы не ошиблись, это действительно мои слова, — явственно прозвучал у меня в голове ответ на мой произнесенный вслух вопрос.

Ошеломленный, я ни о чем не думал в тот момент. Я проводил незнакомца растерянным взглядом и машинально продолжал свой путь, забыв о скверике, где хотел отдохнуть, не замечая ничего вокруг.

Прошло недели две. Я возвращался с вокзала, куда попал в погоне за случайным заработком. Мне не повезло — карманы были пусты. Пассажиров в вагоне надземной дороги оказалось немного, никто из них не привлек моего внимания. С раздражением отвернувшись к окну, я уставился на серый лоскут предвечернего неба. И вдруг...

«Дик, мне необходимо с вами встретиться. Как вы на это смотрите?» — так же ясно и отчетливо, как и полмесяца назад, прозвучало во мне.

«Что за чертовщина?!»

«Не надо чертыхаться, дружище, — появилась новая посторонняя мысль. Мне почудилось, что невидимый собеседник слегка поморщился. — И будьте любезны, ответьте все-таки на мой вопрос...»

— Послушайте, кто вы там! — заорал я на весь вагон, с ужасом видя, как ко мне поворачиваются удивленные лица пассажиров. — Перестаньте морочить мне голову, слышите?! Я не хочу!

«Зачем же так громко? Я и так прекрасно вас слышу... Успокойтесь, прошу вас».

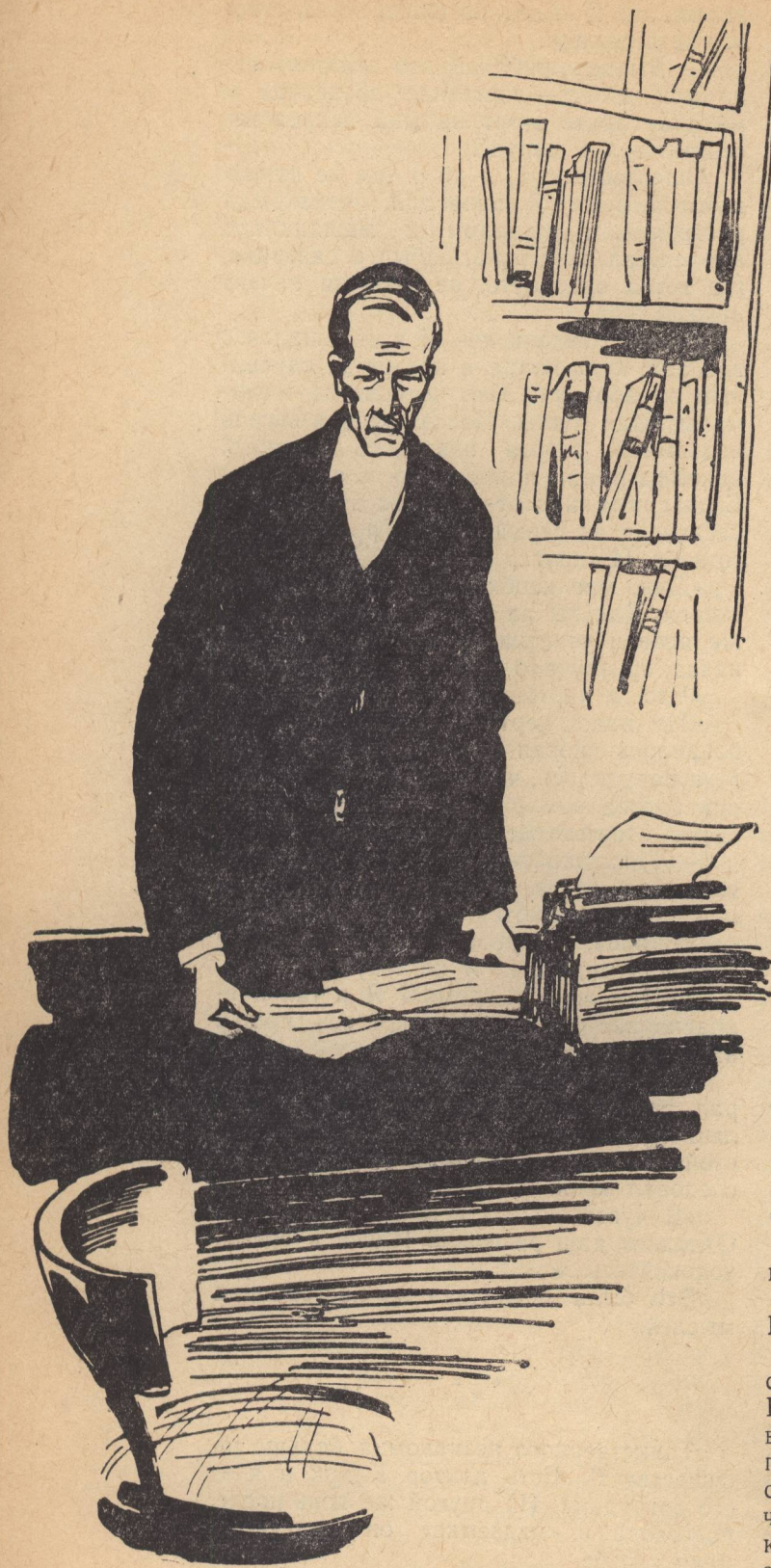
В другое время я, вероятно, был бы рад заговорить с ним. Но сейчас, усталый и голодный, я был вне себя от настойчивости, с которой этот человек преследовал меня. И он, видимо, понял это.

«Я чувствую, вы устали. Ну, что ж... Отложим наш разговор. Идите к себе и успокойтесь...»

Это была последняя из посторонних мыслей.

* * *

Таинственного незнакомца больше не существует!.. Есть доктор Кларк и я — его сотрудник. На другой же день после разговора в «надземке» он пригласил меня к себе.

Я согласился.

В половине пятого, как мы условились, я поднимался на третий этаж серой громадины. Дверь с табличкой «Дж. У. Кларк, доктор биологии»...

Я позвонил.

— Это вы, мистер Харлей? — услышал я негромкий глуховатый голос. Я представлял его голос именно таким — негромким и чуточку глуховатым.

Доктор открыл дверь и, видя, что я медленно, ободряюще кивнул.

— Входите, Дик, я жду вас...

Я почти ничего не запомнил из беседы с доктором — слишком велико было волнение, охватившее меня в его просторном кабинете. Огромные, до потолка, стеллажи с книгами и груды журналов вдоль стен. Письменный стол, пишущая машинка на нем. Никаких реторт в штативах, клеток с белыми мышами и прочих аксессуаров учености я не заметил. Но предчувствие чего-то удивительного, тайного не покидало меня все время, пока я был у доктора...

И вот я его сотрудник. Коллега, можно сказать.

Мои обязанности не отличались сложностью. Я не возился с пробирками и колбами, не измерял показаний новейших приборов, не вел наблюдений за подопытными свинками. Словом, ничем не обогащал ту науку, что в чинном спокойствии громоздилась на полках стеллажей в кабинете доктора. Внешне жизнь моя текла так же, как и до знакомства с Кларком, я по-прежнему искал постоянную работу. Но вместе с тем должен был теперь с точностью до секунды регистрировать моменты появления в моем мозгу посторонних, сообщаемых мне доктором мыслей, чувств. Я должен был отмечать их четкость, силу, продолжительность, их влияние на мои собственные мысли и чувства.

Почему именно я был избран для исполнения этой несложной работы?

Как-то я спросил об этом у доктора. По его словам, дело обстояло так.

Получив «препарат Кси» — химическое соединение, над созданием которого Кларк работал последнее время, он встретил затруднение. Необходимо было проверить свойства открытого им вещества. Ректор университета, где доктор читал лекции, был почетным членом редколлегии газеты «Глас Всевышнего». Не стоило и думать о перенесении исследо-

ваний из крохотной комнаты, помещавшейся рядом с кабинетом доктора, в прекрасно оборудованные залы университетских лабораторий. Даже поделиться сомнением ему было не с кем. Да он и не решился на откровенность. Оставалось одно: на собственный страх и риск вынести эксперимент на улицу, провести его, как выразился Кларк, под открытым небом. Месяц назад так был опробован «Кси-1», первый вариант долгожданного препарата. Приняв таблетку «Кси», Кларк постарался как можно ошутимее представить себе происходящее на экране. И люди, сидевшие в Синем зале «Клариссы», не только восприняли его ощущения,—они сами пережили их...

Этот успех радовал и страшил. Если в добропорядочный мир коллег доктора по университету просочатся самые ничтожные слухи о его опытах,—ему несдобровать. Он прослывет шарлатаном, осквернившим светлый храм чистой науки. Он потеряет не только имя,—не это главное, в конце концов!—но и место, а с ним и возможность дальнейших исследований.

И все-таки Кларк вторично вышел на улицу.

Приняв небольшую дозу «Кси-2», он покинул подъезд и медленно направился к скверу возле дома. И тут появился я... Сумбур моих мыслей заинтересовал доктора. Он вмещался в мои размышления... Не знаю, чем я понравился Кларку, но только он уже не выпускал меня из виду. Когда же встал вопрос о сотрудничестве, выбор пал на меня.

Сотрудничество наше, по словам доктора, протекало весьма успешно. За несколько месяцев, что оно продолжалось, Кларку удалось установить целый ряд закономерностей в действии препарата. Он, например, точно выяснил, что последний его образец — «Кси-4» — позволяет безупречно читать и передавать мысли на любом расстоянии — от двух шагов до двух тысяч километров. Для этого он отправил меня в недолгую поездку по стране, и всюду, где бы я ни был,—в мягком вагоне экспресса, в салоне воздушного лайнера, в кинотеатре, на ипподроме, в магазине,—словом всюду,—меня ежедневно настигало: «Как поживаете, дружище?» — и следовал очередной наш разговор. Мне незачем было вести дневник. Я тут же, в нашей мысленной беседе, сообщал доктору все, что

его интересовало: место, где я находился, точное время обмена мыслями, четкость моего восприятия...

Правда, как ни совершенен был «Кси-4», он не снимал огромного напряжения мозга, которое требовалось для прослушивания и передачи мыслей.

И все же какие перспективы! Полное вытеснение телефона! Достаточно принять таблетку «Кси-4», как великая волшебница Мысль подключит вас к самому сокровенному, что есть у вашего знакомого,—к его мозгу! Конечно, вы будете достаточно скромны и тотчас оповестите его об этом.

Возможно, удастся переправить мысль и в другие миры — на Марс, на Венеру и еще дальше — к планетам иных солнц. С чем вернется она? Кто откликнется на зов человека, повелителя Земли,—невидимой глазу песчинки, затерявшейся в безбрежном океане космоса?..

Но стоп! — сказал я себе на шестой или седьмой день поездки, когда понял, что безбожно устал от этих восторгов. — Ведь есть же у человека что-то по-настоящему сокровенное, чего не откроешь так, сразу, первому встречному? И вдруг выяснится, что все его мысли и чувства, все, что он с гордостью называл своим, личным, оказалось на виду у всех! Нет, чувствовать себя нагишом, даже в обществе не менее нагих окружающих,—привлекательного в этом мало...

Препарат доктора Кларка интересует не только работников почтовых трестов. К нему, несомненно, протянут хищные руки и такие далеко не безобидные организации, как, скажем, наше Государственное бюро расследования. Уж они-то сумеют его использовать! Случайная, даже не высказанная вслух нотка протеста — и человек навсегда оторван от семьи, от близких и друзей... А если расширить горизонт? Какой-нибудь проходимец, завладев им, вообразит себя таким новым Бонапартом. Принудит человечество мыслить так, как угодно ему. Ввергнет всю планету в иго модернизированного рабства, где люди — стандартизованные и оглушенные живые механизмы... Впрочем, одному проходимцу, пожалуй, не осилить такой грандиозный «бизнес». Но ведь его роль с успехом может сыграть целая компания! Хотя бы то же военное министерство.

Дождавшись очередной беседы с Кларком, я тут же выложил ему все свои

опасения. В ответ он только невесело рассмеялся. Точнее, в голове у меня возникло ощущение посторонней грустной улыбки.

«Ваши рассуждения логичны,— услышал я.— Но, Дик, не забывайте: о препарате знаем лишь мы двое. Состав его засекречен надежно — он у меня в голове, и я никогда не доверю его тайну бумаге...»

Доктор нашел меня поправившимся, загоревшим до черноты и... поумневшим. К моему огорчению, я не мог ответить ему теми же комплиментами. Доктор еще больше ссутулился. На всей фигуре лежал отпечаток какой-то отрешенности. Словно безмерная усталость навалилась на него — таким вялым, безжизненным было каждое движение.

Он грустно усмехнулся в ответ на немой вопрос, видимо, слишком явно сквозивший в моем взгляде, но промолчал.

Однажды все же мы разговорились об этом.

— Препарат «Кси-4» далеко не образец,— заметил он, выслушав мои соображения насчет прямого обмена мыслями с обитателями Марса.— В нем еще много лишнего. Лишнего и вредного.

Он вдруг оживился, глаза молодо блеснули, совсем как тогда, у кинотеатра.

— Вы еще не пробовали их,— кивнул он на кучку зеленоватых таблеток, лежащих на листке бумаги рядом с пишущей машинкой.— Они тают во рту, как мятные конфеты. Проглотив такую таблетку, чувствуешь, как тотчас свежеет голова, мысли становятся изумительно ясными и даже какими-то прозрачными. Восприятие окружающего необычайно обостряется, и тогда пробуешь сосредоточить внимание на чем-нибудь образе, к примеру на вашем, Дик... Образ ускользает, расплывается, нужно собрать всю волю, могуче напрячь нервы, чтобы увидеть вас, представить ваше лицо. Когда это сделано, в мозгу появляется первая чужая мысль, вначале неясная, но постепенно все более четкая. Это ваша мысль, Дик, та самая, что в этот миг копошится в вашей голове.— Помолчав, доктор снова кивнул в сторону таблеток:— Скоро я предложу вам опробовать очищенную копию этой зелени. А пока даже не мечтайте. Слишком дорого достается сейчас каждая секунда ясновидения...

Он закрыл глаза и просидел так минут десять, отдыхая. Потом с такой тоской взглянул на меня — цветущего, свежего, молодого, что я, вовсе не будучи ясновидцем, отлично понял, о чем он думает. Слишком много отдавал Кларк своему препарату, слишком больших усилий стоили ему ежедневные сеансы...

Достижения доктора были необычайны. Он не желал подчиняться случаю. Чтение и передачу мыслей он превратил в систему. Как же ему удалось? Я десятки раз возвращался к этому вопросу, но решить его без помощи самого Кларка попросту не мог. Ведь я не биолог. О деятельности мозга я судил на основании десятка популярных брошюр, прочитанных мною за последнее время.

Развязка между тем приближалась. Я чувствовал это, наблюдая, с каким трудом организм доктора справляется с заданиями его все еще жизнедеятельного мозга. Все-таки наступила она неожиданно быстро.

Я приценивался к недорогому светлосерому костюму в специализированном магазине «Только для мужчин». Собственно, я уже выбрал и примерил его, мне оставалось только отбить чек.

«Дик, где вы?!. Где вы, Дик!.. Мне очень плохо. Скорее!.. Слышите, скорее!..» — заколотилось в моем мозгу.

Как сумасшедший, выскочил я из магазина, оставив костюм в руках изумленной продавщицы. В подвернувшемся такси я домчался до сквера перед домом Кларка. Вихрем ворвался в подъезд...

На площадке между первым и вторым этажами меня настиг конец всей этой истории.

«В нижнем ящике стола...», — или кончилось действие таблетки, или же остановилась мысль доктора: больше я ничего не услышал. Это были последние его слова. Когда я вбежал в квартиру, было уже поздно. Я нашел его в спальне неподвижно лежащим на широкой неразобранной кровати. Кларк покинул этот мир, унося с собой тайну своего открытия...

В самом деле, что я могу сказать о составе препарата?.. Его знал один Кларк. Это было что-то принципиально новое. Опыты по чтению мыслей были известны, но ни один из них не был связан с химией. Бумаге доктор не доверял.

В нижнем ящике письменного стола я нашел крошечный газетный сверток с надписью: «Дику Х.— в случае моей смерти». В нем была таблетка зеленоватого цвета — все, что осталось от удивительного препарата после внезапной смерти его творца. «Впрочем, такой ли уж внезапной?» — с горечью думаю я иногда.

Я храню этот сверток и таблетку.

К вечеру затихает город, и улицы темнеют от сплошных теней остывающих после июльской жары зданий.

В такие часы я засиживаюсь в подлестничной каморке, которую снимаю в той самой серой громадине, где работал Кларк.

Часто вынимаю серый газетный сверток. В полутьме зеленоватая таблетка кажется прозрачной и похожей на застывшую дождевую каплю.

И так же часто, как вынимаю сверток, задумываюсь над одной мыслью...

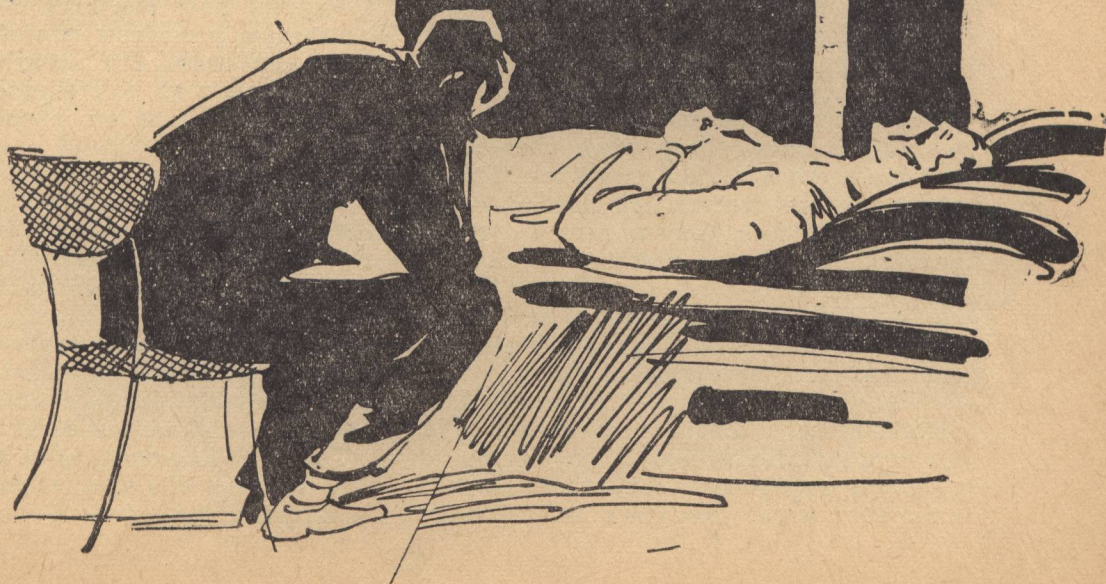
Ведь чудодейственная сила препарата может проникнуть сквозь бетонные толщи министерских кабинетов и заставить бесноватых генералов отказаться от бредовых военных идей, заставить заговорить о том, что хочу я, что хочет мой безработный сосед по койке, весь простой народ «Страны Истинной Демократии»...

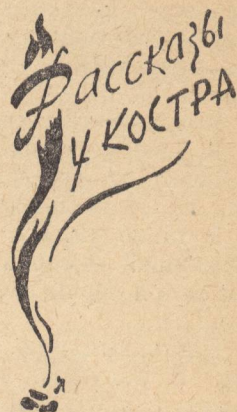
Я бережно храню эту таблетку...

Быть может, мне удастся восстановить ее секрет?

Путь к вершинам знания будет нелегок. Я — в самом его начале. Пугающе длинный, он еще весь впереди...

Сумею ли я одолеть его?

Сегодня к следопытскому костру мы пригласили севастопольского журналиста Александра Круглова. Каждое лето Александр Круглов с друзьями-геологами уходит в Енисейскую тайгу — край несметных богатств, край сильных людей, край суровой романтики.

Разные ставят туры: окорят спиленную под высокий пенёк лесину или сложат пирамиду из камней, а то поднимут треногу из длинных шестов. И место выбирают видное. Тут в пустыне, в тундре, в тайге — это и ориентир, и почта, и лабаз. Наверное, каждый второй геолог, турист, охотник хоть раз да был обязан туру успехом похода, а то, быть может, кое-чем и большим.

На правом берегу реки Летней я прежде всего и увидел такой тур. Тренога из длинных шестов призывно маячила на песчаной косе. Словно вещая о смертельной беде, на ее вершине вился черный флаг.

— Сдурели, — поморщился мой спутник и навалился на весло. — Череп да кости накрест повесили бы еще.

Ледяной «сиверко» — студёный свирепый ветер с Ледовитого океана дул прямо в лоб. Какие-нибудь сто метров до тура мы добирались с полчаса. Но вот клипербот мягко ткнулся в песчаную от-

мель, и сразу с заиндеветого песка бросилась в глаза размашистая надпись: «Элеонора».

— Писали на днях, — заметил товарищ.

Черный флаг оказался обычным геологическим мешочком для образцов. Мы осторожно сняли его, заглянули внутрь. Ветер вырвал из рук вчетверо сложенный лист. Поймали его и прочли:

«Элеонора Викторовна!

Наконец мы вырвались из объятий болот. Семь дней держали они нас в своих тисках. Лишь сегодня, 17 сентября, (и это вместо 11) мы вышли к устью Калининной.

Вверх по Летней уже не пойдём. Спускаемся вниз — отрабатывать ордовик, кембрий, битумы. На Нижнюю Тунгуску выйдем дней через пять.

Где вы? Благополучно ли пробились через болота? Мы одну лошадь с вьюками потеряли, продуктов в обрез.

На всякий случай обозначим свой путь серией туров.

Как условились, каждый вечер в 22.00 давали ракеты, стреляли, высадили «авангард» — Сашу. Но куда там: неделя опоздания! Вас нигде нет. По радиации нам сообщили, лошади ваши на базу не вернулись, хотя уже давно должны быть там. Беспокоимся страшно, только о вас думаем и говорим.

Крепко жмем руки, желаем удачи.

В. И. Драгунов,
Саша, Толя ».

Ниже зеленым карандашом — страстный душевный крик:

«Эль!

Шеф ни за что не отпускает меня одного. Хочется броситься в лес и разыскать Вас.

Саша».

От помятой записки на нас так и повеяло вдруг постоянной тревогой суровых и опасных геологических будней.

Мы положили «адрес» на место, закрепили покрепче тур, черенком ножа обновили надпись на косе. За застывшими на песке буквами вставало теперь перед нами живое девичье лицо. И лица тех, кто писал ей, Элеоноре.

Вечером выпал первый снег, ночью мороз подтвердил: пришла зима. Утром по краям реки, зловеще шурша о камни, поплыла шуга. Два дня мы боролись с ледяным крошевом и ветром. На третий река втянула наш клипербот в узкую горловину и прибила к косе. Валил снег, но он не успел скрыть следов от недавно стоявшей здесь палатки и уже потухшего костра. И снова впереди, на сей раз вблизи устья Неручанды, призывно маячил на песчаной косе тур. Мы уже знали, для кого он стоит, и все же отыскиали и прочли записку:

«Элеонора Викторовна!

Владлен!

Ваших следов нигде нет. Не допускаем мысли, не верим ни во что плохое. Но проказы зимы делают все значительно сложнее.

О вашем исчезновении радировали на базу. Затребовали поисковый самолет. На любой звук мотора давайте ракеты, стреляйте, разжигайте костры.

На устье Летней снова поставим тур и заложим для вас лабаз. Продукты доставит «Тектоника».

В. И. Д., Саша, Толя».

И снова твердой рукой зеленым карандашом приписка:

«Милая Эль!

Поскорей выбирайтесь из этой снежной и суровой тайги. Саша».

Через час, отогревшись и напившись у костра чаю, мы уже изо всех сил налегли на весла. Следовало непременно догнать шедший впереди нас геологический отряд. Нам казалось, что помочь разыскать пропавших и наш долг.

Прошло еще три дня. Из устья бурливой Летней наш клипербот вынесло на гладкий простор Нижней Тунгуски.

Третий и последний тур мы нашли на утонувшей в сугробах косе, кинжалом врезавшейся между свинцовыми водами двух рек — крохотной Летней и величественной Нижней Тунгуски. Геологи сложили этот тур из камня, словно боясь, что дерево не выдержит напора ветра.

Записка в бутылке была краткой:

«Надежда не оправдалась: ваших следов нигде нет. Нас встретила «Тектоника», сейчас уходим в Туруханск. Немедленно организуем поиски. Оставляем продукты. Верим в лучшее.

В. И. Д., Саша, Толя».

Приписки зеленым карандашом не было. В бочке, старательно завернутые в пергамент, лежали спички, соль, масло, сахар, консервы и хлеб. В нос бил «Шипр» — необходимая предосторожность на случай прихода к лабазу росамахи или медведя. Мы положили в бочку из своих запасов «сгущенку» и колбасу. Вдвойне было жаль, что не удалось догнать шедший впереди нас геологический отряд — могли бы уйти с ними на «Тектонике». Лишь позднее, ночью, почтовый катер «Огни Енисея» подобрал и доставил нас в райцентр.

На Туруханской базе Восточно-Сибирской, нашей, экспедиции царил бедлам. Все было в движении, даже старенький патефон без усталости вертелся от зари до зари. Поток прибывающих из тайги и убывающих восвояси геологов не прекращался ни днем, ни ночью. Не было только пропавших — Владьки и Эль, как называли их здесь все.

Мы с товарищем сразу решили отказаться от услуг черепахи-парохода. И напрасно. Ждать летной погоды пришлось дней шесть. Поиски пропавших шли полным ходом, в дело готовились авиаторы. И вдруг...

Мы спали, зажатые в углу грудой узлов и чемоданов, когда сквозь вой октябрьского ветра и первой снежной пурги глухой ночью раздались крики. Мы вырвались, как из насиженных нор, из теплых спальных мешков на холод, бросились на шум. То были они, Эль и Владлен! Да, да, та самая Эль и тот самый Владлен, скупые странички из походной жизни которых нам раскрыли одну за другой таежные туры на нашем пути.

Начальник геологической партии Московского университета Элеонора Чайковская и ее коллектор Владлен Высоцкий, укутанные в какие-то лохмотья, молча и покорно стояли посреди огромного поднявшегося на ноги двора. И, казалось, спокойно принимали крики вос-

торга, объятия и поцелуи, градом сыпавшиеся на них со всех сторон.

— Спасибо!— наконец сказала Элеонора. Потом подняла тонкую заскорузлую руку со знакомыми нам листочками над головой.— Мы их читали... И после каждого тура, после каждой вашей строчки нам становилось и спокойней, и радостней, и теплей!

— Особливо, как добрались до этого!— и, достав из-за пазухи, Владлен победно подкинул в воздух кружок колбасы.

То была наша— особая, жирная, полукопченая колбаса, один из кружков которой мы с товарищем положили в последний тур, поставленный Драгуновым на берегу.

ГЕОЛОГИЧЕСКАЯ ОДИССЕЯ

бушующих порогов и водопадов. В половодье камни порогов уходят в пучину. Над ними лишь бьются и стонут буруны.

Еще в начале столетия какой-то предприимчивый сибирский купец сунулся с караваном лодок-илимок в пороги Подкаменной. Караван с мукой пошел ко дну. Так родилось название порога— Мучной.

Бурливая река хоронила в своих водах караваны самых разнообразных товаров. Отсюда названия и других порогов.

И вот перед Сахарным мы увидели странный корабль— плоскодонный карбаз с брезентовым шатром, а у кормы сбоку приклеилась и чудом держалась на пеньковом конце буксирная моторная лодочка. Она вся была в сизом дыму, и сквозь его живые и трепещущие клочья смутным призраком металась у чихающего мотора неуклюжая и встревоженная фигура какого-то чудака в плавках. На голове его, несмотря на июльскую жару, красовалась шапка-ушанка, завязанная под рыжей бородой.

На корме карбазы две женщины совершали какой-то таинственный обряд: то склонялись, то тянулись к небу, то лихорадочно что-то трясли. Третья, полненькая, впилась в борт лодочки: «Умру, но не отпущу буксир!» В свои руки

Сахарный, Мучной, Конфетный!..— названия порогов на Подкаменной Тунгуске.

Склад, а не река!

Да, склад. Но безвозвратный.

Все реки и речушки Енисейского бассейна стремительны и бурливы. На плотках, лодках и катерах я прошел с геологами не один десяток их. И, признаюсь, не видел ни одной со спокойным и сдержанным нравом. А Подкаменная Тунгуска,— пожалуй, самая строптивая дочь величавого Енисея. Начиная от районного центра Байкит, поселка звероводов, охотников и рыбаков, могучий поток несетя словно по узкой и тесной трубе. По обоим берегам реки нависают над водой серые стены причудливо изрезанных скал.

И не удивительно, что в этой «трубе», в местах древних сбросов и наибольших сужений, рассыпалось целое ожерелье

она верила больше, чем в пеньковую веревку. На носу карбаза, опираясь на бочку, сухой, жилистый старик вдохновенно и хищно глядел перед собой.

Всю эту странную корабельную конструкцию и живописную группу на ее борту стремительно несло в кипящий «котел». Несколько минут, и Сахарный порог сомнет, проглотит людей.

Наш юркий полуглиссер «Мотылек» приткнулся вплотную к неповоротливому судну. То, что предстало нашим глазам в подробностях, вызывало и гордость, и горечь, и смех.

— Ну, ясно... Негодный ЛМР-6! — с презрением крикнул наш Коля-капитан, бросив взгляд на моторчик в лодке смельчаков. Действительно, подвесной мотор неведомых «аргонавтов» то вдруг странно ухал, то резко металлически стучал, то захлебывался и замирал.

Но трагикомическое было в другом. На карбазе высокая, стройная рыжеволосая девушка цепко держала над головой голубой бачок. От него в лодчонку змейкой вился белый резиновый шланг. Солидная, с мягким и умным лицом женщина решительно черпала кружкой из железной бочки какую-то смесь. И заливала ее в бачок.

— Клизма! — вдруг сообразил и закричал я, приглядевшись к бачку. — Ей-богу, клизма!

Мы поняли: как всегда, в негодном ЛМР-6 отказала система питания, прохудились бензопроводы. И клизма из аптечки — единственное, что в глухой тайге оказалось под рукой у смельчаков.

Дальше медлить было нельзя, рев водопада нарастал.

— На буксир! — предложили мы.

«Аргонавты» замотали головами.

Женщина с большими карими глазами закричала нам:

— Это уже третий! — и показала на пальцах: два таких порога уже позади.

— Всем... на буксире... не пройти! — закричал старик-лоцман и ткнул корявой рукой в карбаз, моторную лодку и «Мотылек».

— Лучше за порогом подождите нас! — зазвенел с моторки юношеский тенорок. — Помогите починить! — успел еще крикнуть нам моторист-бородач.

Мы отвалили.

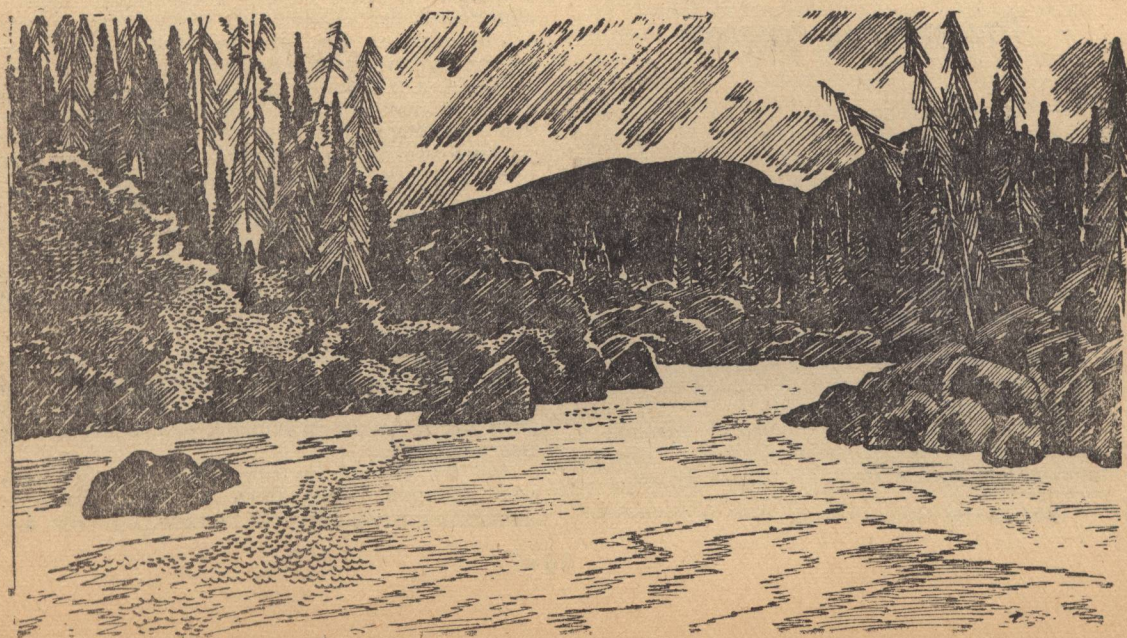
Сдерживая «Мотылек» перед порогом, мы стали ждать, что будет дальше?

В нас уже вселилась горячая надежда: «Черт возьми, а ведь пройду!»

И они прошли.

«Аргонавтами» оказались геологи Ленинградского нефтяного института — старший коллектор Клара Виноградова, техник-радиометрист Евгения Рачинская и начальник партии научный сотрудник Нина Александровна Осипова. Старик-лоцман был Василий Григорьевич Панов, житель фактории Ванавары. А за рыжей бородой скрывался молодой человек Ленка Лушников, ванаварский охотник.

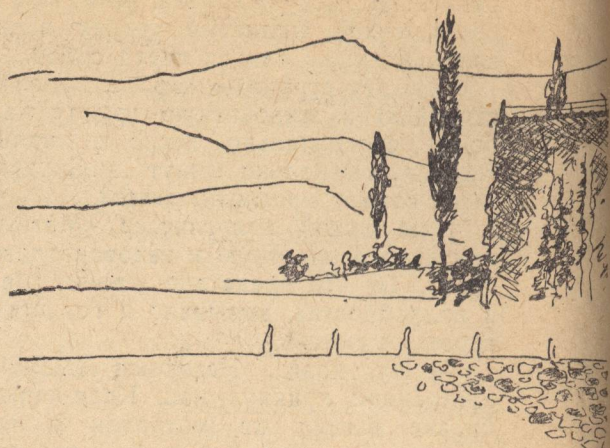
Скажи иному врачу, что на клизме можно путешествовать, он, пожалуй, не поверит. А между тем благодаря этому нехитрому снаряду, смекалке и мужеству геологи смогли продолжать работу.

И ОДИН

В ПОЛЕ

ВОИН

Приключенческий роман

КНИГА ВТОРАЯ

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Откровенный разговор

— Скажите, герр Нунке, зачем вы привезли меня сюда? На кой черт я вам сдался? Именно я? Генрих фон Гольдринг? Оставим на минуту мое отвратительное прозвище. Кстати, выбирая мое имя, вы не проявили большой изобретательности и вкуса. Смешно, но этот пустяк тоже меня раздражает. Будто напали на меня карнавальную маску какого-то зурядного дурачка...— Фред смял в пальцах только что зажженную сигарету и сердито швырнул ее в пепельницу.— Предупреждаю, я не привык к роли бессловесной скотинки, пешки, которую хитроумные игроки не спеша двигают по шахматной доске!

Нунке укоризненно покачал головой и рассмеялся со снисходительностью человека, привыкшего всегда держать себя в форме.

— Фи, барон, я вас не узнаю! Очутившись здесь, проявить столько выдержки, обмануть самого профессора... Хотелось бы мне рассказать ему кое-что и взглянуть при этом на его рожу!.. Так вот, мастерски доплыть до самого берега и вдруг, уже выходя из воды, потерять равновесие! Или, может быть, это новая симуляция? А? Чтобы уклониться от решения, от борьбы? Я знаю многих, даже отчаянно храбрых офицеров вермахта, превратившихся после поражения из волков в побитых собак, которые, поджав хвост, во весь дух удирают в кусты.

— Я не принадлежу к побитым собакам, но не считаю себя одним из тех, кто держит хвост трубой.

— В таком случае я имею полное право себя поздравить. Потому что для нас вредны и первые, и вторые. Пожалуй, больше всего вторые. Они обращают на себя внимание.

— Вам не кажется, что я уже постиг эти азбучные истины? И что задерживаться на них не стоит? Может быть, вы объясните, к какому именно берегу я приплыл? Только конкретно, без обобщений. Меня, прежде всего, интересует все, что непосредственно касается моей скромной особы.

— А я и пришел к вам, чтобы поговорить о вашей дальнейшей судьбе.— Давая понять, что разговор будет не из коротких, Нунке удобнее устроился в кресле.— Вы имеете уже представление о нашем учреждении?

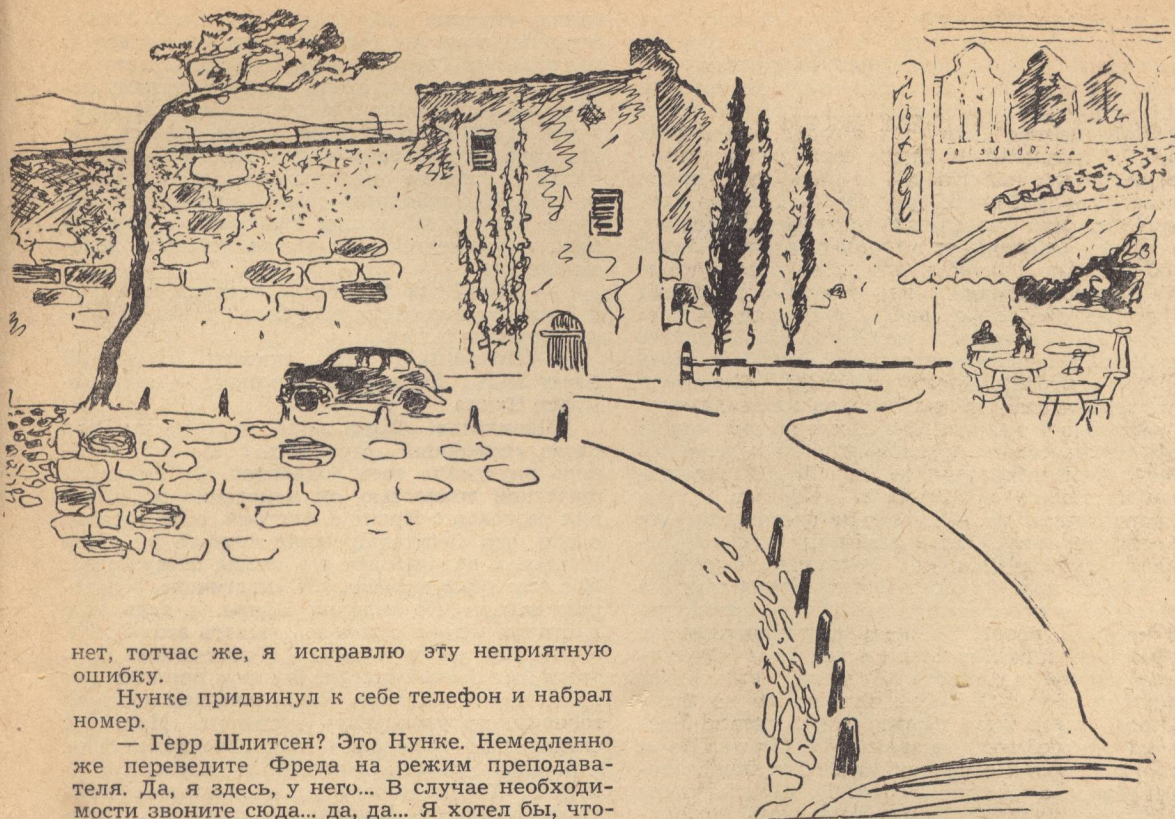
— Ни малейшего, если говорить о конкретных задачах. После милой прогулки на лесную поляну мне показалось, будто я кое-что понял. Но прошло уже неделя, а я все еще в каком-то неопределенном положении полузаклученного.

— То есть?

— Правда, дверь моего бокса теперь не запирается, но, когда мне захотелось выйти в сад, часовой меня из дому не выпустил. Видите ли, в каком-то списке, оказывается, нет моего имени!

— То, что вас до сих пор держат на правах новичка, признаю, для меня новость. Нераспорядительность Шлитсена. Сегодня же,

¹ Продолжение, начало см. №№ 8, 9, 10.

нет, тотчас же, я исправлю эту неприятную ошибку.

Нунке придвинул к себе телефон и набрал номер.

— Герр Шлитсен? Это Нунке. Немедленно же переведите Фреда на режим преподавателя. Да, я здесь, у него... В случае необходимости звоните сюда... да, да... Я хотел бы, чтобы нам не мешали. Потом, об этом потом... — Нунке положил трубку и, обращаясь к Фреду, бросил:

— Видите, как это все просто!

— Вы сказали — на режим преподавателя?

— Об этом немного позже. К сожалению, Ворон не выполнил поручения и не проинформировал вас подробно обо всем, поэтому некоторое отступление в нашем разговоре необходимо. Начну с вопроса. Вы помните наш первый разговор?

— Очень хорошо.

— И, наверное, поняли, что причинили мне немало хлопот?

— Конечно. Я не могу понять одного: что заставило вас заниматься всем этим? Почему именно я привлек ваше внимание?

— Вы достаточно хорошо знакомы с подобными делами, чтобы понять: между риском и целью всегда стоит знак равенства. Не будет же начальник такого учреждения тратить столько времени, средств и изобретательности только для того, чтобы привлечь в школу еще одного кандидата в класс «Д», как мы называем класс диверсии. На вас я возлагал и возлагаю значительно большие надежды.

— О!..

Нунке замолчал и пристально глянул на Фреда. Но тот проявил свой интерес к разговору лишь этим коротким восклицанием и теперь вопросительно смотрел на начальника школы.

— Еще там, в Австрии, узнав, что вы ходите в лагере военнопленных, я решил: искать больше незначит, едва ли удастся подо-

брать для школы лучшую кандидатуру преподавателя русского отдела. Поняли?

— Пока что очень мало. В общих, так сказать, чертах.

— Как, по-вашему, кого готовит наша школа?

— Из опыта операции «Поляна» — назовем так вашу попытку проверить мою боеготовность — диверсантов, возможно, разведчиков...

— Ставлю все точки над «i»: диверсантов-разведчиков и даже резидентов. Имейте в виду, даже резидентов. В школе есть русский отдел. Кроме преподавателей специальных предметов, там нужен и воспитатель. И я хочу, чтобы им стали вы, Фред Шульц. Что, вы на это скажете?

— Я не знаю, в чем заключаются обязанности воспитателя.

— А догадаться, мне кажется, легко! Особенно вам.

— Я не люблю браться за дело, руководствуясь лишь догадками. Особенно в тех случаях, когда есть возможность узнать что-то определенное, — сухо заметил Фред.

— Мне нравится ваш деловой подход, честное слово, нравится! Хорошо, не будем тратить время на пустые разговоры и сразу же перейдем к делу. Мы считаем, что воспитатель должен быть не надсмотрщиком за поведением учеников, а своеобразным художником, который завершает дело обучения, отшлифовывая каждого из будущих агентов

по заранее выбранному для него образцу. Как гончар, изготавливающий посуду разного назначения. В зависимости от внешности, манеры держаться и, само-собой разумеется, умственных способностей мы готовим своих воспитанников для тех амплуа, в которых они в дальнейшем будут выступать в России. Одного, например, — к роли колхозника, второго — рабочего, третьего — мелкого служащего или интеллигента-туриста. Нельзя, конечно, забывать и о национальном колорите. Нужно, чтобы тот или иной агент не только выглядел, как русский, украинец или белорус, но и вел себя соответственно этим национальным категориям. Малейшая ошибка, малейший недосмотр могут быть причиной неожиданного провала. Советская контрразведка уже нанесла нам немало чувствительных ударов. Некоторые из них можно объяснить только пренебрежением к, казалось бы, незначительным мелочам. Вы должны не только тренировать учеников в этом направлении, но и сурово и повседневно их контролировать. Даже привычку русских завязывать шнурки на ботинках бантиком нужно не просто копировать во время занятий в школе, а превратить в привычку, вошедшую в плоть и кровь. То же касается и одежды, начиная с нижнего белья и носков и заканчивая кепкой на голове. Кстати, с нею будет труднее всего. Я и сам терпеть ее не могу! С едой у вас тоже немало будет хлопот. Русские употребляют много хлеба. Приучайте к этому и ваших воспитанников. Украинцы любят борщ, а русские — щи. Добейтесь, чтобы все национальные блюда уже здесь полюбили будущим резидентам. Короче: ваша обязанность заключается в том, чтобы человек, которого мы посылаем в Россию, привыкал к местным условиям не там, а здесь, в школе.

— А не кажется ли вам, что эта работа не по мне?

— Вы, очевидно, недооцениваете ее значения. Как быстро забывается печальный опыт прошедшей войны! Не могли же вы не знать о скандальном провале нашей агентурной сети в первые дни вторжения войск рейха в Россию?

— Еще бы! Ну и посмеялись же над нами во всем мире, когда стало известно, что красные давно держали нашу агентуру на длинном поводке! — не удержался от язвительной реплики Фред. — Только ткнулись мы, — бах! — и хорошо засекреченной, по нашему мнению, сети как не бывало! Правда, я знаю об этом из третьих уст и, возможно, преувеличиваю...

— К сожалению, нет, — скривился Нунке. — Как только началась война, нам пришлось наспех забрасывать в Россию новых агентов; именно эта спешка и послужила причиной следующих провалов. У одного не те пуговицы на милицейском мундире были пришиты, другой не привык ходить в сапогах, третий ел не так, как едят русские. И разоблачали наших агентов не контрразведчики даже, а само население...

— Первые дни войны я был еще в Одессе и хорошо помню, как одесситы задерживали на улицах города каждого, кто казался им подозрительным.

— Вот видите! В общем, тогда наша раз-

ведка понесла колоссальный ущерб. Уже в военное время мы должны были отказаться от внедряемых Гиммлером и Канарисом методов. Они старались заменить хорошо натренированного разведчика-одиночку массовой агентурой и слишком широко развернулись. За три года до начала военных действий мы заслали в Англию четырнадцать тысяч своих агентов. Четырнадцать тысяч! Ясное дело, что такое количество новых официанток, горничных, парикмахеров не могло остаться незамеченным.

— Покойный Бертгольд говорил мне, что в Голландию заслали еще больше, что-то около двадцати тысяч...

— Покойный? Вы сказали «покойный Бертгольд»? Вы в этом уверены? — восторженно воскликнул Нунке.

Проклятье! Фред даже не заметил, как слово «покойный» сорвалось с его губ, и теперь внутренне весь похолодел. Со стенографической точностью он мгновенно восстановил разговор с Кроне в Австрии, свой рассказ о том, что Бертгольд уехал куда-то на север Италии и дальнейшие его следы потерялись... Вот еще одна ошибка, тот «пустячок», о котором только что говорил Нунке, а ведь этот пустячок может с головой выдать его, Фреда.

— Как ни печально, а я постепенно приучил себя к этой мысли. Все мои попытки разыскать его в Италии, как я уже вам когда-то говорил, не увенчались успехом. Никакого следа, даже намек на след! Предположение, что ему удалось незаметно проскользнуть к своим в Швейцарию, к сожалению, тоже пришлось отбросить. Как бы ни сложились обстоятельства, он сумел бы подать о себе весточку. Тем более из лагеря военнопленных, если бы он оказался там. Я лучше, чем кто-либо, знаю Бертгольда, ведь нас связывала не только служба, но и семейные взаимоотношения. Мне известны все его возможности. Остается допустить одно — самое плохое.

Как трудно было придать звучанию этих слов тот верный оттенок сдержанной печали, с которым сообщает о своей скорби мужчина мужчине!

Нунке, по всему было видно, поверил в искренность Фреда.

— Не следует терять надежды, — попытался он успокоить своего собеседника. — Имейте в виду, что многие из руководящих работников нашей разведки вовремя бежали и теперь скрываются в самых отдаленных от Германии уголках мира. Конечно, под чужими фамилиями. Я уже связался с некоторыми и могу спросить у них о Бертгольде. Может быть, вы похоронили его раньше срока. Оказавшись где-нибудь на чужбине, не так-то легко дать о себе весточку. Уверю вас!

— Буду безмерно благодарен. Извините, что отвлек вас своими личными делами.

— Наоборот хорошо, что мы вспомнили о вашем будущем тесте. В наших интересах разыскать этого ценного и опытного работника. Но возвратимся к теме разговора. Да, ошибки нас многому научили, от многого предостерегли. Интересную вещь рассказал мне Ворон из практики работы русской разведки во время первой мировой войны. Перед самым ее началом командующий Одесским военным округом под видом точильщиков забросил в Гали-

цию пять своих офицеров-разведчиков. Они свободно ходили по краю, точили ножи и ножницы и, собрав все данные о дорогах, мостах, укрепленных пунктах, целыми и невредимыми вернулись домой. Тогда командующий Киевским округом, наверное, из чувства зависти, решил, как говорят русские, переплюнуть своего одесского коллегу и послал в ту же Галицию 180 точильщиков. Представляете картину: под вашим окном изо дня в день горланят: «Точить ножи-ножницы!..» Австро-венгерская разведка была не очень-то поворотливой, но и она сообразила, в чем дело. Все «точильщики» вскоре оказались за решеткой. Да! Количеством в наших делах боя не выиграешь, нужен квалифицированный одиночка. Безупречно подготовленный. Такой, который ничем не отличался бы от жителей той страны, куда его забросят.

— До сих пор в школе не было воспитателя русского отдела?

— Был, да и сейчас есть, но...

— Кто?

— Генерал Ворон. Один из самых одаренных работников царской контрразведки, он, естественно, очень хорошо знал свою страну, ее порядки. Подчеркиваю — знал, а не знает. Потому что о новой России у него представление довольно туманное. Эмигрировав, он никогда туда не возвращался. И это привело к неприятному провалу. Забросили мы в одну из южных областей Украины нового резидента. Самым способным учеником был. Чудесно изучил язык, обычаи. Под видом нищего он должен был пробраться в Полтаву, на явочную квартиру. Ознакомившись предварительное со всеми образцами русской живописи, в которых фигурируют нищие, я сам осмотрел его перед вылетом. Все как следует, хоть картину с него рисуй! Ворон даже растрогался — так напомнил ему его подопечный типичную для России фигуру. И по дороге в Полтаву — провал! Оказалось, Ворон не учел самого главного: в Советском Союзе нищенство ликвидировано и запрещено. Вы понимаете теперь, почему мы вынуждены уволить Ворона.

— Не хотелось бы обижать старика...

— О, генерал сам на это согласился. Теперь он будет преподавать маскировку и защиту от собак.

— Разрешите несколько вопросов?

— Пожалуйста!

— Во время пребывания в России я убедился, что изменения не только в экономике, но и в быту происходят с необыкновенной быстротой. Как же изучает их воспитатель вашего русского отдела?

— Мы получаем большое количество журналов и газет, причем не только центральных. Если нас интересует определенный район, мы разными путями добываем районную газету, многотиражки заводов или фабрик. Кстати, именно в них иногда наталкиваемся на интересующие нас сведения. Русские по натуре народ откровенный, и этим мы пользуемся.

— А, может быть, это не откровенность, а чувство своей силы? Нам, мол, не страшно, если вы узнаете кое о чем. Не забывайте, что мы почувствовали их силу и гнев на собственной шкуре.

— Придет время, сквитаемся!

— Вы в самом деле верите в такую возможность, герр Нунке?

— Безусловно. Предпосылки для этого начинают вырисовываться. Учтите, не успела закончиться война, а дружба между вчерашними союзниками уже начинает трещать по всем швам. Тает, будто снег на солнце. Я встречался с Борманом, когда он, убежав из Германии, остановился на несколько дней в Испании. Борман придерживается того же мнения. На протяжении всего вечера только и разговоров было, что о неизбежности третьей мировой войны... О, на этот раз Германия не останется одинокой!

— Во второй мировой войне она тоже выступала не одна. Почти вся Европа...

— В третьей против России поднимется Германия и весь мир! Только дожить бы нам до этих времен, Фред! А ведь и в самом деле неважное имя я для вас выбрал! В интимном разговоре даже язык не поворачивается. И все же будем придерживаться железного правила. Я — Нунке, вы — Фред. Пока что... Будут еще какие-нибудь вопросы?

— Один.

— Я вас слушаю.

— Не считаете ли вы целесообразным, чтобы воспитатель время от времени посещал Россию? Боюсь, одних газет и журналов слишком мало для подробного изучения обстановки. Я считаю, что для настоящей, всесторонней осведомленности...

— Едва ли вы сами решитесь рисковать, если вспомните о заочном приговоре лейтенанту Комарову. Так, кажется, произносится фамилия, под которой вас знают в части, где вы служили?

— Произношение у вас безупречное. Но почему вам пришла в голову моя бывшая фамилия?

— По ассоциации... Я подумал, что вы так же легко могут узнать в России, как узнали в Австрии.

— Это меня самого заставляет задуматься... Я не из робких, но сознательно лезть на рожон, да еще после войны, из которой вышел целым и невредимым... Бр-р! Что-то не хочется. Приговор о казни — плохой спутник в дороге. Поэтому, может быть, вы подыскиали бы где-нибудь другую кандидатуру на должность воспитателя? Как-никак, а линию фронта я перешел в начале войны и после этого в России не был. Сама война, разрушения, безусловно, настолько все изменили, что я так же, как и Ворон, могу попасть впросак. А расплачиваться мне придется собственной шкурой! И вы все равно должны будете искать кого-то другого!

— Не горюйтесь отказываться...

— Я хотел бы, чтобы вы меня правильно поняли. Причиной моего отказа является отнюдь не то, что я не хочу работать. Просто я считаю себя мало подготовленным для выполнения такого ответственного задания. А в сложившихся условиях я при всем желании не смогу изучить дело глубже.

— Я знаю ваши деловые качества, Фред. Вашу настойчивость, инициативу. В процессе работы что-нибудь да придумаем. Поэтому я и настаиваю на вашей кандидатуре. Поверьте, что и тут мне пришлось преодолеть некоторые трудности.

— Даже так?

— Не я один руковожу школой. Есть и другие. И не все они относились к вам с таким доверием, как я.

— Основания?

— То, что из Северной Италии вы направились к югославской границе. Вы хотели бежать в Югославию?

— Да.

— Почему именно туда?

— Считаю это наиболее простым и безопасным. Там я легко мог выдать себя за русского.

— Так я и объяснил Шлитсену. Впрочем, он...

Глаза Нунке впелись в лицо Фреда.

— Не доверяет мне?

— Не не доверяет, а не доверял. Хотя это не то слово. Мы не получили никаких сведений о вашем пребывании в Югославии, и это его обеспокоило. Дело естественное, обижаться не следует.

— Я обиделся не так на него, как на вас.

— В самом деле? — Нунке удивленно поднял брови. — На меня, человека, который спас вас, привез сюда, хочет поручить вам интересную и ответственную работу? Ну, знаете, это уж черт знает что!

— Ведь мы-то с вами не первый день знакомы! Зачем же было испытывать мои нервы с этой глупой высадкой на поляну?

— Мне хотелось доказать Шлитсену, что он ошибается. Как начальник школы я мог бы, конечно, не согласиться на эту операцию. Но сомнения Шлитсена затронули за живое и меня. Как-никак, а вы моя кандидатура. Понимаете?

— Вы могли бы, по крайней мере, предупредить меня!

— Зачем? Зная, что настоящей опасности нет, вы действовали бы не так решительно, а это непременно отразилось бы на результатах. А потом еще одно: меня радовало, что я хоть немножко отомщу вам за все неприятности, которые вы мне причинили, симулируя тяжелобольного. Теперь мы квиты. Не хотел я вам этого говорить, но сегодня у нас разговор идет начистоту, и с этим недоразумением следует покончить.

«Хитрит, ссылаясь на Шлитсена, или в самом деле личность фон Гольдрина не вызывает у него никаких сомнений? — думал Фред. — Может быть, из-за моей неосторожности в разговоре о Берггольде он теперь насторожится? Не следовало сегодня говорить о необходимости поездки в Россию... Впрочем, чрезмерная осторожность тоже покажется подозрительной. Надо быть тем же фон Гольдрином, которого Нунке знал до сих пор. Я должен держаться с таким же апломбом, действовать так же решительно, вести себя по-прежнему независимо. На таких, как Шлитсен, это особенно влияет. А именно его я должен особенно остерегаться...»

Ничто не говорило о том, как взволнован Фред. Он сидел в непринужденной позе, на лице не было и тени беспокойства. А тревожные мысли сверлили мозг, потому что не на кого было опереться в этом чужом мире.

— Я вижу, вы все-таки задумались над моим предложением, — прервал короткую паузу Нунке.

— Нет, меня беспокоят взаимоотношения со Шлитсеном. Не очень-то приятно, когда тебе не доверяют. Это портит настроение и вредит работе.

— О, что касается Шлитсена, то можете не волноваться! Он положен на обе лопатки! И даже сам предложил вашу кандидатуру для выполнения одного довольно сложного задания...

— Теперь я его поручений буду бояться, как огня. Кому нравится попадать в дурацкое положение?

— Боже сохрани! Поручение совершенно серьезное.

— А конкретнее?

— Вам расскажет сам Шлитсен, он отвечает за это дело. Сейчас я его вызову.

Приказав своему заместителю зайти в тринадцатый бокс, Нунке с усмешкой бросил:

— А вы не очень-то гостеприимный хозяин, Фред! Разговор за чашкой кофе был бы куда приятней.

— Я не знал, что имею право что-либо заказывать. Ел то, что приносили...

— Опять недосмотр Шлитсена. Как преподаватель, вы имеете на это право.

— Вы говорите так, будто мы уже обо всем договорились.

— А разве нет?

— Хотелось бы на свободе взвесить все «за» и «против»... Денька два я буду иметь в своем распоряжении?

— Значительно больше. Для того чтобы выполнить поручение, понадобится немало времени, и у вас будет возможность все обдумать.

— Это меня устраивает. Ваше распоряжение об изменении режима остается в силе?

— Да. Но я должен обратить ваше внимание на один строгий закон, обязательный как для учеников, так и для преподавателей.

— Какой именно?

— Каждый, кто попадает в нашу школу, выходит оттуда или до конца преданным сотрудником, или...

— Не выходит совсем?— закончил Фред.— Не очень оригинально. Насколько мне известно, этот закон введен во всех учреждениях подобного типа.

— Я считал своей обязанностью вас предупредить...

— Пока не пришел Шлитсен, мне хотелось бы спросить еще об одном: почему вы не рассказали мне о школе там, в Австрии? Я мог бы организовать свой побег, и вам не пришлось бы...

— Можно было просто выкупить вас. Некоторые из руководителей лагеря делают на этом бизнес. Но мне не хотелось привлекать внимание американцев к вашей особе. Знатков России они ценят на вес золота. Это в первых. Во-вторых, я хотел, чтобы все считали вас покойником. Для разведчиков это удобнее.

— А вы, герр Нунке, подумали о том, что у меня есть невеста? Вы представляете себе, каким ударом для Лоры было известие о моей казни? Не могу же я, в конце концов, совсем отказаться от личной жизни, от дорогих мне людей! Фрау Эльза и Лора так беззащитны в чужой стране. Кто же, как не я, должен беспокоиться о них, устроить все их дела, когда они возвратятся домой? Берггольд никогда не простил бы мне...

— Вот тут я виноват, каюсь. Как-то выпало из головы. Конечно, семейные обязанности — самые святые обязанности. Подумаю, как это исправить. Возможно, через некоторое время мы дадим вам возможность...

Появление Шлитсена прервало этот разговор. Вежливо поклонившись Нунке и едва кивнув Фреду, он стоял рядом со своим шефом, ожидая, пока тот пригласит его сесть.

Глядя на своих начальников, Фред едва сдерживал улыбку. Слишком уж непрезентабельный вид имел Шлитсен по сравнению с Нунке. Один выхоленный, подтянутый, в элегантном спортивном костюме, в безупречно свежей сорочке. Второй — приземистый, с заметным брюшком, обтянутым слишком тесным пиджаком; пиджак ползет вверх, и от этого борта его перекашиваются и топорщатся. Лицо Шлитсена хотя и старательно выбрито, но тоже почему-то кажется неопрятным. Под выцветшими, когда-то, наверное, голубыми глазами висят мешки, толстые складки жирных щек падают на воротничок сорочки, а на верхушке черепа торчат одинокие волосинки. Никому и в голову не придет, что этот человек, по виду обыкновенный бюргер, отяжелевший от чрезмерного употребления пива, работает в разведке. Разве только губы выдают злой и упрямый характер. Ровно прорезанные, они вытягиваются в прямую и жесткую линию — трудно даже представить себе, что их может сломать улыбка.

Получив разрешение сесть, Шлитсен впросительно взглянул на Нунке, а когда тот утвердительно кивнул, перевел свои бесцветные глаза на Фреда.

— Если я правильно понял, герр Нунке уже подготовил вас к тому, что мы хотим дать вам важное поручение?

— Да, но не сказал, какое.

— Прежде чем объяснить суть дела, я хо-

ПИСЬМА БОРЦОВ НАРОДНОГО ФРОНТА

У меня много зарубежных друзей, с которыми я уже в течение четырех лет веду переписку. Среди них несколько испанцев, активных борцов Народного фронта, живущих сейчас во Франции. Они прислали мне в подарок почтовые марки Испанской Республики, которых нет в филателистических каталогах.

«Я дарю тебе свое сердце, товарищ», — написано на одной из них. Подпись на другой говорит о социальном обеспечении детей, оставшихся сиротами в дни гражданской войны. Но особенно ценны марки, выпущенные в честь Советского Союза, оказавшего в те годы поддержку и помощь испанскому народу. На первой марке этой серии изображен Максим Горький, а на второй, она представляет особый интерес для нас, уральцев — проспект Владимира Ильича Ленина в Свердловске.

тел сделать одно замечание. То, что мы вам поручаем, не входит в круг ваших непосредственных обязанностей, поэтому за вами остается право выбора: вы можете согласиться или отказаться от выполнения задания, если считаете его слишком трудным. Но в интересах вашей карьеры будет лучше, если вы согласитесь.

— Мне кажется, следует исходить не из соображений моей карьеры, а из того, успешно ли будет выполнено задание,— бросил Фред.

— Мне нравится ваша рассудительность в подходе к делу,— похвалил Шлитсен так напыщенно и снисходительно, что Фред едва сдержался, чтобы не ответить каким-нибудь едким замечанием.

— Мы долго думали над тем, кому можно поручить эту миссию, и пришли к выводу, что ваша кандидатура со всех точек зрения является наиболее подходящей.

— И вы придерживаетесь того же мнения?— нескрываема ирония звучала в голосе Фреда.

— Почему вас интересует именно мое мнение?— с ударением на слове «Мое» спросил Шлитсен.

— Потому что вы уже один раз отправляли меня на задание...

— Я только что похвалил вашу рассудительность, а теперь должен сделать замечание: приказы руководства школы обсуждению не подлежат.

— Приказ будет выполнен. Я человек

военный и понимаю, что такое дисциплина. Но в порядке разбора проведенной операции имею право высказать свое мнение. Так вот, я считаю, что не следует попусту расходовать физические и моральные силы людей. Оружие разведчика — это его нервы.

— Давайте, господа, прекратим дискуссию и перейдем к сути дела! — вмешался Нунке.

— Вы абсолютно правы, — склонился Шлитсен. — Начну с очень краткого предисловия, чтобы возобновить в памяти, безусловно, известные вам факты. Вы знаете, что политика нашего правительства была направлена на физическое уничтожение советских военнопленных. Но часть из них, — в общем масштабе, конечно, очень незначительную и тем не менее представляющую собой определенную боеспособную силу, — мы искусно заста-

вили перейти на нашу сторону и даже вооружили.

— Вы говорите об армии Власова...

— Да. Она дралась на фронтах против своих же, русских, причем дралась довольно упорно. После окончания войны власовцы, как и наши части, были интернированы, но по Потсдамскому соглашению должны были переданы советским властям. Большого желания выполнять этот параграф соглашения бывшие союзники России не проявляют. Да и нам не хотелось бы, чтобы это случилось. Ведь власовцев можно будет использовать.

— О соглашении, подписанном в Потсдаме, я знаю из газет.

— Советские миссии по репатриации рыскают теперь по всей Германии. Союзники всячески пытаются помешать русским составлять списки тех, кто подлежит возвращению. Но если уж такие списки попадают в руки русских, американцам и англичанам, хотя бы они этого или не хотят, приходится уступать, иначе может возникнуть международный скандал. К счастью, им все же удалось скрыть многих власовцев.

— Герр Шлитсен, ваше короткое предисловие перерастает в популярную лекцию для нижних чинов, — резко прервал своего заместителя Нунке.

— Извините, я хотел только...

— Я считаю, что Фред уже понял ситуацию.

— Тогда перейдем к главному. В одном из бывших эсэсовских лагерей в американской зоне скрывается группа из пятидесяти четырех офицеров власовской армии. Это люди, которые сожгли за собой мосты и добровольно в Россию не возвратятся. Американцы собирались вывезти их в Соединенные Штаты. Но неделю тому назад получили от советской миссии категорическое требование передать ей этих офицеров из рук в руки. Правда, поименного списка миссия не представила, названо лишь общее количество, и это позволяет тянуть дело.

— Очевидно, среди власовцев есть советский агент, но он не смог или не успел передать русским список, — так, по крайней мере, считают американцы, — пояснил Нунке.

— Агент раскрыт? — спросил Фред.

— Пока что нет. На тот случай, если обнаружить его не удастся, приняты все меры, чтобы прервать связь между лагерем и внешним миром. Едва ли в ближайшие дни список попадет к русским, — ответил Шлитсен. — Теперь конкретно о вашем задании. Под видом бывшего советского офицера мы хотим заслать вас в лагерь. Американцы согласны передать нам эту группу, если мы сможем незаметно ее вывезти.

— И это все, что я должен сделать?

— Есть еще одно задание, связанное с первым, — вмешался Нунке. — Надо во что бы то ни стало выявить советского агента и ликвидировать его. Без этого к основной операции приступить опасно.

— Понятно.

— На подготовку вам дается три дня. За это время ознакомьтесь с вашей новой биографией-легендой и разработайте вместе с Шлитсеном и Вороном план вывозки группы. Если вам удастся выполнить задание, эта

Прогрессивные силы Испании и сейчас ведут борьбу против кровавой диктатуры Франко. Испанские друзья прислали мне на память фотографию казненного недавно фашистскими палачами мужественного патриота Хулиано Гарсио Гримао.

В. Корешков,
Свердловск

группа явится основным костяком вашего русского отдела.

— С заместителем начальника лагеря мистером Хендкопом можете говорить прямо и откровенно: он наш союзник,— прибавил Шлитсен.

— Замечательно! Это значительно упростит дело,— обрадовался Фред.

— Итак, с заданием я вас познакомил. Сегодня вечером вы свободны, а с завтрашнего дня начнете готовиться. В девять часов утра жду вас у себя.

Почтительно поклонившись Нунке и довольно холодно Фреду, Шлитсен вышел.

— Заметно, что большой приязни ко мне герр Шлитсен не чувствует,— улыбнулся Фред.

— Со временем отношения наладятся. Шлитсен человек желчный. Но хватит о нем! Работник он неплохой, но его несуразный и сугубо гражданский вид меня просто выводит из себя. К тому же и манеры у него ужасные. Особенно за столом. Я предпочитаю обедать у себя, чтобы не встречаться с ним в столовой. Кстати, с сегодняшнего дня вы тоже можете ею пользоваться. Вообще вам следует осмотреть всю нашу школу. А поскольку понадобится чичероне, я попрошу зайти к вам Ворона или какого-нибудь другого преподавателя.

— Большое спасибо. Значит, на территорию школы мне тоже разрешается выходить?

— Только на территорию, но не за ее границы. Для этого нужен специальный пропуск. Впрочем, я пришло вам правила внутреннего распорядка. Рекомендую хорошо их изучить... До отъезда вам нужно будет познакомиться с патронессой нашей школы Агнессой Менендос.

— Это обязательно?

— Как патронесса она должна знать весь персонал школы. Каждый новый человек обязан явиться к ней с официальным визитом. Мы считаем это своеобразным посвящением в рыцари благородного духа.

— Если существует такая традиция, я не буду ее нарушать.

— Завтра или послезавтра я вас отрекомендую. Она живет тут же, в отведенном ей особняке.

Когда Нунке ушел, обессиленный Фред упал в кресло, но тотчас же вскочил и забегал по комнате, не в силах подавить охватившее его волнение.

Он выйдет за ворота школы! Поедет в Западную Германию! А там только реку перейти — и он у своих!

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Покинутая и обманутая

— На сегодня хватит, солнышко мое, уже поздно...

Ирене воткнула иголку в жесткий бархат, провела кончиками пальцев по выпуклой вышивке и недовольно покачала головой.

— От такого ярко-голубого цвета даже холодно становится. Он будто небо зимой.

Поэтому и цветы какие-то неживые... Как из воска сделанные.

В обращенных на мать больших кротких глазах девочки светилось настоящее отчаяние.

— Ну и глупенькая. Так переживать из-за вышитого щелком лоскута!

— Как ты можешь, мама! Это же покров! Мой обет! Он словно молитва Мадонне. И каждый стежок — маленькая буквочка, из которых составляются слова молитвы... Я тяну ниточку и произношу в мыслях эти слова. И так хорошо, так складно получается. А вот здесь...

Солнце, склоняясь к горизонту, золотисто-розовыми лучами освещало уголок комнаты, где, как обычно, стояла коляска Ирене. В этом причудливом свете возбужденное лицо девочки утратило свою прозрачную бледность. Казалось, его подсветили изнутри и оно тоже излучает дрожащее розовое сияние. Отблеск его окрасил живым теплом большие карие глаза, горел в легких завитках белокурых волос. От матери Ирене унаследовала только брови и губы. Правда, очерчены они были значительно мягче, но все же контрастировали с кротким, будто пастельным, лицом девочки, намекая на скрытую силу, таившуюся в каких-то еще нетронутых глубинах души Ирене.

Любуясь головкой дочери, Агнесса тщетно пыталась отрешиться от мысли об ее искаленном теле. Какой красавицей могла она вырасти!.. Этот автомобиль, этот трижды проклятый день!..

— Почему ты так странно смотришь на меня, мама?— забеспокоилась Ирене.

— Просто задумалась... Мне кажется, ты слишком долго сидела за вышиванием и теперь надо погулять.

— Ты побудешь со мной в саду?— обрадовалась девочка.

— Нет, на этот раз погуляй с Пепитой. Я должна заняться хозяйством, у нас завтра гости.

Ирене разочарованно вздохнула.

— Опять этот противный Нунке!

— Ирене!

— Знаю, знаю я, что ты сейчас скажешь! Что он много для нас сделал, что он умный, что он...

— Я хотела бы, чтобы ты и в самом деле это поняла.

— Но как же я могу, если знаю, что он злой!.. Приказал Хуану вывести Росинанте, поднял пистолет и...— глаза девочки налились слезами.— А потом на Хуана же и свалил, сказав, что тот недосмотрел...

— Ты же обещала мне! Ну сколько можно так горевать! Хочешь, я куплю тебе другую лошадь? Или маленького, хорошенького мула?

— Не нужна мне другая! Не хочу мула!

— Боже, как ты меня измучила!— Эти слова, будто тихий вопль, вырвались из уст Агнессы, и Ирене вмиг притихла.

— Я буду хорошей-прехорошей, только не говори так! Хочешь, выпью лекарство? И позови Пепиту. Я буду гулять с ней долго-долго и совсем не буду грустить.

Ирене прижалась щекой к материнской руке — молчаливая просьба о прощении.

Как хорошо понимала Агнесса каждый ее взгляд! В течение долгих бессонных ночей, проведенных у ее кровати, она постигла науку этого безмолвного разговора так досконально, что наперед угадывает теперь все желания девочки, знает, когда она чувствует себя лучше и когда состояние ее ухудшается.

Сегодня Ирене ее беспокоит. Не дала сделать массаж, отказалась от прогулки. С самого утра занялась вышиванием. И так торопится, как будто что-то подгоняет ее. Агнесса догадывается, что именно: вера в чудо, вера, которой и сама она жила долгие годы.

Провожая дочь на прогулку, Агнесса снова и снова перебирала в памяти все, что случилось с ней после автомобильной катастрофы. В каком сверхчеловеческом напряжении прожила она те страшные годы!

Тогда Агнесса тоже верила в чудо. Всю страстность своей пылкой природы вкладывала она в эту веру. Ведь и пресветлая Мадонна была матерью! Не могла же она, великая богоматерь, не сжалиться над нею, матерью земной! Ни одной мессы не пропускала измученная женщина, даже дома у себя оборудовала часовенку. Тут она могла оставаться наедине с Мадонной, тут могла обращаться к ней своими словами. Отложив в сторону молитвенник, можно было простым языком рассказать, что у ее крохотки опять болит спинка, а на ножки, такие хорошенькие, с ровненькими пальчиками, она до сих пор не становится. Можно было напомнить Мадонне, что и она когда-то держала маленькое дитя на руках и знает, какое это сладкое счастье — ощущать всем своим существом тепло упругого, крепкого тельца. Беспредельное сочувствие к матери-страдалице, сына которой распяли, можно было излить словами молитвы, вкладывая в них и свою боль, и свою тоску...

Ирене несколько месяцев пролежала в гипсе, и спинка ее выровнялась. Падре Анто-

нио утверждал, что это знамение, посланное Агнессе небом. Она сама в это поверила. С тех пор все ее помыслы были направлены на то, чтобы отблагодарить за милость, ниспосланную ей небом, вымолить для дочурки полное исцеление. Именно тогда падре Антонио и поведал ей о своем решении — начать поход за веру Христову. Молодая женщина плохо понимала, чего от нее хотят. Подписывала какие-то письма, составленные падре, создавала какой-то фонд для основания то ли общества, то ли школы. Ее воображение пленило само название: «Рыцари благородного духа», и Агнесса охотно со всем соглашалась. А потом появился Нунке...

Проведя рукой по лбу, Агнесса старалась отогнать мысли о дальнейших событиях. Ей показалось, что в комнате нестерпимо душно, и она настежь распахнула окно. Но лицо пылало... Вырваться отсюда хоть на один час! Забыть обо всем, отдохнуть от всего...

И, накинув на голову шарф, она побежала к конюшне.

— Хуан, оседлай Рамиро!

Вороной конь, услышав голос хозяйки, прыдет ушами и начинает мелко-мелко перебирать передними ногами. В предчувствии быстрого бега дрожит каждый мускул его покрытого блестящей шерстью тела.

Поставив ногу в стремя, Агнесса сама, без помощи Хуана, вскочила в седло.

— Э-гей! — крикнула она, шевельнув уздечкой.

Как подхваченный ветром, конь сорвался с места. И он, и всадница словно слились в единое целое. Чуткое животное, покоряясь едва заметному движению руки, державшей поводья, то шло рысью, то бежало галопом,

то, распластав над землей передние и задние ноги, мчалось во весь карьер.

Отдавшись наслаждению быстрой езды, Агнесса на некоторое время забыла обо всем, что тревожило ее. Каждой клеткой тела впитывала она предвечернюю прохладу, аромат разомлевших за день кустарников и трав.

Вот так лететь бы и лететь вольной птицей, не выбирая дороги, наобум, до тех пор, пока хватит сил, пока не упадешь на землю в сладком изнеможении, в неудержимом желании слиться с нею, раствориться в ее материнском лоне и прорасти на свет бездумным кустиком травы или диким цветком.

В последнее время Агнесса все чаще убежала из дома и, вскочив на Рамиро, носилась по каменным склонам, извилистым дорогам, выжженным солнцем равнинам.

В одну из таких поездок она увидела цыганский табор, раскинувшийся в ложбине. Сдержав коня, Агнесса застыла на краю склона, не в состоянии пошевелиться, повернуть назад. Хотелось подъехать, вдохнуть дым пылающего в центре табора костра. Чтобы побороть это желание, Агнесса, может быть даже полусознательно, провела рукой по шраму, навсегда вычеканенному на ее плече увесистой плетью старого Петра. Нет, никогда не простит она тех издевательств.

Агнесса уже тронула коня, когда увидела, что к ней со всех ног мчится толпа детишек. Босые, полураздетые, они окружили ее шумной стайкой, выпрашивая гостинцы. Молодая женщина, будто зачарованная, смотрела на их грязные, горящие румянцем мордашки, на поцарапанные, покрытые пылью многих дорог, но такие крепкие ножки, на стройные, подвижные фигурки. Острая зависть ножом резанула ее по сердцу. Серdito крикнув что-то, она рванула поводья и помчалась прочь, ненавидя весь мир, ненавидя цыганят так, будто это они украли здоровье у ее Ирене и стали причиной ее несчастья.

Эта встреча невольно всплыла в памяти Агнессы сейчас, когда она оказалась в местности, похожей на ту, где встретила табор. Теперь она пожалела, что не бросила тогда малышам пригоршню мелких монет — ведь у нее были с собой деньги! — и со стыдом подумала о том, какое у нее злое, несправедливое сердце.

Но не с таким же сердцем она родилась, нет! Это жизнь, бросив ее на произвол судьбы, так жестоко посмеялась над ней. Подневольная Аделы и Петра, игрушка Карлоса, пешка в руках падре и Нунке!

Есть еще одно имя, но даже в мыслях страшно его произнести, потому что это будет богохульством. Но она тоже обманула ее. Самая добрая. Самая ласковая. Мать всех обездоленных. Наверное, слишком высоко в небе поселилась ты, что не услыхала жаркой мольбы, не увидела положенного к твоим ногам окровавленного сердца!

Агнессе становилось страшно от собственных дерзких мыслей. Нет, не имеет она права жаловаться на Мадонну. Боже упаси, она не хотела этого! Просто сердце ее пересохло, как ручей знойным летом. Осталось только русло без живой воды.

Как хочется ей поделиться с кем-нибудь своими сомнениями, видеть рядом человека, который сумел бы развеять тоску, дать совет в трудную минуту! Довериться падре Антонио Агнессы не может, — она давно уже догадывается, что не любовь и справедливость несет он заблудшим душам, а кровь и смерть.

Очень уж странно понимает милосердие падре. Когда Агнесса жила еще в Мадриде, однажды встретила ее на улице большая группа арестованных, — их перегоняли из одной тюрьмы в другую. Сопровождавшая Агнессу Пепита вдруг вскрикнула: среди арестантов она увидела своего племянника и несколько односельчан. Агнесса, как могла, успокоила старушку, пообещав, что падре Антонио похлопочет за них. Ведь односельчане Пепиты были хорошими католиками! Но падре отнесся к просьбе с непонятной враждебностью. «Это такие, как они, искалечили вашу дочь! — воскликнул он сердито. — Это они, будто плевелы, засоряют ниву господню!» Как ни умоляла Пепита, как ни плакала, падре и пальцем не пошевелил, чтобы спасти несчастных.

Подавленная своим горем, Агнесса скоро забыла об этом случае. А вот сейчас он всплыл в ее памяти так ярко, будто все это случилось только вчера. Перед глазами возникли выдубленные солнцем и ветрами сморщенные лица, натруженные руки, сгорбленные спины, что всю жизнь гнулись над жалкими клочками земли. Много таких вокруг... Может быть, и ее родителей точно так же перегоняли из тюрьмы в тюрьму за какую-то мелкую провинность, а может, и совсем без вины, до тех пор, пока не погибли они где-то на дороге или в темной сырой тюрьме?..

Всадница совсем опустила поводья, и Рамиро, не понимая, как вести себя, косит на нее влажным синевато-черным глазом. Идти ему шагом, побежать ли рысью или повернуть к дому, помчаться во весь опор? Конь запрокидывает голову и ржет. Будто проснувшись, Агнесса похлопывает его по шее.

— Пора домой, Рамиро!

Солнце висит уже над самым горизонтом. Нужно спешить, и Агнесса выбирает кратчайший путь. И сегодня, как и всегда, на нем нет ни души. Асфальтированная дорога, блестящая и гладкая, извивается, как огромная жирная гадюка, голова которой скрывается за воротами бывшего монастыря.

Что происходит за его высокими каменными стенами? Почему иногда доносятся оттуда выстрелы? Ни Нунке, ни падре Антонио, ни Ворон — никто из тех, кто бывает изредка на ее одинокой вилле, никогда не разговаривают с ней об этом. Ее дело подписывать счета, в которых она абсолютно ничего не смыслит, время от времени отвечать под диктовку падре на письма, которые она, правду говоря, не всегда и читает.

Как трудно ей, простой женщине, разобратся во всем, что окружает ее в этом богом и людьми забытом углу, куда после стольких испытаний забросила ее судьба.

Перевод с украинского Н. Николенко

(Продолжение следует)

ФЕДЯ, СХОДИ ЗА ВОДОЙ!

Рассказ

В. САПОЖНИКОВ

Рисунки Н. Мооса

Едем! Одна половина вагона женская, другая — мужская, посредине — нейтралка. Едем на уборку, да здравствует Казахстан! Пахнет арбузами, на гвоздике раскачиваются новые кирзовые сапоги — прощай, любимый город, вернемся не скоро!..

Двери распахнуты, сидим, свесив ноги, на полу; мелькают березки, стрелочницы с флажками... Ветер растрепал волосы моей соседке — белый мягкий лен, — она не может с ними справиться, белый лен щекочет и меня по щеке. Сосед с другой стороны — некто в тельняшке — хмурится на все и вдруг спрашивает:

— Что такое «ассоциативный»? Кто знает?.. Так и знал: понапишут всякое...

Моя соседка всем восхищается, она, конечно, первокурсница, и мне почему-то кажется, что зовут ее Света. А паренек ершистый, всклокоченный, не лирик, а физик.

Пели песни, покупали на станциях арбузы, в мужской половине вагона кто-то плясал под гитару. Вдруг на нейтралке появился кудрявый, очень серьезный паренек и сказал:

— Товарищи, есть предложение избрать руководство вагона. Прошу поднять руки, кто за это предложение.

Первой подняла руку моя соседка, светленькая девушка, а потом обе половины вагона — мужская и женская. Предложение было принято единогласно, несмотря на то, что ершистый паренек пробубнил:

— Га! А зачем оно нам, это самое руководство?

Но на него не обратили внимания. Впрочем, он тоже голосовал «за».

После голосования серьезный паренек произнес речь, хорошую речь о дисциплине, и никто уже в это время не жевал и не пел, а затем вышел высокий малый, рыжий, и сказал:

— Есть предложение старшим по вагону № 53421 избрать товарища Мошкина. Кто «за»?

Первой опять подняла руку моя соседка, светленькая девушка, а за ней обе половины вагона — мужская и женская. Только ершистый паренек очень несуразно пробубнил:

— А черт его знает, какой он, этот самый Мошкин!

Однако, подумав, и он проголосовал «за».

Таким образом в нашем вагоне появилось начальство, и стало лучше, а Мошкиным оказался тот самый паренек, который сказал, что есть предложение избрать руководство. Он был круглолиц, краснощек, но серьезен и одет в китель со значком, похожим на орденскую колодочку. И сразу мы почему-то стали звать его не по имени — Федей, а Капитаном. Кто-то из ребят называл его так, и это прилипло. Ну ладно: Капитан так Капитан. Это было даже красиво, и сам Федя ничего не имел против.

Сразу после избрания Капитан приказал двум девушкам подмести нейтралку, потом прилепил на видное место плакат с «Правилами следования в товарных вагонах», и уже через полчаса мы не знали, что бы делали без него. Гитарист по распоряжению Федеи исполнил «Едем мы, друзья», кто-то сбегал за цветами, и вообще в вагоне сразу стало уютнее и организованнее.

А светленькая девушка, прежде чем выйти из вагона, спрашивалась у него:

— Можно, я тоже пойду?

Капитан разрешал.

Меня Капитан выделял из общей массы и, здороваясь, протягивал руку. Я все-таки был человек уже не комсомольского возраста и совсем не нарушал «Правила следования в товарных вагонах». Возможно, поэтому Капитан сказал мне:

— Вы можете иметь особые условия. Вам разрешается.

Капитан был первокурсник торгового техникума (большинство в нашем вагоне оказалось студентами), а ершистый паренек — из депо, слесарь. Ехали мы дружно, носили своим девушкам охапки цветов и на очередном собрании решили всем вагоном проситься в один совхоз. Эту мысль подал Капитан, и мы единодушно поддержали ее. А что? Очень хорошо: шумная вагонная семья наша уже

спаялась, и ребята косились на парней из других вагонов, когда те пилили глаза на наших девушек.

Наш вагон был лучший. У соседей происходили всякие случаи: кто-то напился, кто-то отстал, где-то девушки сняли сапоги и щеголяли в туфлях на шпильках. У нас случаев не было, и Капитан запретил девушкам надевать шпильки. Запретил, и все согласились, что так нужно: мы Капитана любили.

— Ты вот что. Ты обдумай, что я скажу тебе, — часто говорил он. И эта фраза нам тоже нравилась.

— Эй вы, обдумайте, что мы скажем! — кричали мы соседнему вагону, если возникала перепалка. — А ну-ка!

Разговаривая со мной, Капитан тоже произносил свою любимую фразу, только на «вы».

— Вы вот что. Вы обдумайте, что я вам скажу...

У нас с ним было что-то вроде тайны: Капитан любил поспать, парень он молодой, здоровый и, естественно, по утрам под перестук колес просыпал. Вставать же после всех он не мог, он должен был вставать раньше всех, чтобы руководить подъемом. Однажды он попросил меня:

— Вы вот что. Вы, пожалуйста, будите меня — вы человек пожилой, встаете рано, а я, сами понимаете...

Словом, об этом маленьком недостатке Капитана знал только я один и, разумеется, хранил тайну. В дороге и потом, по приезде в совхоз, я будил Капитана. А спал он, надо доложить, крепко, черт, я его даже за уши драл, чтобы добудиться.

Он вставал, умывался, вытирал крепкие щеки полотенцем, потом производил подъем в мужской и женской половинах.

И никто никогда не видел его заспанным, обыкновенным, — наоборот, мы всегда знали его бдительным и всевидящим. За это его и уважали.

Был у Капитана редчайший дар руководителя: он мастерски умел посылать окружающих куда угодно — за свечками, за мылом, за какой-нибудь справкой к начальству. Выяснялось, например, что в питьевом бачке нет воды. Кто-нибудь просил:

— Федя, пошли, пожалуйста, за водой.

И Федя посылал. Нет, он никогда ни на кого не кричал. Он выпрямлялся, мед-

ленно обводил всех взглядом, выбирая кого нужно, и в это время все затихали (не скрою: я тоже затихал и ждал). Потом произносил чью-либо фамилию и добавлял: «Сходи!». Говорил Капитан, не повышая голоса, но приказ падал, как неотвратимый рок, и не подчиниться ему было невозможно. Пошли Капитан меня, я тоже побежал бы — не пошел, — а именно побежал бы, как делали все другие. Ершистый парень из депо зафордыбачился было:

— А что я? Я что, хуже других?

Но Капитан молча смерил его взглядом, и он пошел куда надо и даже побежал и, в конце концов, вспотел от старания. Мне, честно говоря, этот ершистый парень не нравился: одни беспорядки от таких, ей-богу!

Сам Капитан никогда ничего не делал. Посуду после него мыла светленькая девушка, а поливал во время умывания рыжий малый, довольно молчаливый. Вообще это, пожалуй, выглядело бы очень странно, если бы Капитан делал что-то собственноручно. Грузили мы доски (это уже в совхозе было), я поднял один конец и, забывшись, попросил Капитана:

— Федя, помоги-ка!

Он ответил:

— Сейчас пошлю.

И послал кого-то, и кто-то поднял со мной доску, а Капитан стоял рядом и дирижировал:

— Выше! Левее! Еще выше. Новую берите.

И все получилось очень хорошо.

Мы так и сделали, как договорились: всем вагоном поехали в один совхоз. Капитан сам хлопотал об этом, и мы убедились, какой он энергичный и тонкий дипломат. Мало того, и совхоз наш оказался лучшим, с красивым названием «Заря» — все это организовал Капитан.

В совхозе он остался нашим руководителем. Я был в кабинете директора, когда состоялось утверждение Капитана на эту должность. Он сказал, что привез сплоченный коллектив и что здесь, в новых условиях, по-прежнему готов руководить им. По мысли Капитана, бригады совхоза должны были руководить с одной стороны, а он — с другой.

— Не понимаю, как это руководить с одной стороны и с другой стороны? — удивился директор.

— Чтобы со всех сторон. Для большего контроля.

Зазвонил телефон. Директор озабоченно поглядел на Капитана и, повернувшись к аппарату, устало махнул рукой. Он тотчас же забыл про Капитана, сердито ругаясь на кого-то в телефонную трубку, но этим взмахом руки Капитан был как бы утвержден в искомой должности.

В новых условиях Капитан руководил нами следующим образом. Совхозный бригадир говорил:

— Ну, ребята, давайте ток будем чистить.

— Значит, так, — пояснял Капитан задачу со своей стороны. — Чистим ток. Что от нас требуется? Высокая трудовая сознательность. И энтузиазм.

Он произносил маленькую речь, потом вел нас к машинам и наблюдал, как мы рассаживались в кузове, а сам садился рядом с шофером в кабину. От жары он носил белый китель с тем же значком, издали похожим на орденскую колодочку. Китель очень шел к его кудрям и бодрому цвету лица.

Он подавал команды на перекур, на обед, следил, чтобы звенели песни, когда мы возвращались домой. Капитан был вдохновитель бригады. И светленькая девушка говорила:

— Хорошо, что у нас есть Капитан. Что бы мы без него делали?

Просто непонятно, что бы мы делали без него.

После работы мы, усталые и голодные, с песнями возвращались домой. Розовое лицо Капитана слегка припудривалось пылью, и, смыв ее, он первым садился за стол. Ел с медвежьим аппетитом и просил добавки. Ей-богу, наш Капитан был молодцом! Вечерами он брал гитару и очень красиво пел такую песню:

*Не надейся, моряк, на погоду,
А надейся на парус тугой!..*

Песня была морская и очень нравилась нам, а другие песни, например «Едем мы, друзья», он заставлял нас петь в общем хоре. И был недоволен, если кто отказывался.

Мы жили в вагончиках, прямо в поле. У нас было хорошо: степь кругом, шумели говорливые арыки, а вдали громоздились горы. По утрам мы высыпали из вагончиков и бежали к арыку умываться,

а над степью весело дымила наша кухня. Руководя общественной жизнью бригады, Капитан однажды просидел до глубокой ночи и составил два документа: «Распорядок дня» и «Правила поведения в условиях самоотверженной уборки урожая». Документы были взяты в рамки со стеклом и повешены на стене центрального вагончика. В них было предусмотрено все: когда вставать и ложиться, когда петь и не петь, разъяснялось все, что могло быть нам непонятно. Например, то, когда и при каких условиях говорить о дружбе, любви и товариществе. Капитан следил, чтобы «Распорядок дня» и «Правила» четко выполнялись.

Так мы и жили первое время. Жили очень хорошо. И, можно сказать, дружно. Порядок мы любили, и по-прежнему никаких случаев у нас не было. Да, было одно ЧП и опять с ершистым парнем. Этот тип сколотил группировку, неумно хохотал и выкрикивал разлагающие лозунги. Обнаглев, они предложили выгнать из бригады Капитана, как тунеядца (!), а составленный им «Распорядок» и «Правила» выбросить к чертям собачьим. До чего докатились! Состоялось собрание, и Капитан дал анархистам отпор. Светленькая девушка первая проголосовала за линию Капитана, а вслед за ней большинство из женского и мужского вагончиков. Ершистого парня убедили большинством, и он тоже проголосовал «за». Все-таки мы Капитана любили.

И все было бы хорошо — авторитет Феи теперь поднялся еще выше, но произошло нечто непредвиденное. Вдруг в один день — как же! — в полчасика наша бригада распалась. Приехал в лагерь совхозный бригадир, достал какой-то список и сказал:

— Ну, хлопцы, завтра на уборку: начинаем косить хлеб. Слушайте, кто куда пойдет.

Прочитал список: кто штурвальным, кто на копнитель, кто на подборщик, кто водовозом — и нет бригады. Утром к вагончикам подкатили самосвалы, ребята попрыгали в кузова, и, проснувшись, Федя увидел, что вагончики пусты. Он удивился; ему руководить было нечем. Несмотря на авторитет. Он даже растерялся.

Но ненадолго. Вдруг обнаружилось, что небольшая группа наших девушек работает на зерносушилке. Их было человек восемь, и он решил возглавить эту

группку. Стал ходить на сушилку и руководить работой. Расставлял по местам, следил за временем отдыха и посылал за водой. Он делал то, что привык и умел делать. И скоро к нему вернулась присущая ему бодрость. Когда работа шла хорошо, он садился на ворох зерна и пел свою морскую песню:

*Не надейся, моряк, на погоду,
А надейся на парус тугой!..*

Но однажды его обнаружил заведующий сушилкой и грубо прогнал с вороха:

— Эй ты, а ты что здесь? Вот как: солист-артист! А ну, крой отсюда колесом! Солистов тут и без тебя хватает.

Неграмотный человек! Невежда! Откуда такие берутся? Федя шел в лагерь расстроенный и за обедом размышлял, что делать. На его счастье безобразную сцену на сушилке наблюдал управляющий соседним совхозным отделением — энергичный, хороший человек. Вечером он пришел к Капитану, разговорились. Оба понравились друг другу, и Капитану было предложено заведовать материальным складом — гвозди, доски, половая рейка. Три дня Капитан просидел на пороге длинного сарая, но заскучал и отказался. Он любил работу с людьми, живое дело с кадрами, а тут — гвозди. Все-таки у него были другие потребности.

Федя вернулся в бригаду, подновил текст «Распорядка» и «Правил», приказал поварихам прибить над рамками козырек, чтобы осадки не портили документов, и вдруг обнаружил: кухня! Кухня — ведь это общественное питание! Раньше этим звеном Федя пренебрегал, и напрасно. От того, как люди поедят, многое зависит. Даже энтузиазм в труде. И культура отношений. Поэтому на кухне должен быть порядок, четкость. Это ох как надо обеспечить!

Поварихой работала Зина, помогала ей Нина, и он решил их возглавить. Проснувшись, Федя уходил на кухню и стремился непосредственно вникать во все:

— Вы вот что. Дров надо наколоть. Бери топор, Нина.

— Мельче мясо режь, Зина! Что это, какие куски! Не проглотишь.

За обедом он озабоченно ходил между столами, все видел, все замечал:

— Хлеба нарежьте, соли подкиньте. Вечно у вас соли нет. Стыдно! Сходите принесите.

Порядок на кухне был налажен, и все было бы хорошо, если бы однажды Зина вместо масла не заправила кашу уксусной эссенцией. Когда это обнаружилось, она разрыдалась.

— Это он! Он виноват! Уберите его от нас! Уксус... Думала масло. Задолбил указаниями... Уберите! Уберите его!..

С ней случилась истерика: она взвизгивала, по щекам ее текли крупные слезы.

Капитан был отстранен от руководства кухней. Он даже не боролся. Ершистый парень взял большую силу и разложил коллектив. Этот грубиян работал штурвальным, приезжал грязный, как черт, и горланил что-нибудь несуразное.

— Эй, Федя, спой про тугой парус! Мы будем есть, а ты песни пой.

— Как тебе не стыдно! — заступилась за Капитана светленькая девушка. — Замолчи.

Эта поддержка всегда радовала Капитана и еще — рыжий малый Богатырев. Но Богатырев оказался хорошим столяром, и его отправили в другое отделение, кажется, вязать какие-то рамы. Теперь Капитан умывался сам и сам носил свою мыльницу и зубную щетку. Он по-прежнему осуществлял общее руководство, но сейчас это было трудно, потому что теперь он не знал, кому какое давать указание. Коллектив оторвался от него. Он пытался делать организованный подъем и просил будить его, но я вставал в четыре утра и ни разу, сколько ни бился, не мог его будить. Сам же Федя просыпался поздно, когда в вагончиках никого не оставалось и поднимать было некого. Хотел Федя вести индивидуальную работу. Светленькая девушка всем на удивление вдруг — и кто бы мог подумать — влюбилась в ершистого парня. Недаром говорят: женщины! Капитан попытался указать ей на аморальность и отход. Но она расхохоталась ему в лицо и сказала:

— Чучело ты гороховое!

Капитан промолчал и отошел от нее и видел, как она стояла за вагончиками с ершистым парнем, а потом они прошли мимо и смеялись.

А судьба готовила ему еще один удар и нанесла его, можно сказать, в самое чувствительное место — в желудок. Произошло это так. Обычно Капитан обедал один и раньше всех. Как только в котле было готово, он садился за стол, подо-

двигал к себе солонку и говорил Зине:

— Давай!

Его Зина обслуживала сама — таков был порядок. Но однажды, когда он сказал: «Давай!», Зина промолчала, потом рассудительно предложила:

— Знаешь, Федя, лучше я буду кормить тебя после всех.

— Еще что! Почему после всех?

— Понимаешь, ты не работаешь, денег не платишь, а я не могу кормить тебя бесплатно. Ребята узнают, мне же попадет.

Когда роковой смысл этих слов дошел до Капитана, его обдало жаром. Он молчал, не зная, что возразить: это был запрещенный удар. Он отодвинул солонку, спрятал ложку и почувствовал себя совсем плохо. Зина заметила это, и женское сердце дрогнуло.

— Ты не беспокойся, Федя, — сказала она. — В котле всегда кое-что остается, а, если меня спросят, я скажу, что кормлю тебя остатками. Скажу: чем выбрасывать, пусть лучше человек питается.

Капитан встал и пошел прочь. Он был горд. Он шел, а вслед за ним неся запах рожков, поджаренных на масле слухом, до которых Федя был большой охотник. Обычно хорошо поджаренных рожков он съедал по две порции, и сегодня они казались ему вкуснее всех яств на свете.

К несчастью, ветер дул ему в спину, и запах кухни неумолимо преследовал его. Он ушел далеко в степь, спустился в низину, где паслись совхозные бараны.

Они аппетитно жевали траву, и, сглотив горькую слюну, Капитан глубоко задумался. Все силы постоянно отдавал коллективу, еще в седьмом был председателем учкома — руководил целой школой! — и вдруг... Всегда доверяли, выбирали, и все было хорошо... А теперь?

Федя встал и направился к скирдам свежесобранного хлеба. Отвалил сноп, ошелушил колосья, начал жевать. Увы! Это не были рожки в масле! Нашел в логу ягоды — черемуху, бруснику. Съел. Попробовал калину, но она была кисла.

И ночевать Капитан не вернулся в вагончики — спал в скирдах. Он был горд.

Так продолжалось три дня. От «вегетарианской» пищи у него почернели зубы и непрерывно бурчало в животе. Весь трагизм положения состоял в том, что он не видел путей сближения с коллективом. Коллектив в нем не нуждался. А он нуждался в коллективе.

Я нашел Федю у ручья. Он поднял голову. Взглянув в его тоскующие глаза, я понял, что он смертельно, по-волчий голоден. У меня был кусок хлеба, я подал его Капитану. Дрожащими руками он схватил хлеб, вонзил в него зубы. Потом собрал крошки и проглотил их.

Несколько минут мы молчали. Бедный Капитан, как он изменился! Где были его тугие розовые щеки?! В волосах торчала солома, китель со значком, похожим на орденскую колодочку, измят. Увы, и сам Капитан посерел,

СУКСУНСКИЙ МАСТЕР ФЕДОТ КИСЕЛЕВ

ЗАГАДОЧНОЕ КЛЕЙМО

Вся эта история началась в тот момент, когда научная сотрудница Государственного исторического музея в Москве Елена Николаевна Дмитриева обнаружила в музейных фондах подлинный перегонный куб М. В. Ломоносова, на дне которого были вычеканены клейма: «СИБИР, 1748, МФК». Описание своей находки Е. Н. Дмитриева опубликовала в 1941 году в мало распространенном специальном

сборнике «Труды Исторического музея», отметив, что первое клеймо — это фабричный фирменный знак известных уральских заводчиков Демидовых, второе — год изготовления куба, третье — личное клеймо мастера, изготовившего посуду и — «четвертину», которую великий ученый переделал в перегонный аппарат. Но кто такой был мастер ФК? На этот вопрос сотрудники музея, несмотря на длительные и тщательные поиски, ответа не нашли.

Работая над книгой «История нефти в России», изучая

многочисленные источники, я установил, что М. В. Ломоносов исследовал нефть, пользуясь именно тем медным перегонным кубом, который был описан Е. Н. Дмитриевой. Но и я не смог расшифровать загадочные инициалы ФК. Поэтому статья о моих поисках, опубликованная в «Уральском следопыте» (№ 10, 1960), кончалась словами: «Установить по архивам демидовских заводов имя и фамилию мастера, изготовившего лабораторную посуду для Ломоносова, — вот интересная задача для уральских следопытов!»

съежился — голод, правду говорят, не тетка. С трудом разомкнув пересохшие губы, он сказал:

— Ты вот что. Ты найди мне работу. У себя на комбайне.

— Я с удовольствием бы, Федя, — сказал я, — но, понимаешь, нет у нас на комбайне... руководящей работы.

— Я не на руководящую, — сказал он. — На копнитель я.

— На копнитель? На копнитель, Федя, можно! — обрадовался я. — На копнители всегда место найдется.

Часа через два Капитан стоял на копнители моего комбайна и неумело ворочал вилами. Китель снял, рубашка почернела от пота. Я смотрел на него, невесело думал, и на глаза мне навертывались слезы: было жаль Капитана — что-то в нем как бы сломилось, завяло. Исчез Капитан, который мог кого угодно послать, распорядиться и красиво спеть морскую песню про тугой парус. Сейчас на копнители стоял обыкновенный первокурсник, сильно изголодавшийся, с очень грязным лицом.

За обедом Капитан робко попросил добавки, и совхозная повариха, сердобольная толстуха, выскоблила ему кашу из термоса и прибавила от себя яичко. Капитан все съел, собрал крошки и благодарно посмотрел на всех. Ах, Федя, Федя!

В этот день жать мы закончили поздно, часов в двенадцать ночи.

Собрались ехать в село. Капитана не было. Я нашел его в копне. Он спал, зарывшись лицом в солому. Я тряс его, ворочал, тянул за уши — все бесполезно: Федя не просыпался. Тогда я опустился на колени и крикнул:

— Капитан! Вода кончилась, пошли!

Он поднял голову, стал озиаться, словно ища, кого послать, но кругом было чистое поле: посылать было некого. Голова его опустилась, он опять упал на копну и остался недвижим.

Ну и отлично. Летом спать в поле — одно удовольствие. Человек первый раз в жизни поработал, первый раз в жизни честно устал и остался ночевать в поле. Так мы и решили.

Я улегся рядом.

Проснулся я рано. В поле солнце всходит и всех будит, долго не поспишь. Федя лежал уже с открытыми глазами.

— Федя, — сказал я. — Умываться надо. Сходи за водой!

С минуту он молчал, видимо, слова мои доходили до него с трудом. Наконец дошли. Он поднялся, надел фуражку и направился к комбайну, где стоял логушек для воды. Ввалив его на плечи и не взглянув на меня, зашагал к озеру в камышах...

И следопыты откликнулись! Старший научный сотрудник Свердловского областного архивного отдела Анатолий Григорьевич Козлов, изучая старые дела в уральских архивах, установил, что мастером, создавшим ломоносовскую «четвертину», мог быть только один человек — Федот Киселев, состоявший на Суксунском медеплавильном заводе Акинфия Демидова «при деле медной посуды». Сообщение А. Козлова было также напечатано в «Уральском следопыте» (№ 6, 1961).

ОПАЛИХИНСКАЯ КРУЖКА

Известие о мастере медной посуды Федоте Киселеве за-

интересовало его земляков. В Перми газета «Звезда», в Суксуне — «За коммунизм», в Кунгуре — «Сельская новь» опубликовали заметки о наших поисках и находках. И вскоре я получил письмо от работника Камской ГЭС, бывшего рабочего Суксунского завода Ивана Максимовича Хлызова.

«В газете «Звезда» 7 октября 1962 года была напечатана статья о разгаданной загадке. Я находился в это время на своей родине в деревне Опалихино, рядом с Суксунским заводом, где жил и работал Федот Киселев. Прочитав статью, я вспомнил, что в детстве видел в доме отца медную кружку с клеймом на днище. Стал просматривать все закоулки и нашел эту кружку в подполье. На ее днище стоят клейма: МФК, 1766 и еще одно, разобрать которое я не смог. Крышка сосуда утеряна, и поэтому описать ее не могу...» Не смог также ответить И. М. Хлызов и на мой вопрос, как и когда попала кружка к его отцу, к потомку «рабочих людей» демидовского завода.

Прошло несколько недель, и сестра автора письма Антонина Максимовна Хлызова, постоянно живущая в деревне Опалихино в родительском доме, прислала находку своего брата.

Опалихинская кружка, изготовленная из листовой латуни, представляет собой сосуд высотой 14 сантиметров, емкостью более полутора литров. Вес ее около килограмма. Наружная поверхность кружки покрыта прекрасно выполненным чеканным «травным» узором. Техника выполнения орнамента кружки та же, что и на «четвертине» Ломоносова, но рисунок совершенно иной.

За двести лет своего существования кружка, видимо, была в длительном пользовании и немало пострадала. Ее наружная полуда почти полностью стерта. Крышка, отрывавшаяся на шарнире, отломана и утеряна. Корпус помят. Тем не менее орнамент и изображение птиц отлично сохранились и после очистки предстали перед нами как своеобразное произведение прикладного искусства. При сравнении художественного оформления этой кружки и

ломоносовской «четвертины» видно, что за время с 1748 до 1766 года Федот Киселев вырос как мастер-художник.

В музеях нашей страны нашлась и другая посуда с клеймом МФК — кувшин с датой «1760», кофейник 1765 года и чайник без указания времени изготовления. Они имеют изящную форму и также украшены орнаментом, но более простым, чем на кружке. Характерно, что на всех пяти известных нам изделиях Киселева рисунки узора различны. В них нет ремесленного шаблона, нет трафарета, они разнообразны по замыслу и выполнению. Эти подлинные произведения искусства наглядно выявляют творческую выдумку и хороший вкус суксунского умельца. Особенно хороша кружка, найденная на родине мастера.

СУКСУНСКИЙ ЗАВОД

Не имея возможности установить хотя бы основные вехи жизненного пути Федота Киселева, я предпринял поиски материалов о Суксунском заводе, на котором он работал.

Совершая во второй половине XVIII века длительное путешествие по Приуралью, академик И. И. Лепехин посетил и Суксунский завод. В своей известной книге «Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского Государства в 1770 году», изданной в Петербурге в 1772 году, он отметил: «Самое большое достоинство сего завода состоит в делании медной посуды, которая отправляется не только в околные, но и в отдаленные места и делается с изрядным искусством».

Другое, более раннее упоминание о Суксуне я нашел в рукописной книге, имеющей длинное и необычное заглавие:

«Генералом лейтенантом от артиллерии и кавалером ордена святого Александра Георгием Вильгельмом де-Генниным собранная натуралии и минералии камер в сибирских горных и заводских дистриктах также чрез ево о вновь строенных и старых исправленных горных и заводских строениях и протчих курioзных вещах Абрисы».

Г. В. Геннин в течение 12 лет, с 1723 по 1734 год, управлял всеми сибирскими и уральскими горными заводами. Он был выдающимся инженером и артиллеристом своего времени. На Урале он строил новые и «исправлял» старые заводы, совершенствовал технику металлургии и даже стремился в какой-то мере к улучшению условий быта и работы приписанных к заводам крестьян. Перед отъездом с Урала Геннин создал свою замечательную книгу — ценнейший источник истории уральской промышленности, в которой не только подробно описал существовавшие тогда заводы, но и имел цель научить других рациональному ведению производства. Эта книга — настоящая энциклопедия горного дела и металлургии XVIII века. Направленность труда Геннина не соответствовала взглядам и намерениям антинародного правительства временщика Бирона, и его «Абрисы» не были изданы. Но они нашли другую дорогу к читателю, их цитировали другие ученые в своих трудах, частные заводчики снимали с них копии, «кадеты» Горного корпуса усердно переписывали их и использовали как учебник по металлургии. До нашего времени сохранилось пять списков книги Геннина, хранящихся в Публичной библиотеке в Ленинграде (подписанных автором) и в других книгохранилищах страны.

Одна из глав рукописи Геннина называется: «Партикулярные заводы дворянина Акинфия Демидова». В ней оказались сведения о двенадцати демидовских заводах, в том числе и о Суксуне.

«Суксунский медный завод построен в 1729 году по указу Берг-коллегии в Кунгурском уезде на речке Суксуне, разстоянием от Екатеринбурга в 251, а от Кунгура в 42 версты. При том заводе построено медеплавильных печей 12, пармахерских 2 горна, 3 молота для дела железа да строится домна и молот для расковки меди. И из выплавляемой тут меди делается всяких род посуды. А руды привозятца с разных рудников, имеющих в том Кунгурском уезде, обысканных ево, Демидова, людьми».

Заводские сооружения Суксуна отличались фундаментальностью. Плотина (длиною в 120 сажен), котельная, меховая и другие здания были построены из камня. В середине 30-х годов XVIII века, когда истощались местные рудные «гнездовые» месторождения, на заводе начали перерабатывать — «очищать» медь, доставляемую со стороны. Это было крупное комплексное металлургическое и металлообрабатывающее предприятие, сооруженное с учетом всех достижений техники того времени.

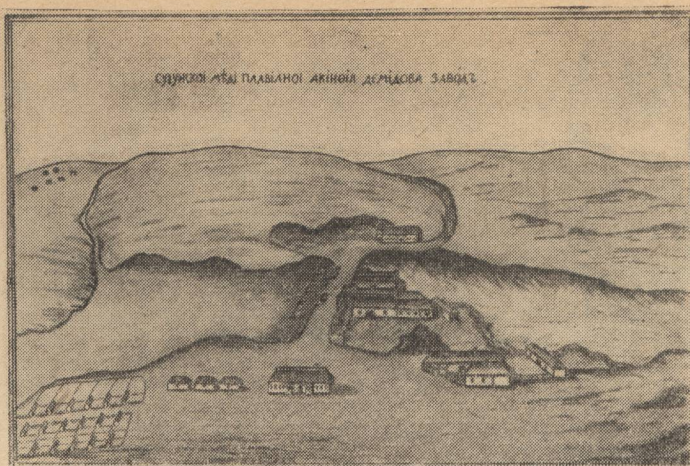
Кроме описания, в книге Генина приведен и «чертеж» Суксунского завода, выполненный так же, как и другие многочисленные чертежи «Абрисов», «бергшвореном» (был тогда такой чин в горном ведомстве) Кутузовым.

Таким образом, два авторитетных источника свидетельствуют о том, что в 1734—1770 гг., то есть в тот период, когда на Суксунском заводе работал Федот Киселев, этот завод славился «деланием медной посуды с изрядным искусством».

В настоящее время Суксун — поселок городского типа. Бывший завод Демидовых превращен в предприятие, оснащенное новейшей техникой. В ассортименте его продукции частично сохранилась его старинная специальность — на нем изготавливаются самовары. Но уже электрические.

«РАБОТНЫЕ ЛЮДИ»

Вместе с рассказом об уральском горном деле Генин оставил нам немало сведений и о положении «работных людей» на Урале в XVIII веке. В те времена «сибирские» (то есть уральские) администраторы стояли в первом ряду казнокрадов и грабителей. Генин писал: «Всюду видна злая пакость, крестьянам бедным разорение от судей и в городах и слободах зело тягостно от управителей». Демидовы особенно жестоко эксплуатировали приписных крестьян и заводских рабочих, крепостных и вольнонаемных.

О них Генин специально отметил: «А за работу им зачитается за подать по два гроша на день человеку. А доимки на них много, а платить деньгами не могут». Сами крестьяне в жалобе на Демидова писали: «От его Акинфиева налога и непомерной изгони обнищали и всеконечно разорились».

Хотя Генин был прогрессивнее многих своих современников, но и он стремился к максимальной эксплуатации «работных людей». Излагая в главе «Меднопосудное дело» наставления по организации этого производства, он указывал: «А ежели явитца, что изломано или издержано напрасно от его мастерского несмотрения, оное все доправить на нем»... «Обрески и откалину сдавать по весу, за неисполнение мастера штрафовать»... «За излишнюю издержку меди против проб — взыскание с мастера чинить»...

Мы ничего не знаем о жизни самого Киселева. Но высказывания и наставления Генина образно говорят о том, что в условиях крепостнического Урала XVIII века она была трудной и тяжелой.

Однако и в этих условиях подневольного, нищенски оплачиваемого труда Федот Киселев создавал образцовые произведения прикладного искусства. Он был незаурядным, талантливым человеком, художником-самородком, сумевшим в таком деле, как изготовление медной посуды, проявить свое самобытное мастерство.

ВОПРОС ЗА ВОПРОСОМ

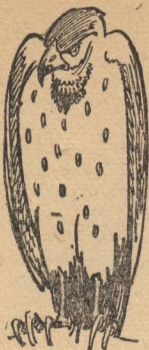
В поисках разгадки именного клейма на перегонном кубе Ломоносова мы узнали многое. Но одновременно результаты поисков поставили и новые вопросы.

Фамилия Киселевых оказалась довольно распространенной в окрестностях Суксуна.

К середине XVIII века, после мероприятий Петра I по организации отечественной промышленности, медь перестала быть в России дефицитным материалом. Ее добывали и перерабатывали в количествах, удовлетворявших не только потребности страны, но и экспортной торговли. Развитие внутренних рынков повысило спрос на медную посуду и способствовало улучшению ее качества. А. Г. Козлов установил, что в 1747 году на Суксунском заводе было 15 учеников меднокотельного дела. Не было ли среди них других мастеров-художников? Не был ли Суксун в свое время центром самобытного отечественного прикладного искусства, как, например, знаменитый Палех или дагестанский аул Кубачи?

На эти вопросы могут ответить уральские следопыты. Надо поискать в «подпольях» и «закоулках» старинных домов в городах, поселках и деревнях Урала, и тогда, вероятно, будут найдены новые художественные произведения Федота Киселева или его современников и учеников.

Профессор К. КОСТРИН

СОПЕРНИКИ

Рассказ

Г. ШАХНОВИЧ

Рисунки В. Бубеницкова

Годы войны мы провели в Средней Азии. Эвакуация забросила нас в далекий горный кишлак, и, если бы не радушие Адильбекова, нам пришлось бы совсем худо.

Сам хозяин редко бывал дома, да и то больше наездами: чабан, он все время проводил с отарой.

Мне, мальчишке, в кишлаке понравилось. Я немедленно подружился с местными ребятами и научился у них множеству полезных вещей: ставить на колени верблюда, собирать кизяки и нащипывать их для просушки на дувале — другого топлива там не было. Я научился пронзительно свистеть без помощи пальцев, изничтожать скорпионов и играть в альчики.

Спали мы, спасаясь от духоты, на плоской крыше мазанки и слушали, как по ночам плачут шакалы. Плакали они жуткими, захлебывающимися голосами; с непривычки становилось тоскливо и тревожно. Я долго не мог уснуть.

Одного из них я как-то видел. Шакал рыжебурого цвета стоял настороженный, с его короткой тупой морды свисала густая слюна. Заметив меня, он шмыгнул в заросли карагача.

Кроме нас, во дворе еще жили дюжина кур, петух и дворняжка Тяпа. Куры были все одинаковы — неповоротливые и робкие несушки. Зато петух — огненный красавец — был созданием необычайно легкомысленным, вздорным и капризным.

Была еще, как я упоминал, дворняга Тяпа — очень послушная, очень ласковая, очень себе на уме. Когда мы садились обедать, Тяпа не спеша — она берегла себя — вылазила из конуры и с мисочкой в зубах подходила к столу. При этом глаза ее смотрели преданно и самозабвенно.

Жили мы тихо, мирно, кротко сносая неровности петушиного характера. С Петей просто старались не связываться. Он это чувствовал и наглед.

Неожиданно безмятежность петушиного существования омрачилась.

В один из наездов старик Адильбеков привез с собой орла со сломанным крылом, который сразу же не понравился петуху. Он невзлюбил его с первого взгляда. Как натура мелкая и завистливая, Петя почувствовал в нем возможного

соперника. Не то, чтобы орел проявлял повышенный интерес к курам — он не обращал на них внимания, но куры нет-нет да и поглядывали на диковинную птицу, и Петю это страшно раздражало. Он нещадно бил хохлаток и искал случая поквитаться с орлом.

Орел целыми днями недвижно сидел в тени орешника, нахохлившийся и отчужденный.

Я пытался приручить его, как собаку. Я протягивал ему на ладони кусочек мяса и настаивал: — Дай лапу!

Орел брал мясо серым с чернотцей клювом, заглатывал его, не пережевывая, и смотрел на меня желтыми немигающими глазами: он не понимал, чего от него хотели.

— Дай лапу!

Орел открывал глаза и снова закрывал их. Ему было скучно со мной.

На его желтые глаза опускалась сизая пленка век. Орел засыпал.

— Дай лапу!

Недели через две крыло у него зажило, но он не улетел, он остался жить с нами.

Когда орлу надоедала земля, он неумело подпрыгивал и взмахивал крыльями.

Взмах, еще взмах — и в прозрачном небе повисала черная капля.

В это время Петя старательно скреб землю, упорно стараясь не смотреть вверх. Если б он мог, он бы, вероятно, заплакал. Но петух не умел плакать так же, как не умел летать, и поэтому озлобленно скреб землю.

Впрочем, страдал он недолго. Разрывая землю, всегда можно найти червячка. Петя удовлетворенно кряхтел, и к нему возвращалось отличное настроение.

Я заходил в дом и выносил на раскрытой ладони кусочек мяса.

Капля нарастала, стремительно, до боли в глазах.

Дворовый песик Тяпа, скуля, кидался в конуру.

Удивительно точно падая на руку, орел, не задевая ее, схватывал мясо и уносился ввысь.

Я все еще не терял надежды приручить его. А он уже опять висел неподвижной черной каплей.

Потом устало дремал в тени орешника.
Петух мелкими шажками незаметно подкра-
дывался к нему и норовил клюнуть в глаз.
Орел неуклюже отскакивал.
Петух победоносно хлопал крыльями и гром-
ко ликовал:

— Ку-ка-ре-ку!

Куры подхватывали:

— Ко-ко! Ко-ко!

Огненный петух подбегал ко мне и больно
клевал в ногу. Его боялись! И он хотел, чтобы
это знали все. Я выносил ему хлебные крошки.
Петя торопливо хватал их — ему было некогда —
и, ободренный успехом, бросался на орла.

Орел лениво взмахивал крыльями и садился
на дувал.

Петя с разбегу останавливался и гневно косил
глазом. Он пытался заскочить на дувал и срывал-
ся, царапал глину когтями. Наконец, после второй
или третьей попытки ему это удавалось. Он шел
на орла, устрашающе похлопывая пестрыми
крыльями.

Орел так же лениво садился на вершину
орешника, явно уклоняясь от боя.

Здесь он был недосягаем. Петух понимал
это. Он спрыгивал вниз и срывал злость на курах.
Хохлатки приниженно ворковали:

— Ко-ко! Ко-ко!

Орел был далеко, а петух близко.

Петя приспускал пламенное крыло и описы-
вал по земле круг победы, затем подбегал к
крыльцу и нахально требовал крошек.

Ел он жадно, не подпуская к себе кур. Наи-
более неосторожных он поклевывал и даже ля-
гал ногами.

В эти минуты он был хорош — высокомер-
ный, могущественный, и упитанные куры безро-
потно сносили побои...

Случилось это вскоре после очередной
стычки.

В тот день Петины дела не ладились с само-
го утра. Начнем с того, что он проспал побуд-
ку — явление, безусловно, неслыханное. Он бро-
дил по двору хмурый и ко всем придирался.

Умная Тяпа, позавтракав, скрылась в неведо-
мом направлении, подальше от греха.

Петя несколько раз сзывал кур, пружинно
выкатывал шею и пытался протрубить свое «ку-

ка-ре-ку». Но голос у него срывался, как у про-
стуженного тенора, и получалось невнятное хри-
пенье.

Я не выдержал и громко рассмеялся.

Вне себя петух подбегал ко мне и изо всех
сил ударил клювом. Я продолжал смеяться, и пе-
тух иступленно колотил меня.

Тогда-то и появился шакал, тот самый, ры-
жий, со слюнявой мордой.

Нагловато зыркнув по сторонам, он устре-
мился к курам.

Куры шарахнулись, и впереди всех, как и по-
добает придворному «полководцу», дергая голо-
вой, улелетывал петух.

То ли от страха, то ли по другим причинам
он выронил из хвоста несколько неповторимо
роскошных перьев.

Я растерялся, а время исчислялось мгнове-
ниями.

Шакал уже настигал петуха...

И вот тогда я впервые увидел орла в деле
и понял, что мне никогда не удастся приучить
его подавать по-собачьи лапу.

Его распластанные крылья, как огромные
руки, заслонили солнце. Во дворе сразу потем-
нело.

Его крылья опустились, накрыли шакала и
рванули вверх, унося захлебывающийся визг.

Визг затухал, становился невнятной — и в не-
бе повисла одинокая черная капля.

Вдруг капля раздвоилась: орел разжал когти...

ДЕРЕВО ВЕЧНОСТИ

На Урале можно встретить немало древних зданий, в которых будто каким-то чудом сохранились деревянные части сооружений. Посмотрите на лестницы Невьянской башни, возведенной более двухсот лет назад, и на междуэтажные перекрытия воеводского дома в Соликамске, построенного на сто лет раньше башни. Они удивительно прочны — время бессильно перед ними. Когда в 1926 году в Свердловске разбирали гостинный двор, простоявший две сотни (на этом месте теперь Горсовет), то строители поражались, до чего же крепкими оказались в нем деревянные балки.

Мертвый брус плотины Очерского завода пролежал почти двести лет и не имел никаких признаков гниения. Стропила старинных соборов Соликамска, Чердыни, Верхотурья прослужили по триста и больше лет, а были как новые.

Что же это за чудо-дерево такое?

Специалисты определили, что это лиственница. Наша уральская лиственница, слава о которой давно идет по свету.

Как известно, знаменитый итальянский город Венеция начал сооружаться еще в V веке. Он расположен на 118 островах, имеет 160 каналов и 400 мостов. Город покоится на *лиственничных* сваях. Говорят, что там их более 400 тысяч штук.

В 1827 году обследовали некоторую часть свай, на которых основана надводная часть города. Они как будто окаменели. Дерево сделалось до того твердым, что не только топор, но и пила едва берет его.

Тентори, автор 12-томной истории Венеции, вышедшей более двухсот лет назад, пишет:

«...Благополучие населения Венеции обеспечивается: всемирной торговлей и прочностью свайных сооружений города на островах — *пермскими карагаями*».

Нашими, уральскими!

Правда, документальных сведений о том, что пермская лиственница вывозилась в Венецию, да еще так давно, мы не имеем. Но зато твердо

установлено, что с Печоры она вывозилась в Англию, Францию, Италию. Вероятно, изумительные свойства дерева создали ему такую популярность, что венецианские архитекторы, зная о колоссальных массивах лиственничного леса в пермских землях, стали свои Венеции называть «пермскими карагаями».

Не менее 40—45 тысяч лиственничных свай в городе Архангельске, строительство которого началось еще в XII веке.

Внутренние деревянные детали башен и соборов Кремля стоят по 500—600 лет — они тоже из лиственницы. Из уральской? Возможно. Сваи Ленинграда, Волгограда, Одессы — лиственничные и доставлены из Прикамья. Это уж мы знаем точно. Даже окна в Зимнем дворце в Ленинграде сделаны из «пермского карагая».

Полубилось это дерево и кораблестроителям.

Одна из русских газет в 1868 году сообщила, что только в Архангельском порту, со времени его основания по 1862 год, было построено 500 военных кораблей исключительно из лиственницы.

«Лиственница, — пишет газета, — более сохранилась, нежели дуб, в котором заключается дубильная кислота, вредная для болтов... Наша северная лиственница составляет превосходный материал для подкладки под броню: она легче тика, не протачивается червями, как сильно смолистая, не сгнивает... на открытом воздухе и в особенности в воде она твердеет до окаменения». В 1857 году разобрали корабль «Россия», проплавивший 17 лет. Лиственница в нем оказалась совершенно здоровой, тогда как дубовые части совершенно сгнили.

Интересно заметить, что корабль «Нарва», построенный в 1846 году, через семнадцать лет был затоплен на фарватере для ограждения Кронштадта. Перед затоплением часть изготовленных из лиственницы деталей сняли и использовали их на отделку «Варяга» — легендарного крейсера России.

Вот какое дерево лиственница!

КАМЫШЛОВСКИЙ

ЭТНОГРАФ

В СССР известно 11 пород лиственницы, из них на Урале — три. Все они по твердости и крепости не только не уступают дубу, но и превосходят его. Лиственница обладает большой гибкостью и упругостью, очень хорошо отделяется и замечательно полируется. Она не окисляет железо, и поэтому лиственничные шпалы держатся более 20 лет, тогда как сосновые только четыре года (костыли, забитые в шпалы, окисляют и разрушают их).

Эти качества привели лиственницу в сельскохозяйственное, вагоностроение, авиастроение, в строительство.

Из ее древесины получают также камедь, применяемую как клей, целлюлозу, спирт. А из хвои — ценное эфирное масло.

Особую ценность представляет кора дерева, она содержит много (больше, чем у дуба) танина и служит прекрасным дубильным сырьем для кожевенной промышленности, красок для тканей.

Некогда леса Урала были очень богаты лиственницей. Об этом говорит обилие населенных мест и урочищ с названием Карагай. Есть село Карагайское и деревня Карагай в Пермской области, село и озеро в Челябинской области. На севере Челябинской области есть селение и озеро по названию Карагайкуль. И много еще других. А слово «карагай» на тюркских языках означает «лиственница».

Оказывается, в отдаленные времена это дерево распространялось очень широко, вплоть до Оренбургских степей и Киргизии.

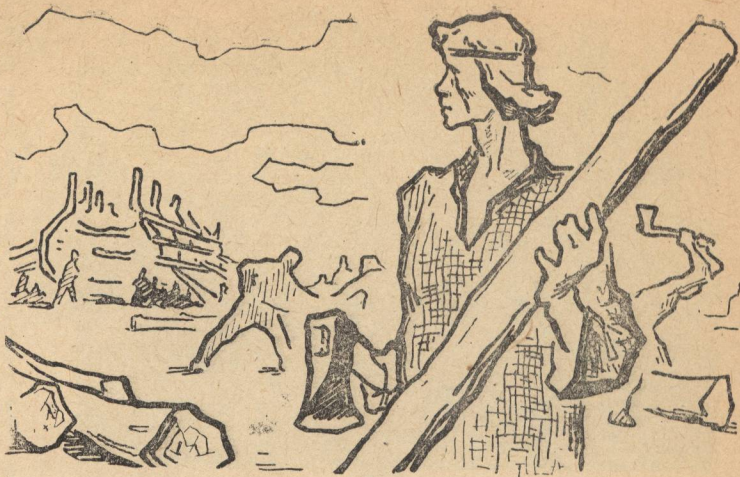
Много лиственницы на Дальнем Востоке, в Польше, на Балканах, в Австрийских Альпах и в Швейцарии, в Финляндии и в Прибалтике.

Но к XX веку лиственничные насаждения на больших площадях остались только в Сибири и на Дальнем Востоке.

В Европейской части России остались лишь незначительные участки.

Исчезает она и на Урале.

Между Чердынью и Бондюгом в Пермской области почти два с половиной века существовала и хозяйственно эксплуатировалась Кушмангорская дача, почти сплошь состоявшая из лиственницы. В 1944 году ее вырубili, и сейчас на

протяжении сорока километров маячат одинокие экземпляры «дерева вечности».

Не пора ли нам взяться за охрану лиственницы и за усиленное разведение ее!

Можно быть уверенным, что она возместит стоицей затраченные труды. Ведь это дерево уже в возрасте 60—70 лет дает столько же древесины, сколько сосна и ель на 40—50 лет старше.

Не забудем при этом, что «дерево вечности» не прекращает роста до 150—200 лет, а запасы ее древесины достигают 1500—2000 кубометров на гектар. Она неприхотлива, растет на самых разнообразных землях, ее можно пересаживать даже в довольно солидном возрасте (это выгодно для озеленения городов).

Садят лиственницу и семечками. В 1939 году ее посадили в ширококореченском лесничестве. На трети гектара посеяли около 1250 семян. Более 80 процентов из них прижились и через 20 лет вымахали до 15 метров в высоту!

А. ШАРЦ, А. ПОХОДОВ

Организованное в 1846 году Петербургское Географическое общество провело большую работу по изучению нашей страны. В архиве его сохранилось много неизданных материалов по этнографии и истории отдельных местностей России. Среди них — рукопись на 18 листах нашего земляка, камышловца Василия Прибылева. Называется она: «Замечания о жителях города Камышлова и в окрестности оного находящихся».

Рукопись получена Географическим обществом в 1850 году.

В ней подробно обрисованы жилища, пища, обувь и земледельческие орудия крестьян, указаны особенности местного языка, мало или вовсе не известные пословицы. Рукопись и поныне хранится в Ленинградском архиве Всесоюзного Географического общества и представляет интерес для изучения прошлого (более чем столетней давности) уральского города и его окрестностей.

Первый камышловский этнограф Василий Прибылев пользовался большим уважением своих сограждан. К нему ча-

сто обращались за помощью, он составлял письма и прошения, помогал ученикам, вел летопись города, отмечая явления природы и выдающиеся события. Один из сыновей Прибылева — Александр стал народовольцем и был сослан в Сибирь.

Умер Василий Прибылев в глубокой старости. В Камышлове сохранился дом, в котором он жил, — по улице Свердлова, 35.

П. Кошкин.

ОДНИ ИЗ ПЕРВЫХ

В конце 1919 года в спортивном зале бывшей мужской гимназии (ныне свердловская средняя школа № 9) был создан спортивный клуб. Он назывался «Екатеринбургский Центральный пролетарский спортивно-гимнастический клуб Всеобуч «Сила и здоровье». Занимались в нем гимнасты, футболисты, тяжелоатлеты, боксеры.

В клуб вначале принимались все желающие, а потом для вступающих стала требоваться рекомендация одного из членов. На первых порах зачислялись «соревнователями» (проходили своеобразный испытательно-проверочный стаж), а затем уже переводились в действительные члены клуба. Некоторые из них в то время заслуженно пользовались известностью и любовью болельщиков спорта — футболисты и конькобежцы братья Борис и Глеб Фомичевы, гимнасты на снарядах Лев Иевлев, ныне известный киноактер Олег Жаков, Иван Добрынин и другие.

У меня сохранилась сделанная мной любительская фотография.

А. СУВОРОВ

Главный редактор В. ШУСТОВ

Редколлегия: А. АСС, В. АСТАФЬЕВ, В. ВОЛОВИЧ, М. ГРОССМАН, С. ЗАХАРОВ (ответственный секретарь), Ю. КУРОЧКИН, А. МАЛАХОВ, В. ОЧЕРЕТИН, Г. РАМАЗАНОВ, К. РОЖДЕСТВЕНСКАЯ, Л. РУМЯНЦЕВ, И. ТАРАБУКИН (зам. главного редактора), Г. ТРИФОНОВ

Рукописи не возвращаются

Технический редактор Э. Максимова Корректор Г. Стороженко

Адрес редакции: Свердловск, ГСП 353, ул. Малышева, 36, комн. 79 и 87. Телефоны Д1-22-40 (для справок), Д1-26-01 (редактура), Д1-85-70 (доб. 7-49) производственный отдел.

Свердловское Книжное Издательство

Подписано к печати 28/X. 1963 г. Бумага 84×108/16=2,62 бум. л.—8,61 печ. л.—уч.-изд. л. 10,45
НС 26242. Тираж 80 000. Цена 30 коп. Заказ № 598

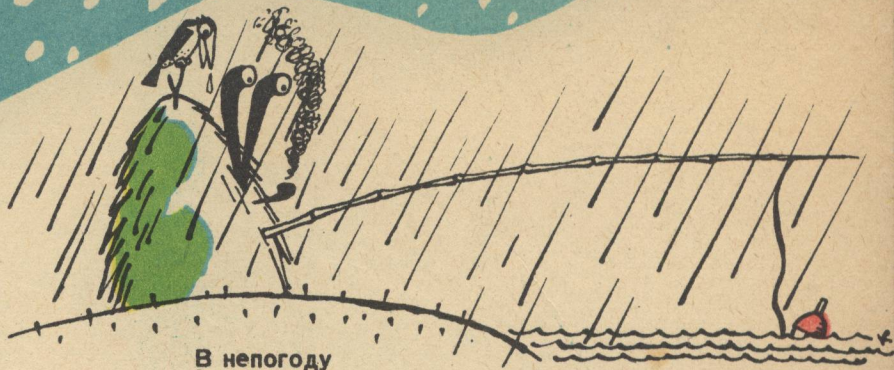
Типография издательства «Уральский рабочий», Свердловск, проспект Ленина, 49.
Обложка отпечатана на Свердловской фабрике офсетной печати.

В НОМЕРЕ:

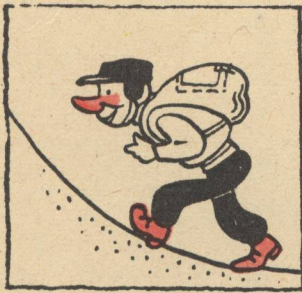
ЮНОСТЬ НАШИХ УЛИЦ. Юрий Трифонов. Поэма	1
МЫ ВСЕ ОТ РОЖДЕНИЯ КРЫЛАТЫ	10
СОЛНЕЧНЫЙ КАМЕНЬ	17
СЛЕДОПЫТЫ СООБЩАЮТ. Уральская марка	18
НА ПРИЕМЕ У ЛЕНИНА. Ю. Юсов	20
ЗНАЕШЬ ЛИ ТЫ УРАЛ?	22
ПОИСКИ, НАХОДКИ, ОТКРЫТИЯ	23
КЛЮНИЧКА. И. Софронов	24
НА СУХОЙ ПРОТОКЕ. И. Зыков	24
ПОДВОДНЫЕ ПАСТИЩА. Следопытский гектар. Ю. Курочкин	25
КАК, ЧТО, ПОЧЕМУ?	26
ПАМЯТНИКИ ПРИРОДЫ ОРЕНБУРГСКОЙ ОБЛАСТИ	30
ЕДИНСТВЕННЫЙ ПОРТРЕТ. Е. Петряев	32
МАТРОС РЕВОЛЮЦИИ. С. Захаров. Очерк	33
ЯРКИМ ФАКЕЛОМ ОКТЯБРЯ! Л. Машин. Стихотворение	40
АССИСТЕНТ ДОКТОРА КЛАРКА. В. Бугров. Конкурс научной фантастики	45
ТУРЫ В ТАЙГЕ. ГЕОЛОГИЧЕСКАЯ ОДИССЕЯ. Александр Круглов. Рассказы у костра	52
И ОДИН В ПОЛЕ ВОИН. Дольд-Михайлик. Приключенческий роман. Книга вторая	56
ПИСЬМА БОРЦОВ НАРОДНОГО ФРОНТА. В. Корешков	62
ФЕДЯ, СХОДИ ЗА ВОДОЙ! В. Сапожников. Рассказ	67
СУКСУНСКИЙ МАСТЕР ФЕДОТ КИСЕЛЕВ. Профессор К. Кострин	72
СОПЕРНИКИ. Г. Шахнович. Рассказ	76
ДЕРЕВО ВЕЧНОСТИ. А. Шарц. А. Походов	78
КАМЫШЛОВСКИЙ ЭТНОГРАФ. П. Кошкин	78
ОДНИ ИЗ ПЕРВЫХ. А. Суворов	80

Стихотворение на вклейке Л. Сорокина.

Обложка В. Бубенщикова.

В непогоду

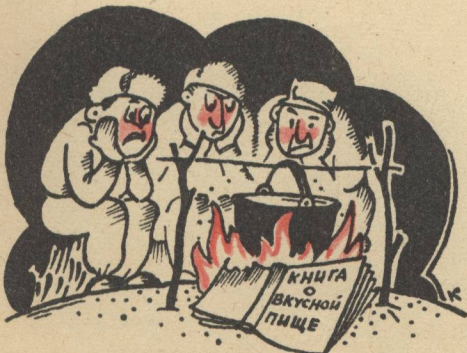
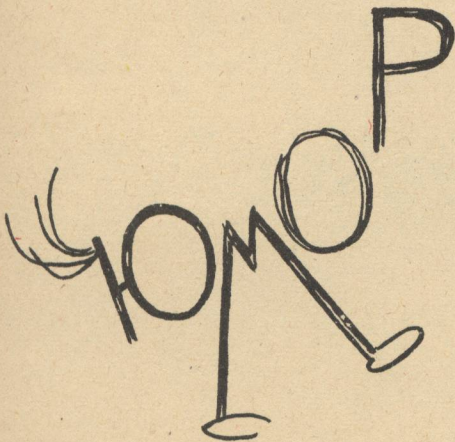
Многодневный поход

Перехитрил

В комнате альпиниста

Последняя надежда

На тренировке

30 коп.

73413

